

Александр Сальников

Ветлуга поёт о вечном

16+

Александр Аркадьевич Сальников

Ветлуга поёт о вечном

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33388078

SelfPub; 2023

Аннотация

Перед читателем эпическая поэма о средневековой Руси. Поэма посвящена Великому Поветлужью и всем народностям, населяющим этот благодатный сказочный край, от истоков реки Ветлуги и до её устья. В поэме рассказывается о борьбе русского народа с татаро-монгольским игом за независимость и свободу; об объединении земель вокруг московского княжества. Предисловие к поэме написал московский поэт Леонид Котов. На обложке дизайна А. Сальникова использована картина В. Васнецова «Витязь на распутье» (1882 года).

Александр Сальников

Ветлуга поёт о вечном

Поэма для всех

(Предисловие к поэме)

Перед читателем эпическое широкоплановое произведение о давних событиях нашей истории. Увлекательный сюжет изобилует многочисленными опаснейшими ситуациями, в которые попадают герои. Читаешь и удивляешься неисчерпаемой фантазии автора, многократно подвергающего своих героев труднейшим испытаниям, грозящим им гибелью, из которых, казалось бы, нет выхода, но спасение, совершенно неожиданное, вдруг приходит. Увы, как и в жизни – спасение приходит не всегда, кто-то из полюбившихся героев всё же гибнет. Но, такова правда жизни. И все эти события происходят на реальном историческом фоне XV века, привязаны к реальным географическим местам, основным из которых автором выбрана река Ветлуга в верхнем Поволжье. В Поэме множество героев, среди которых немало хорошо известных исторических личностей. Множество географических названий (реки, города, деревни), часть которых сохранилась и поныне.

Все сцены, будь то описание разнообразных пейзажей в разное время года, или описание многочисленных битв, опи-

сание людей, их экипировки – всё это рисуется так тщательно и подробно, будто автор всё это видел в натуре.

Вышесказанного, я полагаю, достаточно, чтобы заинтересовать человека, не потерявшего вкуса к чтению литературы подобного рода.

Но есть и причины читать эту поэму людям, склонным к художественной литературе философского характера. Основная сюжетная нить поэмы – распространение христианства на дальние пределы российского государства и сопротивление этому местного населения, руководимого жрецами (в Поветлужье – главным образом марийского). А вопросы религии – богатейшая почва для дискуссий между защитниками религий и атеистами. Христианин найдёт в Поэме множество мест, которые вызовут у него одобрение тому, как монахи словом убеждают погрязших в варварских верованиях марийцев в преимущества верования в единого Бога – Христа. Атеист – множество сомнительных мест в библейских высказываниях, которые можно толковать и так, и этак. Да и самих монахов автор неоднократно застаёт за рассуждениями, которые строгая церковная братия могла бы назвать ересью. Конечно, автор не может оставить их в “заблуждениях” и потому каждый раз упование на божий промысел и вызванные молитвами чудеса разряжают сомнения, но у проницательного читателя эти сомнения могут остаться. Тем более, что это только наши герои – три монаха – несут слово божье убеждением, а воинские дружины (московские, нов-

городские) насаждают его “мечом и огнём”, оправдывая это тем, что и князь Владимир крестил Русь таким образом.

Поэма является удивительным явлением в современной поэзии, единственным в наше время поэтическим произведением, охватывающим широчайший пласт истории нашей страны, к тому же написана она прекрасным красочным языком.

поэт Леонид Котов,
Москва

Ветлуга поёт о вечном

«О, если бы ты внимал заповедям Моим!
тогда мир твой был бы как река,
и правда твоя — как волны...»
(Исаия 48:18)

Часть первая

Якшанский монастырь

«Кто это поднимается, как река,
и, как потоки, волнуются воды его?»
(Иеремия 46:7)

1. Божественный посланник

Три монаха бельё полоскали в реке
Ранним солнечным утром, весенней порой
На дощатых широких дубовых мостках,
Что врезались в Ветлугу. Они босиком, –
Закрутив до коленей и выше портки,
Засучив рукава, а подола у ряс
Для удобства подняв и заткнув в пояса, –
Дружно, молча, трудились. А на берегу
Их обувка стояла. И лодки вблизи
У причала качались на лёгкой волне
Словно строй лебедей. А вдали на холме
Виден был монастырь, что Якшанским зовут.
Возвышалась стена, словно лес строевой,
Частоколом из брёвен до самых ворот.
Над стеной колокольня, как стройная ель,
Поднималась, крестом уходя в небеса.
И дорога шла полем до самой реки.
А вокруг, – сколь давала увидеть река,
Сколько глаз видеть мог, аж до края небес, –
Разнолиственный лес возвышался, глухой,
И на том берегу, и на этом, – кругом!
Первым кончил работу Макарий монах:
Коренаст и плечист, с русой шапкой волос.
Он бельё своё в круглый ушат положил,

Вышел на берег, на ноги лапти надел,
Раскатал рукава, и портки, и подол;
Сел на камень, вздохнул, посмотрел на восход,
Тихо перекрестился, взглянул на друзей:
– День сегодня хороший послал нам Господь.
Словно знает, что памятен будет сей день.
Нынче храм освящаем...
– Да, птицы, и те
Вон как радостно майские песни поют!
Тоже рады весеннему тёплому дню, –
Отвечал ему Тихон. Он был полноват,
Ростом мал, рыж на волос, рябой на лицо,
Но характером весел. Хотел он уже
Взять овальный ушат свой, на берег идти,
Вдруг заметил, как тень пронеслась по воде.
Тихон тут же на небо свой взгляд устремил
И увидел, как сокол над ними стрелой
Пролетел, словно птицу хотел он догнать,
Словно высмотрел жертву на завтрак себе.
Тут же стих птичий щебет. Всё смолкло кругом.
– Гляньте, сокол! – успел лишь сказать он друзьям.
Все взглянули на небо, но сокола след
Уж растаял средь сосен на том берегу.
Зачирикали, вновь осмелев, воробы,
Заскользили и крачки над тихой водой,
Зачертили и ласточки в небе круги.

Всё ожило опять, всюду шум, всюду жизнь.
Третий инок, Варнава, – высокий, худой,
Черновласый и строгий, – свой труд завершив,
Головой покачал и с улыбкой сказал:
– Вот ведь, страху, разбойник, на пташек нагнал!..
– Да, – ответили оба, как будто один.
– Ну, закончили труд и в обитель пора... –
И слова эти только Варнава сказал,
Как раздался по небу раскат громовой.
– Что такое? – все трое встревожились тут. –
Небо ясное. Лёгких два облачка лишь
Над рекою висят, – говорили они,
Осенья себя троекратным крестом.
– Посмотрите! – Макарий, волнуясь, сказал.
Он указывал вверх, между двух облаков.
Там, вверху, среди ясной лазури небес
Человеческий облик едва проступил.
А потом всем яснее увиделся он:
Среди двух облаков плыл в лазури небес
Дивный старец седой и, подняв два перста,
Словно мир под собой он хотел окрестить...
Три монаха застыли, разинули рты
И стояли, на чудо такое дивясь,
Ни рукой, ни ногой не могли шевельнуть.
Тут опять майский гром прогремел в небесах
И монахи крестом осенили себя,

И среди облаков дивный облик померк
И растаял. На небе лазурном текли
Лишь два облака белых над тихой рекой.
– Братья, что это было? – Макарий спросил.
– Это знаменье, братцы! – Варнава сказал. –
А вот что это значит?.. Понять не могу.
– Поспешим-ка, скорее, в обитель, друзья, –
Предложил тут же Тихон, – Игумену всё
Мы подробно расскажем, что видели здесь.
Может, это видение он объяснит... –
И поспешно монахи пошли в монастырь.

2. Одинокий старец

По дороге в обитель Якшанскую им
Повстречался какой-то марийский старик
В одеянии светлом, расшитом кругом
Непонятым орнаментом старых времён.
Его волосы чёрные след седины
Уж изрядный имели в усах, в бороде;
Голова же прикрыта под шапкой была,
Что из шкуры матёрого волка он сшил
Сам себе уж давно, лет двенадцать назад,
Когда лютого зверя рогатиной в бок
Проколол зимней ночью, в курятне застав,
В доме, где на постой попросился, в одной

В деревеньке марийской, чтоб зиму прожить.
Уж теперь эта шапка потёрта была,
Мех облез кое-где, но служила она
Так же ладно. Она и как память была
Старику дорога: волк ему на ноге
Шрам оставил тогда от ужасных клыков.
А в руке старец посох дубовый держал;
Сокол вырезан сверху на посохе был,
А в когтях у него извивалась змея,
Обвивавшая посох до самой руки;
Ниже шли письмена и орнамент; в конце —
Гладкий ствол упирался в дорожную пыль.
Трёх монахам старик, поклонившись, сказал:
— Я в Николо-Корельский иду монастырь.
Уж никак это он? Раньше не был я здесь...
— Он, — ответили все, поклонившись в ответ.
В небе снова раздался раскат громовой
И монахи себя окрестили крестом.
А старик посмотрел в небеса над рекой
И сказал:
— Ничего. Не пропустит река.
Погремит и уйдёт.
— Но ведь туч даже нет!..
— Там, за лесом они. Мимо их пронесёт...
А скажите мне, жив ли Пафнутий отец?
— Наш игумен? Здоров, — брат Варнава сказал. —

Вы знакомы, никак?

– Да, встречались мы с ним...

– А сегодня у нас знаменательный день, –

Брат Макарий добавил. – Сегодня мы храм

Николая Угодника, что был сожжён,

Освящаем, из пепла его возродив.

– Восстановленный храм даже лучше, чем был, –

Брат Варнава добавил. – Мы рады гостям. –

Так они шли со старцем, замедлив свой ход.

Тут брат Тихон решился спросить о другом:

– А скажи нам, отец, ты не видел сейчас

В небе знаменье или какой-нибудь знак? –

И старик ухмыльнулся, качнув головой:

– Видеть – видел. Но знак тот был не для меня,

А для вас.

– Как ты знаешь? – Варнава спросил.

– Как я знаю? Я долго на свете живу.

Мне – слова лишь остались. Дела же – для вас.

Ну а час мой последний ещё далеко...

– Как же можешь ты знать и о часе своём?

– Как я знаю? Я долго на свете живу...

– Что же знаменье значит? – вновь Тихон спросил.

– Что б готовы вы были к дерзаньям своим.

– Да к каким же дерзаньям?..

– То скажет вам ночь...

А теперь – поспешайте, я – следом приду.

Да Пафнутию – низкий поклон от меня!
– От кого же поклон?
– Дед, скажите, идёт,
А на посохе – сокол. Поймёт он и сам. –
И друзья поспешили опять в монастырь.

3. Глаголил им игумен тихо...

За оградой высокой движенье кругом
Пребывало большое, бурлило, текло.
Так в Николо-Корельской обители всё
Суетилось с утра: все – в работе, в делах.
К освящению храма готовились все:
Те, кто в службах участвовать будут, и те,
Кто другим послушанием занят весь день.
Три монаха, оставив у келий бельё,
Не развесив сушиться, в волненьи большом
Поспешили к игумену с вестью своей.
Старца в келье застали. И он, как и все,
К освящению храма готовил себя.
Облачиться помощник ему помогал
Для торжественной службы. Монахи вошли,
Поклонились учтиво, и он им – в ответ.
– Что вам, братия? Вижу, у вас на душе
Неотложное что-то, – игумен сказал. –
Ты, Варнава, начни. –

И, поклон опустив,
Так Варнава рассказ свой короткий повёл:
– Мы бельё полоскали... увидели вдруг:
Быстрый сокол стрелой над водой пролетел,
А потом в ясном небе – раскат громовой...
– Гром я слышал, – игумен Пафнутий сказал.
– А потом в вышине, между двух облаков,
Среди ясного неба увидели мы:
Человеческий облик едва проступил;
А потом всё ясней и яснее... и вот,
Среди двух облаков плыл в лазури небес
Дивный старец седой и, подняв два перста,
Словно мир под собой он хотел окрестить...
Но потом вновь раздался раскат громовой
И виденье исчезло среди облаков...
– Дивный старец седой?.. Не узнали его?
– Не узнали, отец настоятель. Не дал
Разумения Бог. На иконах святых
Облик этот не видели ранее мы... –
Сдвинул брови игумен Пафнутий, умолк
И задумался, глядя в резное окно.
– Мог бы я, если будет позволено мне,
Написать облик старца, – тут Тихон сказал. –
Я запомнил его...
– Хорошо. Напиши...
– А ещё, – вновь Варнава монах продолжал, –

По дороге в обитель, у поля овса,
Повстречался нам старец марийский один.
Он видение видел, и он подтвердит.
Он сказал, что дерзанья оно нам несёт.
А какие? Сказал: ночь нам всё разъяснит;
Что б готовы мы были... Вот только к чему?..
– Что же это за старец? – Пафнутий спросил.
– Шёл он к вам. Скоро будет. И низкий поклон
Вам велел передать. Видно, знает он вас.
В шапке волчьей. На посохе крепком его
Сокол вырезан сверху, поймавший змею...
– Знаю, знаю!.. – игумен лицом просветлел,
Улыбнулся монахам. – Встречались мы с ним.
Вещий Дед. Так мы звали когда-то его.
Это было давно... – На минуту одну
Настоятель умолк, вспоминая своё. –
Это было давно... Монастырь наш тогда
Возле Белого моря стоял, у Двины.
Но однажды... я помню тот день, как сейчас...
Войско мурманов, лёгкой добычи ища,
Монастырь наш Корельский пришло разорить.
И тела мы и души лишь Богу давно
Посвятили, и в руки оружие брать
Не могли. Как ягнят, они резали тех,
Кто пытался их словом своим усмирить.
Впрочем, эту историю знаете вы,

Я её вам рассказывал раньше не раз...
Нас осталось не много, что тайно смогли
Взять святыни и к лодкам спуститься, к реке.
Долго, долго, горюя, мы шли по Двине,
Поднимаясь к истоку, о братьях скорбя...
В скорби долго постились. А время всё шло.
Стали рыбой, грибами питаться в пути.
Только мяса не ели уж месяца два.
Как-то вечером, видим вдруг: на берегу
Преогромный медведь издыхает, лежит.
Уже стонет едва, и хрипит, но и тот
Хрип предсмертный его страшен был и суров.
«Что ж, – мы думаем, – видно сам Бог дал нам знак,
Что закончился пост». Время шло к холодам.
Только к берегу мы не решались подплыть:
Слишком страшен был зверь и велик, и силён.
Как гора он лежал на песчаной косе;
Кровь сочилась из ран, уходила в песок.
Мы же ждали на лодках у кромки воды.
Рык последний свой вскоре медведь испустил
И утих. Но в ушах ещё долго стоял
Этот рык великана. Ещё подождав,
Мы осмелились на берег выйти гурьбой,
Весла, колья, багры наготове держа.
Но медведь был уж мёртв... Только тут, подойдя,
Мы увидели все, что под ним – человек!

Лишь с огромным трудом мы его извлекли.
Был изранен он весь, без сознания, но жив.
Нам тогда он казался седым стариком.
И дивились мы: как он сумел завалить
Великана лесного одним лишь ножом.
Мы его тут же к лодкам скорей отнесли.
Раны страшные чистой водою омыв
И лечебным отваром из трав пропитав,
Чистой тканью покрыли; затем, обвязав,
Так оставили, чтобы набрался он сил.
А медведя разделали, шкуру содрав;
Жир лечебный и мясо добыли в запас.
И больному медведь своим жиром помог:
Быстро он на поправку в дороге пошёл.
Он тогда сам себе, чтобы легче ходить,
Посох сделал дубовый. На посохе том
Сверху сокола вырезал ловкой рукой.
А у птицы в когтях извивалась змея,
Обвивавшая посох до самой руки.
Ниже он на марийском свои письмена
Написал и украсил орнаментом их.
А в конце – гладкий ствол в пыль дорог уходил...
– Это он, – подтвердили все трое в ответ.
– Шёл он с Белого моря к Ветлуге-реке,
В край родной возвращался, из плена бежал.
Только вскоре уж нас он покинуть решил

И пешком по лесам возвращаться один.
«Я – лесной человек, – мне сказал он тогда. –
Лес – мой дом». И ещё он просил рассказать,
Что за веру несём мы с собой по реке.
Долго с ним я беседовал. Веру в Христа
Он не принял, марийским был верен богам.
Но сказал: «Ваша вера не хуже моей».
И ещё: «На Ветлуге вновь встретимся мы
В новом монастыре». Но к Ветлуге идти
Мы тогда не хотели. А он мне сказал,
Что видение видел, и будто бы я
На Ветлуге игуменом буду сидеть.
Мы над ним посмеялись, прозвали его
Вещим Дедом, ещё мы не знали тогда,
Что он правду сказал. Не обиделся он.
И за то, что спасли, долго благодарил.
Так расстались: он лесом пошёл, мы – рекой.
Мне потом лишь открылось, что вовсе не зря
Бог послал нам суровый урок: как в тюрьме,
Мы сидели в обители, Богу служа;
Но другого служения ждал он от нас.
И тогда стали мы просвещать и крестить
Те народы, что нам попадались в пути.
Так мы шли по Двине вплоть до Юга-реки,
Возле Юга, молитву святую воздав,
Поделились мы: часть там осталась служить.

Мы же – дальше поплыли, по Югу. А там,
До истока дойдя, лодки волоком шли
Вплоть до Вохмы-реки. А по Вохме уже
Мы спустились к Ветлуге – прекрасной реке...
Впрочем, эту историю знаете вы... –
Тут вдруг звон колокольный раздался. И все
Осенили себя троекратным крестом.
– Вот и время. Пора нам на службу идти, –
Тихо старец игумен монахам сказал.
– Как же наше видение? – Тихон спросил.
Так ответил Пафнутий:
– Бог ведает то.
Если выбрал он вас, значит, он вразумит
И укажет вам путь, и подскажет, как быть.
Вы ж, – молитесь. – Всех трёх он крестом осенил,
А затем вместе с ними на службу пошёл.

4. Предстоятель у престола

Церковь новая песню запела свою,
Восхваляя Творца за добро и любовь:
Колокольные звоны текли над рекой
И над лесом; над всею округой текли.
А к Якшанской обители люди уже
Отовсюду стекались всё больше, дружнее:
Кто пешком, кто верхом, кто в подводах спешил.

Лодки к пристани шли по Ветлуге-реке:
Кто – с верховья спускался, кто – с берега шёл,
Что напротив: последних Окимий монах
По спокойным волнам в лодке переправлял.
Молодёжь шла гурьбой, песни пели в пути.
Здесь и семьи с детьми: стар и мал поспешал.
Из окрестных селений и из деревень
Православный народ торопился во храм.
И купцы этот день не могли пропустить:
У высоких дубовых ворот вдоль стены
Развернулась торговля на радость толпе.
На телегах купцы разложили товар:
Ткани разных цветов изо льна, конопли,
И из хлопка, что с южных далёких краёв;
И из шёлка китайского, что по цене
Превышал и меха. Здесь платки в кружевах,
Там иголки да нитки различных цветов.
Бабам мимо лотков невозможно пройти:
Не купить, так хоть взглядом товар посмотреть,
Позавидовать той, что купила платок.
Мужикам – свой товар предлагают купцы:
Есть стальные ножи для охотничьих нужд
И домашних работ; косы есть, топоры;
Утварь разная: ложки, кувшины, ковши.
Тут цыган где-то лошадь украл, продаёт.
Рядом пасечник мёд предлагает купить.

Здесь охотник-мариец раскинул меха:
Чернобурка и заяц, и белка, и волк...
Ну а в храме уж служба давно началась.
Собралась и толпа, не вмещаются все.
У святого престола, пред всею толпой
В облачении дивном Пафнутий стоял:
В ризе, золотом ярким расшитой; с крестом
Золотым и искусным; и епитрахиль
Всюду золотошвейным шитьём с серебром
Разрисована ликами старцев святых;
Пояс нитью серебряной выложен весь;
Скуфья и камилавка его седину
Покрывали. Держал он сосуд золотой.
Воду тёплую льёт на престол он; её
Вытирают священники. Снова он льёт.
Полотенцами вновь вытирают её.
Он затем окропляет святою водой.
После этого красное вносят вино,
Помешав его с розовой светлой водой,
Предстоятель на трапезу это вино
Трижды крестообразно возлил. А затем
Снова насухо губками вытерли всё.
И запели певцы: «Вожделенны, Господь,
Все жилища твои! Истомилась душа,
Алча в дом Твой войти...». Вот и миром святым
Наконец, предстоятель помазал престол.

Тут другой уж псалом воспевают певцы:
«Вместе братьям приятно и радостно жить!
Это – как драгоценный елей, что течёт
С головы Аарона, с его бороды
На одежду его; это – словно роса,
Что на горы Сионские сходит, где нам
Заповедовал благословенье Господь
С вечной жизнью». Затем совершалось уже
Облачение престола в одежды его.
Тут другой уж псалом воспевали певцы.
А затем положили уже на престол
Крест святой и Евангелие, и ещё
Также дарохранильницу. Это все
Пеленою покрыли. При этом певцы
Сладкозвучно другой воспевали псалом.
А затем освящали алтарь и весь храм:
И кадили свечёй, и кропили водой,
Стены мазали миром. При этом певцы
Двадцать пятый псалом исполняли, трудясь.
Освятив Божий храм, предстоятель в алтарь
Входит; к горнему месту идёт и свечу
Возжигает, священный престол осветив.
Как лампада в ночи, как на небе звезда
Как алмаз среди породы, огонь заиграл.
А затем крестных ход совершили они.
Так игумен священную службу вершил,

А закончив, — устал; удалиться хотел,
Но услышал, как кто-то в народе сказал:
— Слово! Слово скажи нам, Пафнутий, отец!
— Слово просим! — раздалось повсюду в толпе.
— Просвети их, отец настоятель, — сказал
Благочинный, что рядом с Пафнутием был.
И игумен Пафнутий взошёл на помост
Возле храма: на время воздвигнут тот был.
Словно древний библейских времён патриарх
Над толпою Пафнутий стоял. Он сказал:
— Братья! Сёстры! Восславим деянья Творца!
С Божьей помощью многое можно свершить.
Чуден мир. Чудеса объяснить нелегко.
Рано встал я сегодня. И солнце ещё
Из-за леса не вышло, чтоб мир осветить.
Долго думал о том, что недавно совсем
Дик и тёмный был край наш без веры в Христа.
Сколько кануло в Лету столетий, когда
Князь Владимир принёс крест и веру на Русь.
Дело трудное нам не даётся легко,
И великое дело не сделать без жертв.
Без труда нам даются лишь зло да грехи,
Что приводят к болезням и смерти души.
Вот и правая вера далась нелегко.
Русь Владимир крестил и огнём, и мечом.
Только Русь велика! До пределов её

Нелегко дотянуться, чтоб волю вершить.
Здесь, в дремучем краю, с незапамятных лет
Лентой девичьей вьётся Ветлуга-река
Средь лесов и полей, средь холмов и долин.
Как блаженные дети здесь жили в лесах
Наши братья, не знавшие света Христа,
Не умевшие зло от добра отличить,
И творившие зло, почитая добром.
Но Господнее слово не знает границ!
И сюда, на Ветлугу, когда-то пришёл,
Чтоб марийский народ просвещать и крестить,
Новгородский пустынник по прозвищу Кий,
Николай во Христе. Он пришёл на Якшан
И марийского князя Коджу окрестил;
Бога верное слово воспринял Коджа,
Строить церкви он стал на марийской земле.
Так возник на Якшане святителя храм... —
Тут игумен на храм поклонился, и вслед
Поклонился народ, и крестясь, и крестя.
А Пафнутий продолжил премудрую речь:
— Не по воле своей, не на месте пустом
Мы подняли из пепла сей храм вековой,
Лишь по милости Бога, по воле его!..
Много кануло в Лету событий земных.
Много видел сей храм на Ветлужской земле:
Как Батые войска разоряли народ

И пустела земля, и бежали в леса...
Здесь когда-то пустынный Варнава служил,
Что из Устюга. Там его князь Кельдибек
При набеге пленил и привёз на Якшан,
Чтобы выкуп потребовать. Только потом
За слова, что от Бога, за веру в Христа
Так его полюбил, что позволил ему
Быть священником в церкви, Якшан просвещать.
А потом он ушёл по Ветлуге-реке
Слово Бога нести, храм оставил на нас. —
Вновь игумен на храм поклонился, и вслед
Поклонился народ, и крестясь, и крестя.
А Пафнутий продолжил премудрую речь:
— Не по воле своей, не на месте пустом
Мы подняли из пепла сей храм вековой,
Лишь по милости Бога, по воле его!..
А когда Кельдибека Василий Косой
Умертвил, то восстали его сыновья
И подняли марийцев во гневе своём,
Жгли селенья славян, православный наш храм
Разорили, сожгли... Это помните вы,
Братья, сёстры, — недавним быльём поросло...
Так что храм сей стоит не на месте пустом,
А на месте святом! Не по воле своей
Мы подняли из пепла сей храм вековой,
Лишь по милости Бога, по воле его! —

Вновь игумен на храм поклонился, и вслед
Поклонился народ, и крестясь, и крестя.
А Пафнутий продолжил премудрую речь:
– Не без ваших трудов, не без ваших молитв,
Не без помощи вашей из пепла возрос
И воздвигся сей храм. Бог в труде помогал!
Руки плотников сильными сделал Господь,
Чтоб поднялись венцы, купола; чтобы крест
Доставал до небес! Мы впервые теперь –
Чтобы Бог издалёка мог видеть наш храм –
Красным золотом ярким покрыли его...
Рано встал я сегодня. И солнце ещё
Из-за леса не вышло, чтоб мир осветить.
Долго думал о том, что недавно совсем
Дик и тёмный был край наш без веры в Христа.
И всё это я вспомнил, что вам говорю...
И едва лишь подумал о храме (в окно
Своей кельи взглянул на вершину трудов),
В этот миг встало солнце и крест обожгло,
Засиял он огнём! И лучи от него
Осветили и келью, и сердце моё.
Бог увидел! Он громом сегодня гремел
Прославляя свершение наших трудов!
Но грозу не пустил! Нам же – знаменьё дал:
В облаках над Ветлугой сегодня возник
Дивный старец седой и, подняв два перста,

Словно мир под собой он хотел окрестить...
Так восславим же, братья, деянья Творца!.. –
И народ весь ожил, как живая волна.

5. Отмеченный Богом

Ярким солнцем светились улыбки людей,
И предчувствие праздника было вокруг.
Лишь умолкла толпа, чтобы снова вникать
В слово мудрое старца Пафнутия, тут
Вдруг в народе возникло движение, шум,
Женский голос раздался из ближней толпы:
– Вот он, бабы! Разбойник! Держите его!
Черемисский бандит! Тать лесная! Держи!
Помогай, мужики! Стой! Куда? Не уйдёшь! –
Баба в синем платке, в душегрейке поверх
Сарафана цветного, вцепилась в рукав
Мужичка из марийцев. Он смиренно стоял
И не думал бежать. Но его мужики
Всё ж схватили: – Украл чё? – У бабы спросил
Здоровенный детина, что крепко держал
Мужичка за рубаху. То был Тихомир,
Старший сын кузнеца из Кажирова, он
Мог корову поднять на широких плечах,
И один против многих он в драках стоял.
– Что он сделал? – спросил. Ему баба в ответ:

– Это он с теми был, что два года назад
Нашу церковь сожгли, и в деревне дома...
Я узнала его! Что молчишь?! Отвечай!
Я по шраму узнала: вон – крест на щеке!..
– Отвечай! – приказали ему мужики.
И марийца кузнец передал мужикам.
Те к игумену ближе его подвели:
– Ты два года тому монастырь разорял?
– Я, – ответил мариец. Он смиренно стоял.
Был он просто одет. Но на поясе – нож,
За который он даже и братья не стал.
– Утопить его! В реку! – шумела толпа.
– На костёр! Удавить! Храм, паскуда, спалил!..
– Вон дружки его! Тоже, небось, хороши!..
– И хватило же наглости снова прийти...
– Утопить его, братцы! В Ветлугу тащи!.. –
Руку поднял игумен. Народ замолчал.
– Бог взирает на вас. И сейчас, и всегда.
Перед Ним кто из вас хочет стать палачом?
Кто решится из вас, и судить, и казнить?
Кто на душу свою хочет взять смертный грех? –
И кричащие вмиг опустили глаза;
Опустили марийца и в круг отошли.
На марийца игумен свой взгляд обратил:
– Говори, что ко храму тебя привело?
– Я из знатного рода, – мариец сказал. –

Моё имя Бакмат, мой отец – Вурспатыр,
Пятый сын князя бывшего Ош-Пандаша,
Что в крещении прозван был Байбородой;
Что в то время, когда был и голод, и мор,
Разделил участь многих: он умер в тот год.
А отец мой, спасая народ, разорил
Состоянье своё. На Ветлуге тогда
Даже ели детей. Так легенды гласят.
Пысте-Хлынов же, город, совсем опустел,
Вымер вовсе, собаки да крысы одни
Ели трупы умерших. А после река
Взбунтовалась и смыла весь город водой.
Так легенды гласят. И об этом мне мать
Говорила не раз ещё в детстве моём.
Говорила, что – божья то кара была
Из-за Байбороды, что когда-то ходил
В Соли Галича, где разорил монастырь
Воскресенский, и много народу побил
В деревнях и в посаде; и многое взял.
Я родился уж после и деда не знал.
Но с тех пор беден стал мой отец, он не мог
Наживаться войной, а трудом – не умел.
Но был горд, чтобы помощь у братьев просить.
И ушёл он с тех мест. И пришёл под Якшан.
Стал охотой в лесах он тогда промышлять.
И меня с малых лет часто брал он с собой.

Научил меня метко из лука стрелять,
И следы различать. Дома ждали нас мать,
Да ещё младший брат мой, Акпай, и сестра
Окалче, что была самой младшей в семье.
Так мы жили в марийской деревне, в лесу.
Все отца уважали и знали наш род.
Но однажды с охоты отец не пришёл.
Это было весной. Лёд был тонок в реке.
Мы искали его много дней. Не нашли.
Долго плакала мать, сердцем чуя беду.
Только в мае охотники весть принесли
Что останки его отыскиали в реке
По течению ниже... Останки отца
По ремню и ножу опознали тогда.
Вот он, нож. – И мариец из ножен достал
Острый длинный клинок, что на солнце блеснул.
Баба, что опознала марийца, теперь
Даже охнула: – Господи! Он же с ножом!
– Нож-то я не заметил, – тихонько сказал
Тихомир. – А не то бы, конечно, отнял. –
А мариец продолжил:
– Как старший, я стал
На охоту ходить. Брал и брата с собой.
Но однажды, когда мы с добычей пушной
Возвращались домой, то почуяли дым.
И чем ближе, тем гуще и едче он был.

Испугавшись, что это деревня горит,
Поспешили скорее домой мы. И там
Нас застала беда. Вся деревня в огне,
Всюду трупы лежат мужиков, стариков,
Даже женщин и малых детей. А в живых —
Лишь немногие те, что успели в лесу,
В тёмной чаще укрыться; да пара старух,
Что над мёртвыми были как волки в лесу.
Мать изрубленной мы возле дома нашли.
А сестры Окалче не могли отыскать.
Но узнали от выживших: то был отряд
От татарского хана; невольниц ему
Набирали в гарем по Ветлужским лесам.
И с другими сестру Окалче увели.
Восемь лет лишь исполнилось ей в том году.
Обезумев, в погоню мы бросились, но
Не смогли их догнать. Кони их унесли.
Если б волками мы обратиться могли,
Что б без устали денно и ночью скакать;
Или соколом быстрым, что в небе стрелой
Может мчаться. Но ноги не скоро несут.
И печальные мы воротились назад.
Долго плакал мой брат. Ему было тогда
Лишь одиннадцать лет. И у нас никого
Не осталось на свете. Когда человек
Потеряет три пальца на правой руке.

То последние два он сильней бережёт.
Вот и брат для меня стал дороже всего;
Всех родней, всех любимей. И я для него
Стал дороже всего. Мы с ним стали тогда
Как один человек, словно сердце одно.
Не успели ещё мы и мать схоронить,
Прибыл князь Кельдибек. Сообщили ему,
Что татарский отряд на деревню напал.
Он на помощь спешил. И в погоню пошёл.
С ним и мы попросились в погоню идти.
Нас на крупы коней посадили тогда.
Мы три дня по следам догоняли отряд.
По дороге узнали: татары ещё
Две деревни пожгли, перебили мужчин
И невольниц забрали. Немногие те,
Кто имели коней и от бойни спаслись,
С нами вместе поехали, чтоб отомстить.
По дороге в селениях вызнали мы,
Что на стругах ушли они вниз по реке.
Но за Шанзой уже мы в излучине их
Всё ж настигли. И там, где поуже река,
Мы вдоль берега встали, да так, что от стрел
Наших быстрых они уж уйти не могли.
Но едва лишь на выстрел они подошли,
Мы увидели их, и никто не посмел
Даже руку поднять, тетиву натянуть,

И пустить хоть стрелу. Мы застыли, дивясь.
Вдоль бортов переполненных стругов стоят
Наши женщины, плачут, на помощь зовут,
Просят, чтоб наши стрелы оставили их
На родимой земле, чтоб река их взяла.
Не хотят они в плен к иноверцам идти.
Только связаны крепкой верёвкой они,
А за спинами их слышен был смех татар.
Среди женщин узнали мы и Окалче.
Как увядший цветочек стояла она
Среди пленниц марийских и русских. Потом
И она нас узнала. Просила она,
Чтобы метко мы в сердце попали стрелой,
Чтобы быстрой и сладкой была её смерть
На Ветлуге-реке, средь Ветлужских лесов,
На глазах у родных её братьев, сейчас,
А не в дальних краях да в неволе, в тоске.
Но никто не осмелился руку поднять,
Тетиву натянуть и пустить хоть стрелу.
Брат мой нежно любил Окалче, как и я.
Он с ней с детства водился, лелеял, играл.
Он к ней ближе был сердцем, и он понимал,
Что неволя её – это худшая смерть.
И неволю её мы себе не простим.
А её скорбный плач разрывал нам сердца.
И не выдержал брат: натянул тетиву

И стрелу прямо в сердце послал Окалче.
И прервался навеки её голосок.
И упала она, словно сорванный цвет,
Прямо в волны реки. Тут же следом и я
Прямо в сердце того, кто стоял за спиной
Окалче, – смерть крылатой стрелою послал.
И поднялся сильней женский плач над водой:
«Перебейте их всех! Перебейте и нас!
Нам без наших детей, без мужей, без семей
Будет жизнь – словно смерть. Лучше здесь умереть!»
И посыпались стрелы на струги татар
Чёрной тучей, грозой, непрерывным дождём.
И окрасились волны Ветлуги-реки
Кровью русских, татар и марийцев в тот день.
Кровожадные рыбы плескались в реке
Возле тел и глотали их свежую кровь.
Только кони татарские в стругах стоят,
Среди трупов, привыкшие к смерти людей,
К свисту стрел и к войне, ожидали конца.
На излучине трупы течением все
Прибивало на берег, и струги татар,
Уже полные трупами, к берегу шли.
И молили пощады немногие те,
Что остались в живых. Только князь Кельдибек
Всех велел перебить, опасаясь, что слух
До Орды доползёт, и пошлёт хан войска.

Мы забрали коней. А потом приказал
Хитрый князь Кельдибек из воды на песок
Струги вытащить все, и все трупы собрать;
И татар, и невольниц на стругах сложить:
Для невольниц два струга, и два — для татар.
Только мы не могли отыскать Окалче,
Знать: Ветлуга-река Окалче приняла.
А затем нарубили деревьев сухих;
Ими струги укрыли: сложили большой
Погребальный костёр. Но оружие всё
И доспехи велел Кельдибек поснимать.
И пылал тот костёр целый день и всю ночь.
И была от него ночь светла, словно день.
И казалось, что пламя касается звёзд.
И казалось, что слышатся нам голоса
Из огня бедных женщин и подлых татар.
Горше этой победы не знал я ещё.
Но с тех пор замолчал бедный брат мой Акпай.
Стал совсем он немым, словно вырвал язык.
Возвращаться нам некуда было теперь.
Кельдибек дал коней нам, дал сабли, щиты.
Мы в дружину его поступили служить,
И служили мы верой и правдой ему.
Вместе с ним мы на Устюг ходили войной.
В те походы нас вёл хан Орды Алибек.
Много взяли добычи, и в плен привели

На Ветлугу мы много народу тогда.
Среди пленных священники были. Один
Полюбился потом Кельдибеку за ум.
Взял его он для выкупа, но отпустил,
Потому что сам Бог его речью владел.
Говорил он ему: «не убий и люби»...
Но потом мы на Галич ходили войной.
В те походы опять нас повёл Алибек.
Кострому разоряли и Плёс, и ещё
Лух и Юрьевец с Кинешмой. Много с тех пор
Крови выпили жадные наши клинки.
Были мы словно в одури. Часто в бою
Всё казалось мне, будто я подлых татар
В стругах бью на родимой Ветлуге-реке.
Видел я, что и брат мой с такой же тоской
В бой кидается, словно ища свою смерть.
Только он всё молчал. И его уж давно
Звали все Немтырём. Имя знал только я.
Так мы жили тогда, от войны до войны;
Лишь в войне забывая сердечную боль.
Нас за храбрость приблизил к себе Кельдибек,
С ним бок о бок мы бились в кровавых боях.
Стал он нам, как отец, мы – как дети ему.
А потом била нас и московская рать.
И обратно ушли мы к Ветлуге-реке.
Разделилась Ветлуга на Русь и Мари:

Правый берег – у русских, а левый – у нас.
Как и раньше то было, при князе Донском...
Так мы жили. Был мир, мы же ждали войны:
Долго в мире, увы, не живёт человек.
А потом к Кельдибеку народ побежал,
Говоря, что князь русский Василий Косой
Гонит силой мужчин из Ветлужских лесов,
Чтоб набрать себе войско в поход на Москву,
Чтобы князем великим в Москве ему сесть.
И опять за народ свой восстал Кельдибек.
Возле Унжи на поле сошлись мы в бою.
Князь Василий Косой был тогда не один
Кроме рати своей, братьев рати он вёл:
Дмитрий Красный с ним был и Шемяка ещё.
Всё же принял тот бой храбрый князь Кельдибек.
Многим «взятым» мы дали свободу в тот день
И марийцам, и русским. Но вместо того,
Чтобы с нами сражаться, помочь нам в бою,
Те в леса побежали, чтоб скрыться совсем.
Лишь немногие, взяв у убитых мечи
И щиты, вместе с нами в атаку пошли.
Только были и те, кто был рад, что вступил
В войско русского князя: разбойный народ,
Бедняки, бурлаки, что бежали в леса
От хозяев своих. Те пошли против нас.
Долго бились мы. К русскому князю уже

Кельдибек прорывался на буйном коне.
Пеших бил он копьём, и конём их давил.
Рядом с ним бились мы: я – с одной стороны,
А с другой – брат Акпай, как два сильных крыла
Птицы сокола. Соколом был Кельдибек.
На могучих конях мы летели вперёд.
Стрелы роем пчелиным впивались в щиты,
По кольчугам и шлемам звенели, резвясь.
Первым ранен был я арбалетной стрелой,
Что пробила плечо мне, кольчугу прорвав.
Брат Акпай Кельдибека собой заслонил
От копья, что пустил князь Василий Косой.
В бок попало копье между прочных пластин
Боевого доспеха. Поник брат Акпай,
Но остался в седле и с коня не упал.
Взял Василий Косой тут другое копье.
На него в этот миг Кельдибек налетел
И ударил он русского князя копьём.
Тот щитом защитился, но сильный удар
Расколол его щит. Тут и смерть бы пришла
Князю русскому, только другой его брат,
Дмитрий Красный, пустил в Кельдибека стрелу
И попал под доспех, в ногу, возле седла.
На секунду замешкался князь Кельдибек.
Но Василий Косой тут ударил его
Изо всей силы в грудь своим острым копьём.

Не пробил он доспех, но сломалось копьё
И под горло вошло древко острым концом.
Так погиб Кельдибек. Не упал он с коня,
Опрокинулся лишь на его сильный круп.
Тут погиб бы и я, но успели как раз
Подойти, чтоб отбить нас у русских князей,
Сыновья Кельдибека, Мекеш и Тугай.
Мы прорвали кольцо и в леса отошли.
Брат мой жив был ещё. На руках у меня
Молча он умирал. Но пред смертью Акпай
Немоту многолетнюю всё же прервал.
Только слово одно он сказал: «Окалче»...
И безумие сердце объяло моё:
Никого у меня не осталось тогда.
Умереть мне хотелось, погибнуть в бою.
Сыновья Кельдибека и жрец Янгоза
Против русских народ поднимали кругом,
Чтоб мари́йцы за князя могли отомстить.
Поветлужье подняли они на войну,
Призывая вершить справедливую месть:
Жечь деревни и сёла... Но ваш монастырь
Перед нами стоял, как бельмо на глазу.
Призывали жрецы разорить монастырь,
Сжечь дотла, чтобы рухнула вера в огне.
Чтобы не было русских в Ветлужских лесах...
Помню я, что когда жгли мы этот ваш храм,

Нам попался монах. Он не стал убегать;
Он тушил и пытался достать из огня
Металлический крест, что лежал в головнях.
Я монаха хотел оттащить от огня,
Но успел он схватить раскалённый тот крест
И к щеке моей огненный крест приложил.
Руки сами от боли разжались мои,
А монах убежал, но не выпустил крест.
Вот с тех пор я ношу этот шрам на щеке.
А потом жгли мы ваши деревни огнём.
А потом на щеке воспалился мой шрам
И свалила меня непонятная хворь.
Я в беспамятство впал. Жрец не мог исцелить,
И к ведунье в Соколье меня увезли.
А потом я узнал: на Ветлуге меня
На плоту подобрал одинокий монах.
Знать, ведунья сказала, что плохи дела
И велела пустить по воде на плоту...
Долго я у монаха без чувств пролежал.
Приходили ко мне Окалче и Акпай.
Как живые стояли они предо мной;
Говорили, чтоб сердце о них не томил.
Приходили затем и отец мой, и мать.
Даже князь Кельдибек посетил мои сны.
Так монах много дней надо мною провёл.
Он одной лишь молитвой меня исцелил.

В благодарность за то две зимы на него
Я работал и честно ему я служил.
Жил он в маленьком ските на Красной Горе.
А потом он сказал, что я должен уйти
И вернуться сюда, и на храм посмотреть.
Он сказал: «Без огня, не поднялся бы храм
В новом свете своём». И ещё он сказал:
«Не убий и люби. Жизнь от Бога дана.
Умереть не стремись, но и жизнь не держи».
Так расстались мы с ним. Он велел мне пешком
Этот пусть совершить, по дремучим лесам.
Так пришёл я сюда. Так увидел я храм.
Вот, стою перед вами таким, какой есть:
Умереть не стремлюсь, и за жизнь не держусь... –
И Бакмат замолчал. И молчала толпа.
Тут игумен Пафнутий народу сказал:
– Кто прощает другим, Бог простит и тому.
С Божьей помощью многое можно свершить:
И врагов побеждать, и дома воздвигать.
А без Бога – пусты все людские дела.
Божьей волей и храм наш из пепла восстал.
Так простим тех, кто рушил: не знали они
Что творили во зло, и для зла, и со зла!
Видим мы, что сегодня и те, кто грешил –
Среди нас! Мы их с радостью примем, простим.
Здесь марийцев я вижу, татар, вотяков...

Среди русского люда как братья они.
Всех приемлет Господь, кто к нам с миром пришёл!
Мир вам, люди! – И долго у церкви народ
Ликовал, славя Бога в молитвах своих.

6. Милосердие и муки

И потом ещё долго историю ту
Повторяли, дивясь, обсуждали в толпе,
Пересказы пошли: кто не слышал ещё,
Тем по новой рассказ в варианте ином
Излагали, украсив его на свой лад.
А за крепкой стеной монастырской, в рядах
Всё толпился народ: предлагали купцы,
Кто не хитрый, а кто и мудрёный товар:
Заграничный и штучный, и, ох, дорогой!
С внуком бабка Наташа идёт по рядам.
Митька-внук крепко держит её за подол,
Чтобы не потеряться в шумящей толпе.
Из деревни своей они пеша пришли,
Чтоб на храм посмотреть, поклониться ему.
Встали рано, и солнце ещё не взошло.
– Баб, купи мне бараночек, – мальчик просил.
– Кушать хочешь, родной? На-ко, съешь пирожок. –
Тут же свой узелок развязала она
И достала для внука один пирожок.

Накануне она пирожков напекла,
Чтобы взять их сегодня в дорогу с собой.
Митька взял пирожок и хотел уже есть.
Вдруг он видит: навстречу идут не спеша
Мальчик, старше его, и какой-то монах.
На груди у монаха сплетён из прутьев
Плоский короб висит. В этот короб кладут,
Кто яйцо, кто калач, кто ржаной каравай.
Только вот вместо рук у монаха торчат
Два каких-то ужасных железных крюка.
Митьку страх одолел из-за этих крюков.
Так у рта и застыла рука с пирожком.
А монах-то всё ближе, да прямо на них.
Мальчик жмётся к старухе, чуть с ног не толкнул.
– Митька, что ты?.. – А Митька не слышит её,
Он прижался к подолу, со страхом глядит
На монаха безрукого. Тихо сказал:
– Баб, смотри-ка: безрукий... –
Безрукий монах
Был высок и красив; чёрный волос, как смоль
Окаймлял его голову; смугл на лицо;
И глаза тёмно-карие в душу глядят.
Митька тотчас свой взгляд, испугавшись, отвёл.
А безрукий смиренно отвесил поклон,
Поклонился и мальчик, что шёл рядом с ним.
Поклонилась и бабка Наташа в ответ:

– Дай, Степан, тебе Бог!.. – проронила она,
Положив в его короб один пирожок.

А потом, как монах мимо них уж прошёл,
Долго в спину крестила костлявой рукой.
Мальчик видел, как бабка в зелёном платке
И с корзинкой в руках ничего не дала,
Лишь обоим ответила:

– Бог вам подаст.

– Баб, а кто он? – у бабушки Митька спросил.

– То Степан Кельдибеков. Он так-то Петров,
Сын Петра-скорняка. С детства он сирота.

Но как руки свои потерял с языком,
Так его Кельдибековым стали все звать.

– С языком? Как он их потерял? Расскажи.
На войне? – всё уняться мальчишка не мог.
Внуку бабка Наташа сказала тогда:

– Вон, пойдём-ка в сторонку, да я отдохну.

Больно ноги устали ходить-то весь день.
Там тебе расскажу. – И поправив платок,
Домотканой работы, в цветках-васильках,
Повела внука в сторону, где на лугу
Отдыхали уставшие. Кто разостлал
На траве полотенце, на нём разложил
Яйца, лук, огурцы да ржаной каравай;
В крынках квас у одних, у других – молоко;
Кто так просто сидел, да на небо глядел;

Кто и вовсе лежал на траве-мураве,
Уж насытив себя в ясный майский денёк.
С внуком бабка Наташа под ивовый куст
Разместились едва, как услышали вдруг:
– Можно с вами рядком?... Ох, как день-то хорош!
Так и жарит! Давно в мае так не пекло... –
Рядом села та самая бабка, она
Примостилась на кочке. Зелёный платок
Чуть расслабив, у юбки поправив подол,
Да корзину удобней поставив вблизи,
Разместилась, как будто уж приглашена.
– Как зовут-то мальчонку? – спросила она.
– Митрий, внук мой, – Наташа ответила ей.
– Митька, значит... А мы вон, у родичей здесь,
С сыном. Сын-то – купец. Вон телеги его.
С самого Соколова добрались сюда.
Мы оттуда вообще-то, а здесь – у родни.
Уж неделю гостим. Завтра едем домой.
Верка Шишкина я, не слыхала, поди? –
Верка ей не сказала, что звали её
Верка Шиш – то за жадность и чёрствость души.
И отца её, что в Соколово купцом,
Колька Шиш часто звали за жадность его.
Так и сын её с прозвищем этим ходил.
Но в селеньях других всем твердили они,
Что, мол, Шишкины мы, так, мол, все нас зовут.

– Не слыхала, – Наташа ответила ей.

– О родне-то моей ты уж слышать должна:
Все здесь мельника знают...

– Не местные мы.

– А откуда ж?

– Из Ракова. Там я всю жизнь

Прожила...

– В глухомани-то этой? В лесу?

– Одинаково солнце-то светит везде.

Ты бы, милая, шла, где ещё посидеть...

– Ладно, ладно... Марийца-то слышала, тут

Изловили, злодея, что церковь пожёг!

Я бы их, черемисов проклятых, ужо!..

У родни-то, у нашей, амбары сожгли.

Разорили вчистую. Уж я бы их всех

Утопила в реке! Состоянье едва

И поправили.

– За два-то года – едва?

Тут всю жизнь поправляешь, и нет ничего.

– Ну так, милая, это ведь надо уметь.

Где обманом, где подкупом. Честный-то труд

Мало ценится, мал от него и доход. –

Тут уж бабка Наташа сказала опять:

– При ребёнке ты лучше язык придержи.

Рядом с храмом обманом-то жить не учи.

Может, место другое найдёшь, посидеть?

Здесь я внуку хотела рассказ рассказать,
Быль одну. Хочешь слушать – сиди. Нет, – ступай.
А не то, так и мы место лучше найдём...

– Ладно, ладно, не злись. Интересно и мне
Быль послушать твою. Помолчу, так и быть. –

Бабка Вера взяла из корзины своей

Полотенце, затем на коленях его

Расстелила, достала один огурец,

Лук, чеснок и яйцо, ломоть хлеба ещё.

Стала кушать и слушать обещанный сказ.

Тихо бабка Наташа сказала, вздохнув:

– Ну, так, стало быть, слушайте дивную быль.

Про Степана Безрукого...

– Ты про того,

Про уроды-то, что два крюка вместо рук?

– Про него.

– Интересно...

– Тогда помолчи!... –

Бабка Вера набила себе полный рот,

И жевала молчком. А Наташа, вздохнув,

Покачивая головой, вновь рассказ начала:

– Был Степан этот славный певец и гуслиар.

Как, бывало, затянет: «...Ветлу-угой реко-ой

Шёл купцов карава-ан на ушкуях больши-их;

На ушку-уях больши-их, да со стра-ажей большо-о-ой...».

Любо-дорого слушать-то было его.

Много песен он знал. Только рос сиротой.
С дедом жил, а потом, как подрос, — и один.
На гуляния все приглашали его.
И в другие деревни возили, чтоб там
Песни дивные пел он на свадьбах и так...
А потом уж его и в Якшан стали звать.
Был он молод тогда. В самую пору ему
Заводить бы семью. А у князя тогда,
Кельдибека покойного, дочка была.
Уж красавица, лучше-то вроде и нет.
Стан ольхи молодой, а ресницы, — что два
Воронёных крыла, а глаза — словно ночь!
И любила она слушать Стёпку-певца.
На все праздники, даже, порою и так,
Всё просила отца, чтоб его пригласил,
Чтобы грустные песни послушать про то,
Как умеют любить на святой-то Руси,
Так любить, что и эта сама-то любовь
Становилась святой, забирала всю жизнь... —
Вновь вздохнула Наташа, былинку взяла,
Поразмыслив над чем-то, сказала потом:
— Уж не знаю, когда... да, наверно, тогда
Кельдибекова дочь и Степан-то певец
Полюбили друг друга любовью такой,
Что и мать не мила, и отец-то не мил
Без зазнобушки глаз, без его алых губ...

Только князь Кельдибек дочь сосватал тогда
Сыну хана татарского, так, чтобы власть
Укрепилась его на Ветлужской земле.
Вот однажды от хана приехал и сын,
Чтобы свадьбу сыграть, да и дочь увезти.
Как, бишь, звали её-то?.. Шайви, не Шайви...
Не припомню: не русское слово никак
В голове-то не держится. Пусть и Шайви...
Стали звать – не идёт. Князь слуганок послал.
Те вернулись, да – в ноги, мол, «князь, не губи!
Нет нигде твоей дочери». Стали искать.
Тут им кто-то сказал, что и Стёпка-певец
Тоже будто пропал, тоже нет, мол, нигде.
Догадался тут князь, рассвирепел совсем.
Да с дружиной, да с ханским-то этим сынком
И в погоню пустились. «Откуда, мол, он,
Этот подлый певец?» А ему говорят:
«Он из Ракова, мол». Князь с дружиной-то – к нам.
Вот тогда Кельдибека-то видела я.
Ну и страшен он был! Словно дьявол какой.
А когда не нашли их в деревне у нас,
Рассвирепели вовсе. Всех били плетьюми,
Дом Степана сожгли. Девоч брали в полон.
Мать твоя-то лежала с тобой на сноснях,
А не то б и её... Спас ты, мать-то тогда. –
Посмотрела на внука Наташа, вздохнув:

– И лицо-то её, и глаза-то её...

Ханский сын-то хотел её плетью хлестнуть,

Да вступился Иван, не спужался того.

Так потом его так исхлестали всего,

Что не долго прожил-то отец твой Иван.

Но уж гнев их отвёл: на себя его взял.

Никого уж не били потом, и ушли,

Наказав, чтобы если узнаем чего

Про Степана-то мы, да про эту Шайви,

Так немедленно чтоб доложили, а то

Всю деревню пожжём, мол, и всех перебьём.

С тем уехали... Ночью-то ты родился.

Жив ещё был Иван-то, и видел тебя.

Он довольный ушёл. Был он рад, что сумел

И жену защитить, и, выходит, – тебя.

– А куда он ушёл? – мальчик тихо спросил.

Он в руке всё держал пирожок и не ел.

– Помер, батка-то твой, – Вера вставила тут.

На неё зло Наташа взглянула, и та

Прикусила язык, снова рот свой набив.

– Наша Любушка тоже недолго жила,

После родов была ещё больно слаба;

По Ивану, по мужу тоской изошла.

Через месяц за мужем ушла и она...

Восемь лет уж прошло. Всё как будто вчера... –

Тут Наташа утерла концами платка

Слёзы, что, не спросясь, затуманили взгляд.
Митька молча сидел, только губки поджал,
Чтобы слёзы сдержать, не заплакать ему.
Он решил, что потом, когда будет один,
По родителям он уж наплачется всласть.
– Ну, а что со Степаном? – спросила опять
Бабка Вера. Хотелось ей слышать конец.
– Он сначала-то понял, что лучше уж им
На деревню и носа пока не совать.
Жили всё по лесам, сторонились людей.
Что влюблённым-то? Рай и в лесу, в шалаше...
Пока лето цвело, пока было тепло,
Их найти не могли. Хотя князь Кельдибек
И награду большую за них обещал,
И охотники рыскали им по пятам.
Но, уж видно сам Бог их покуда берёг.
Только всё до поры. Есть всему свой предел...
Уж к зиме это было... уж снег-то лежал.
Видно, холод да голод их всё ж одолел.
И они, глупыши-то, в деревню пришли.
Дело было под вечер. Хотели они
В доме Стёпки погреться, хотя б до утра.
Вот и вышли в деревню, у дома стоят,
Ну а дома-то нет: головёшки одни.
Ох, не знали они, что здесь хан-то творил,
А не то б не посмели вернуться домой.

Их заметили. Бабы-то подняли крик.
Все бегут; у кого что схватила рука:
Кто бежит с батоном, кто с поленом, кто так...
На неё как набросились бабы сперва,
Да за волосы рвать, да по снегу таскать...
У кого хан тогда-то увёз дочерей,
Те убить были рады сейчас же её.
А Степан защищал: всё собой прикрывал,
Всё кричал, что она в положении, мол.
Так к нему подскочили тогда мужики,
Батогами лупили его что есть сил.
Как с ума посходили... И вспомнить-то – страх.
Он свалился уж в снег: ни рукой, ни ногой...
Тут она как рванулась, да как заорёт
На своём, на марийском; да – на мужиков
Всё кидалась, как рысь, – защищала его.
Мужики батогами давай и её,
А она на Степана-то сверху легла,
Мол, убейте меня, но не троньте его!
Первой Марья Ковшиха опомнилась вдруг:
«Это ж дочь Кельдибека! Ведь он отомстит!
Всю деревню сожжёт, и всех нас перебьёт».
«Ничего! Не узнает», кричат мужики.
Только бабы тогда остудили их пыл.
Расступились они... Те – лежат на снегу:
Он ничком, а на нём распласталась она.

А вокруг – красный снег: всё окрасила кровь.
Стали думать-решать, что нам делать теперь.
Отдавать уж нельзя. Да и живы ль они?
Посмотрел их Егор, сын Кривого Фомы:
«Вроде живы, – сказал. – Оживут ли к утру?...»
«Хоть и живы, так что? Не простит нам она,
Если мы Кельдибеку её отдадим, –
Говорят мужики. – Не простит нам и он».
И додумались на ночь их в бане закрыть.
А уж утром решить: если оба мертвы,
Так тишком схоронить, чтобы никто и не знал.
Мол, пропали и всё, и не видели их.
Ну, а если живые, так на душу грех
Кто-нибудь чтобы взял, чтоб потом схоронить.
Отдавать уж нельзя их, хоть живы, хоть нет...
Не решились деревней своей рисковать.
Оттащили их к бане Ефимки Леща,
Там и заперли грешных. Да стали решать,
Если живы-то будут, кто грех-то возьмёт?
Но никто не хотел, чтобы так, одному...
И решили тогда подождать до утра.
Ну а ночью такой ураган поднялся,
Что и крыши у изб-то едва не снесло.
Ужас, что и творилось! Вот, думали, нам
Наказанье за Стёпку-то, за сироту.
И к утру не утих ураган, всё ревел.

Мужики собрались у Ефимки Леща,
Только все наотрез отказались казнить,
Если пленники живы окажутся вдруг.
Мужики-то одни порешили тогда:
Если живы, – пусть бабы отравят их чем.
С этим только и баню решились открыть.
Да, как видно, и нас Бог-то спас от греха:
В бане пленников не было, лишь под стеной
Лаз был вырыт наружу. Уж как и смогли?
Их искали три дня, всё боялись, что вдруг
Дочь придёт к Кельдибеку, расскажет про всё.
Но и буря три дня бушевала. Метель
Все следы замела: ничего не нашли.
А как бросили поиск, – метель унялась.
И оставили всё в Божью милость тогда.
Уж не знаю, как жили, где жили они.
Были слухи, что будто бы даже тогда
С ведьмой Овдой они повстречались в лесу
И она приютила их в доме своём.
Много слухов носилось в ту пору про них.
Говорили, что будто сама-то Шайви
Стала ведьмой. Поэтому будто они
И из бани ушли, и поэтому их
Не найти, не поймать так никто и не смог.
Время шло, а потом стали слухи идти,
Что и сам Кельдибек гнев на милость сменил,

И гонцы от него рассылались везде,
Говорили, мол, если увидит их кто,
Пусть, мол, скажет, что могут вернуться домой,
Что и дочь он простил, и Степана простил,
Что живым, мол, оставит его, не убьёт.
Как достала их весть, я не знаю про то.
Только, видно, поверили в это они
И вернулись. Она уж была на сносях.
Кельдибек её в башне велел запереть.
А Степану велел, чтоб чужого не брал,
Обе кисти срубить. А чтоб песни не пел,
Да девиц не смущал, – велел вырвать язык.
И оставил живым, как ему обещал.
Лишь его отпустил он, – пропал наш Степан;
Говорили, что раны врачует в лесу,
Говорили, что будто какой-то старик
Его к Волге повёз, чтобы там исцелить.
А Шайви, как узнала о казни такой,
Попросила, чтоб ниток ей дали, что, мол,
Хочет кружева вывязать, чтоб не скучать.
А как ниток ей дали – верёвку сплела
И повесилась, даже родить не успев.
Кельдибек-то потом как помешенный стал,
И на Волгу ходил, много жёг городов.
Говорят, всё Степана хотел он найти,
Всё не мог он унять свою боль, и свой гнев.

А потом уж убили его самого.

Вот тогда-то Степан воротился назад,

Да пришёл в монастырь, чтобы век в нём прожить.

Так теперь и живёт он при монастыре.

Мальчик служит при нём, помогает ему... –

Лишь закончила сказ, Митька вдруг заревел;

Громко, в голос; терпеть он уж больше не мог;

Долго слёзы держал, да не смог удержать.

– Митька, что ты?.. Ну, полно, родной мой, не плачь... –

Плакать он не хотел: слёзы сами текли.

– Как же, баба?.. За что же?.. А Бог-то?.. За что?.. –

Выговаривал Митька сквозь слёзы с трудом.

– Так ведь, милый мой, дочь он украл у отца.

Разве ж можно? За то его Бог наказал.

Да и князь-то, поди, за жестокость свою

Отстрадал. Он теперь уж в могиле лежит.

А Степан-то вон – жив... Бог, он знает, родной... –

Бабка Вера сказала Наташе тогда:

– А зачем же его приютил монастырь?

От него ж нету проку. Водись с ним, корми.

Разве что побираться он может, и то... –

Бабка Вера презгливо махнула рукой.

– Не во всём же нам прок-то искать. А душа?.. –

Ей сказала Наташа. А Вера в ответ:

– Да душа-то без прока сильнее болит.

– То у жадных болит. А у щедрых-то прок

Не в наживе, а в том, чтобы сеять добро... –
Только Вера не слушала больше её:
Вдруг у крайних телег зашумела толпа,
И сбегался народ. Вера встала скорей:
– Побегу, посмотрю, что творится вон там... –
И, вскочив, убежала, смешалась с толпой,
Цвет зелёный платка лишь мелькал иногда.

7. Одержимые и примиритель

– Этот! Этот! – кричали в стихийной толпе.
– Эти с ним! – шум волнений всё ширился, рос.
Там, у края рядов, где телеги углом
Развернули к реке, собиралась толпа.
Мужики там зажали марийцев в углу,
Их к телегам прижав, да хотели побить.
Но с десятков марийцев в кругу мужиков,
Кое-как отражали напор до поры.
Впереди всех Бакмат, грозно выставив нож,
Для острастки немного подранил двоих.
Только этим сильнее разозлил мужиков:
– Ну-ка, дайте мне кол! Я, собаку, его,
По телеге размажу, – Гордей закричал. –
Он, собака, ножом... Погляди, мужики... –
И Гордей всем показывал рану свою:
На груди сквозь разрез у рубахи видна

Рана свежая, мелкая. Тёмная кровь
Всю рубаху льняную внизу залила.
– Бейте их, мужики! Есть ножи и у нас! –
А марийские бабы кричат на своём
Да на ломаном русском, что б драку унять:
– Перестань! Ваш игумен велела, чтоб мир!.. –
Бабка Вера поспела, втесалась в толпу
Среди баб, да поближе, чтоб драку смотреть:
– Бейте их, мужики! Будут знать, как сжигать
Нам амбары с зерном! – закричала она.
– Ты откуда такая горластая! Цыц!
Мы на левом, марийском, живём берегу.
Хочешь, чтоб они снова с войной к нам пришли?! –
Заругалась на Веру старуха одна.
Бабы подняли крик: кто хотел отомстить,
За убитых своих, за дома, что пожгли;
Кто, боясь новой распри, хотел примирить
Мужиков и марийцев. Среди мужиков
Тоже распря пошла. Трое стали кричать:
– Это, братцы, не те, что деревни-то жгли!
Эти с нами живут! Среди них лишь один...
– Все они хороши! – им кричали в ответ. –
Если вы за марийцев, побьём мы и вас! –
Слово за слово, драка опять началась.
В ход дубины пошли, батоги да ножи.
Крик да стоны, да охи, да треск батогов.

Васька-плотник схватил было тут и топор,
Но ему мужики говорили:

– Не трожь!

Не война же ещё. Так, помнём им бока,
Да порежем немного, чтоб помнили нас. –

И пошла свистопляска по лугу плясать.
Закрывали поспешно купцы свой товар.
Бабы визгом визжали, держали детей.

Попадались под руку когда вотяки,
Доставалось и им. Лишь татары толпой
Постояли в сторонке, собрали своих
И ушли от беды восвояси домой.

А по лугу как будто живой каравай
То направо покатит, то влево свернёт;
Словно ком рук и ног, батогов да дубин
С жуткой руганью, с криком катался в траве,
За собой оставляя без чувств мужиков,
То марийцев, то русских, а то вотяков;
Да в траве след кровавый тянулся за ним.
Кто-то крикнул в толпе:

– Тихомира зови!.. –

В это время от луга и боя вдали
Тихомир тихо, мирно у храма стоял
Среди баб и детей, любовался на храм.
Он ещё и не знал, что там драка идёт,
Но уже бабий крик и сюда долетел.

И к воротам народ поспешил, посмотреть,
Что за крик, что за шум за оградой, узнать.
Монастырская стража, глядела с ворот,
Алебарды приставив к ограде, щиты,
Веселилась душой, от безделья томясь,
Драку славную глядя, войну мужиков.
– Вон, твои там дерутся! Иди, Тихомир,
Разнимай петухов! – крикнул стражник Иван,
По прозванию Безухий. Два года назад
При налёте марийцев ему отсекли
Ухо с краем плеча в перебранке лихой.
Мясо вновьросло на плече у него,
А вот уха лишился уже навсегда. –
Наподдай черемисам! Дубину-то дать?
– Я и так, – отвечал, торопясь, Тихомир.
Лишь в ворота он вышел, к нему подбежал
В конопляной рубахе с побитым лицом
Конопатый Демьян:
– Помогай, Тихомир! –
Тихомир поспешил к оголтелой толпе:
– Разойдись! – что есть сил, закричал мужикам.
Где врезался в толпу, там за ним коридор:
Пропускали его, да сходились опять.
И отчаянный кто-то в пылу угостил
Батоном Тихомира по крепкой спине.
– Ах, вы так! – обозлился тут сын кузнеца.

И пошёл Тихомир кулаками махать:
Полетели, как брызги, ножи, батоги,
Повалились на землю кругом мужики,
Кто попал под удал, кто свалился и сам,
Чтоб ему не попало, да тихо отполз.
Побежала толпа по дороге к реке.
Кто быстрее бежал, тот на лодки вскочил,
Отвязал да уплыл. Кто и вплавь, ничего;
Пусть вода-то ещё по весне холодна,
Так хоть челюсть не сломит, не выбьет зубов.
Плюнул тут Тихомир, да назад повернул.

С ним довольные рядом идут мужики:

– Молодец, Тихомир! – Он в ответ:

– Ничего. –

Возле поля у дуба стояли ещё

Мужики. К ним с толпой подошёл Тихомир.

– Вот, поймали двоих, – говорят мужики. –

Этот, вон он, со шрамом-то, крест на щеке...

– Это он по спине-то тебя батогом...

– Пятерых он, собака, порезал у нас:

Вон, Гордея, Данилку...

– Смотри, Тихомир. –

И Данилка показывал рану свою:

Руку правую левой рукой он держал

За запястье, а из-под ладони его

Кровь сочилась на землю. Слегка отпустил

Он ладонь, и глубокая рана тогда
Растворилась, кровавая, кость обнажив.
– И дружок-то не лучше. У-у! Смотрят ещё!.. –
И ногой по щеке, где был шрам крестовой,
Пнул Данилка Бакмата в сердцах. Тот хотел
Приподняться, чтоб как-то ответить ему.
Но Бакмата прижали к земле мужики
Батогами:
– Лежи, черемисская тля!
– Может, тут же, на дубе их вздёрнуть сейчас!
– Вы полегче, ребята! Лежачих-то бить... –
Говорил Тихомир.
– Что нам их, целовать?.. –
Отвечали ему. Возле дуба в траве
Два марийца лежали избитые в кровь.
– Нож-то мы у него отобрали. Гляди. –
Васька-плотник подал Тихомиру клинок.
На клинке по ребру, где был выкован дол,
Шёл премудрый марийский орнамент чудной,
Волки скачут на нём по обоим бокам,
Гонят зайцев они по чащобам глухим;
А на пятке клинка как цветы – письмена;
Рукоять из лосяного рога с концов
Серебром вся покрыта, узорным, резным;
Три заклёпки серебряных в виде сердец;
В виде глаза отверстие для темляка.

– Знатный нож! – восхищённо сказал Тихомир. –
Словно в зеркале, в лезвии солнце, блеснув,
Ослепило глаза Тихомиру на миг.

– Знатный нож! – повторил он.

– Верните мне нож, –

Глядя в землю, спокойно Бакмат попросил.

– Ишь, чего захотел! – засмеялись вокруг.

– Здесь, на дубе, повесить и вся недолга...

– Утопить их, чтоб тихо. Мол, сами они...

Разговоров чтоб не было. А, Тихомир?

– Утопить! – закивали вокруг мужики.

– Отпустить, пусть идут! – вдруг сказал Тихомир.

– Ты чего, Тихомир? – это ж наши враги!

– Это ж он по спине-то тебя батогом!..

У меня его вырвал... А ты – «отпустить»... –

Тихомир хмурым взглядом вокруг посмотрел.

Мужики попритихли. Тогда он сказал:

– Кто же в драке считается? Эх, мужики...

Не война ведь. И так им намяли бока.

Пусть идут. На свой нож. Уходите скорей. –

И Бакмату отдал Тихомир его нож.

Тот поднялся, и другу подняться помог.

Мужики недовольные, молча, стоят,

Смотрят, как их добыча уходит от них.

Тихомир улыбнулся:

– Глядите туда!

Вам самим-то от баб не попало б теперь... –
Мужики обернулись к обители, там
Уж толпа собралась; все стоят на лугу,
Ждут назад драчунов, чтобы их отчитать.
Мужики почесали затылки свои,
И обратно пошли. Возле монастыря
Их встречала толпа: девки, бабы, купцы,
Старики да монахи. Недобро глядят.
Не хвалили вояк за их удаль в бою:
– Драчуны!..
– Словно дети!..
– В умах-то одно...
– Светлый праздник, поганцы, испортили нам!
– Лодки! Лодки-то, мать вашу, все увели!
Монастырских штук восемь там было, и те... –
Оглянулись назад мужики: вот те на!
Только пристань пустая стоит у реки.
Было ж дело потом: кто был сильно побит,
Тех лечили; послали в деревню троих,
Чтобы лодки нанять, да на берег другой
Баб с детьми отвезти, что с другой стороны.
Так закончился день, но не вечер ещё.

8. Желанный час живого слова

Об истории той долго помнили те,

Кто участником был и свидетелем был;
И бахвальство, и сплетни неслись по дворам;
Но кругом кузнеца вспоминали добром.
А пока только день догорал над землёй;
Время птицей летело на сильных крылах;
Ветры время несли, время – вечер несло;
Солнце красное к лесу склонялось уже.
Поредела толпа перед монастырём.
Старость дома давно, на лежанках своих;
Нет уже и купцов – счёт ведут барышам.
Только юности кровь не устанет никак:
У реки на лугу хороводы пошли.
В хороводе идёт и кузнец Тихомир,
Держит за руку нежно невесту свою,
Что Иришкой зовут; а коса у неё
Аж до самой земли; вокруг шеи своей
Обвивает Иришка её, чтоб не мять
На конце алый бант, чтоб у шеи коса
Золотым ожерельем природным была,
Вызывала чтоб зависть у многих подруг.
Песни девушек слышались, песни парней.
Гуслей звук разносился, свирелей, рожков:
То весёлые звуки, то грустные вдруг...
Плотно заперты створы высоких ворот
Монастырской обители. Стражи стоят
Над воротами, слушают песни вдали:

«Ой ты, лён голубой, где ты вырос, мой лён?..» –
Женский хор запевал, ему вторит мужской:
«Вырос во поле я, над Ветлугой-рекой,
На просторе широком, на русской земле...»
Ну а в трапезной, чинно вечерю творя,
Собрались все монахи. Пафнутий сидит
Во главе за огромным дубовым столом.
На столе одинаковый ужин для всех:
Перед каждым овсяная каша стоит,
К ней на блюдах больших из Ветлуги-реки
Щуки свежие в кольцах из лука лежат,
С чесноком да морковью, с орехом лесным;
Да варёные яйца, да сыра чуть-чуть;
Да грибов разносол из Ветлужских лесов;
Да у каждого – хлеба ржаного кусок.
Ели чинно и молча. И в окна едва
Песни грустной мотив доносился с реки.
Среди прочих гостей были тут три купца,
Что пришли издалёка с товаром своим:
Попросились в обители ночь провести.
Да ещё Вещий Дед, он игуменом был
Приглашён на вечерю как гость дорогой.
Вот покончив с едой, и устало вздохнув,
Оглядел всех игумен, и только теперь
Он заметил, что Тихона в трапезной нет.
– Где же Тихон? – Пафнутий негромко спросил.

– Он икону рисует, постился весь день, –

Отвечает Макарий.

– Он в келье своей

Затворился. С утра и не ест, и не пьёт.

Как вы благословили его написать

Облик старца, так он и закрылся один.

Всё рисует, – Варнава добавил в ответ.

Тут игумен свёл брови густые свои,

Призадумался. Иноки тихо сидят.

– Что же, Бог ему в помощь, – сказал, наконец. –

Он искусный художник. У храма врата

Славно он расписал и украсил резьбой.

– Да-а, врата – изумление! – тут подтвердил

Тихий инок Арсений, почтенный старик,

Он в обители Троицкой, что под Москвой,

Много лет прослужил. Но лет десять назад

Волей Бога пошёл он паломником в край,

Где служенье трудней, где язычников тьма.

И тогда это имя избрал для себя,

Чтобы чести не знать, не гордиться ничем,

Чтоб ему не напомнили бывших заслуг.

И пока были силы – он веру в Христа

Утверждал по дремучим лесам Костромским.

А потом через Унжу к Ветлуге-реке

Вышел старец Арсений. Здесь немощь ему

Повелела остаться и век свой дожить.

Старца все уважали, и слово его
Почитали всегда. Лишь он слово сказал,
Все к нему обратились, чтоб слушать его:
– Лет двенадцать назад в церкви Троицы я...
Что над гробом-то Радонежского стоит,
Преподобного Сергия... храм-то его
Вместо дерева в камень одели тогда...
Епифаний Премудрый тогда приезжал
Из Москвы. Он когда-то у Сергия был
В ученичестве. Позже, когда тот усоп,
Он писал житиё преподобного... да-а... –
Старец тихо вздохнул, вспомнив дальнюю быль,
И продолжил рассказ свой. – Так вот, и тогда
Видел я, как расписана церковь была.
Вот, скажу вам, где есть чудеса на земле!
Как живые с икон смотрят лики святых!
Смотришь и благодать входит в сердце... Вот так...
Даниил по прозванию Чёрный писал
Храм-то новый; и с ним живописец ещё...
По прозванию Рублёв, а по имени... ах,
Имя я уж забыл. Алексей ли, Андрей...
Уж не помню... года... Но творили они
Так чудесно... сам Бог их рукою водил.
Даниил там и кончил свой путь-то земной.
Но какой он был мастер!.. Так вот я о чём.
Наш-то Тихон чудесней врата расписал.

Не уступит московским-то он мастерам.
– Это так! Не уступит. – Макарий сказал. –
Живописец отменный! И дерево он
Словно видит насквозь, что там спрятал Господь.
Тут, бывало, посмотришь: полено и всё!
Он же нежно возьмёт, да погладит его;
Приглядится, да ножиком где ковырнёт;
Всё, что лишнее, снимет. И видишь потом,
Что в полене-то скрыты то плошка, то ковш.
И такой их резьбой разукрасит вокруг,
Что и в руки-то брать, да и есть-то из них
Уж не хочешь, а только любишься всё...
– Да, Господь награждает умением тех,
Кого он полюбил... и кто любит его.
– А в Великом у нас был искусник один, –
Начал тут свой рассказ и Окимий монах. –
Куклы делал такие, что дивно смотреть.
Как живые. И вот, как-то сделал одну,
Что и ходит сама, и пищит, словномышь.
Голосок-то тонюсенький, слов не понять,
Но как будто бы речь от неё-то идёт,
Вроде, как и ребёнок лопочет чего,
Вроде, как и мышонок чего-то пищит.
Федька Кукольник звали умельца того.
Ну и сдуру давай он людей-то пугать:
Я, мол, душу живую могу в неё вдуть.

Людам куклу покажет, нагнётся над ней
Да и дунет слегка; сам же – за рычажок
Незаметно и включит. И та вдруг пойдёт,
Да ещё запищит непонятно чего.
Много шуму наделала кукла тогда.
Уж молва полетела: нечистая, мол,
В этой кукле сидит, тянет дух из людей.
Ну, понятно, что Федьку и куклу его
Потащили к боярину. Федька и тут
Поначалу хотел свою шутку сыграть.
Ну, собрался народ, любопытно же всем.
Кукла – будто бы девочка, лет так пяти,
И глаза, как живые, и губки, и нос;
В длинном платье до пола, коса у неё
Настоящая. Косу-то Кукольник взял
У старухи одной за овёс и пшено.
Так он сам объяснял. Куклу выставил он.
И боярыня к ней подошла ближе всех,
Да всё хвалит её, но с опаской глядит,
Так как слышала слухов уж разных о ней.
Федька Кукольник куклу-то за рычажок
И включил незаметно. И та вдруг пошла
Да к боярыне прямо, да как запищит.
Ну, боярыня – в обморок! Няньки её
Разбежались в испуге. Боярин и сам
Оробел поначалу... Тут Федьку – в острог

Вместе с куклой. Да впредь чтоб народ не пугал,
Да не делал чтоб впредь непонятно чего,
Пальцы с правой руки повелели срубить.
Как уж Федька ни каялся, что пошутил,
Что души, мол, у куклы и нет, что она
На колёсиках лишь, на пружинках всего...
Всё же пальцы срубили... – Окимий вздохнул.
– Значит, не было Бога в искусстве его! –
Тихо старец Арсений сказал. – Для себя
Он старался, и всё – на потеху себе,
Да людей попугать. Вот за это и был
Он наказан. И, право, скажу – поделом!
– Кто же спорит... Уменье умению – рознь. –
Согласился Окимий. – Кому оно впрок,
А кому и без прока, и даже во вред...
– С Богом всё идёт в пользу, – Арсений сказал.
– Это так, – согласился Окимий опять. –
Вон, Савватий-то, гибель чинил для других,
Да чуть сам не погиб... Помнишь, светлый-то день? –
Повернувшись, спросил у Савватия он.
– Не забуду вовек! – отвечал тот ему. –
Вечно буду молить за спасенье души,
И за души других, чтоб и их отвратить
От большого греха. От такой-то беды...
А уж мне-то свой грех, хоть бы часть отмолить...
– Бог-то милостив...

– Сам я простить не могу...

– Расскажи, в назидание нашим гостям.

Пусть послушают; сами расскажут кому;

Может, чьё-нибудь сердце рассказом твоим

От греха отвратится, и это тебе

Уж зачтётся хоть сколь-нибудь, – старец сказал.

– Это было... теперь и не помню, когда...

– Так Варнаву-то с Устюга князь Кельдибек

Вместе с пленными в тот год привёл на Якшан... –

Подсказал тут Окимий. – Я помню, тогда

Чуть живой ты в обитель-то нашу прибёг.

На Борецкую волость напали тогда

Новгородцы из беглых, вятчане, ещё

Устюжане лихие. Отчаянный люд.

Исаак-то Андреич Борецкий тогда

Хоть с трудом, да отбил их...

– Не он ли потом

Сел посадником в Новгород? – басом спросил

Темноглазый купец из гостей.

– То потом.

А Савватий тогда и прибёг на Якшан,

Как Борецкий погнал их, да многих побил.

Что молчишь-то, Савватий. Скажи, что не вру.

– Да, что было, то – было. На мне все грехи...

Не сказать, чтобы больно уж бедно я жил,

А вот надо ж, хотелось, чтоб сразу и всё!

По крупицам-то труд собирать да копить
Не хотел. Молод был. Да любил погулять.
И, нечистый попутал: связался тогда
Я с лихими людишками. Много всего
Мы творили. В ушкуйниках даже ходил.
Но, чего добывали разбоем своим,
С кутежом всё сквозь пальцы спускали опять.
А когда на Борок-то пограбить пошли
Устюжане и мы, и вятчане ещё;
Много нас собралось на богатый Борок,
Чтоб купцов обобрать да дома попалить.
Видно, так уж у нас на Руси повелось:
Коль богаче сосед – ненавидеть его,
Да желать разорить, да и смерти желать...
Много кровушки выпили наши клинки.
Много взяли добра, много праведных душ
Отпустили на волю из плена их тел.
Но Борок захватить всё же мы не смогли.
Исаак оказался искуснее нас
В ратном деле. Он смог разделить нашу рать,
Да побить по частям. Да погнал нас в леса.
Видим, смерть-то за нами уже по пятам!
Справа, слева друзья мои падают ниц.
Тут я понял, что всё! За грехи-то мои
Как собаку изрубят сейчас и меня.
Стал молиться я, братья. Бегу и молюсь

Николаю угоднику. Все-то грехи
Перебрал я свои, всё припомнил тогда.
Много падало слева и справа меня
Тех, с кем долго бок о бок я счастья искал,
А меня ни стрела не взяла, ни клинок.
У деревни одной, перед лесом почти...
Той деревни, что раньше мы сами пожгли...
И дома-то какие – дымились ещё...
В уцелевших же – прятались бабы с детьми.
Побойчей – у ворот, кто с косой, кто с серпом:
Насмерть деток готовы теперь защищать.
Видят: мало уж нас, и хотят отомстить
За деревню свою, за дома, что пожгли,
За убитых мужей, за отцов, сыновей...
Видим мы, что деревней-то нам не пройти.
Те, кто меч свой бросали, пощады прося, –
Только смерть находили от стел да мечей.
Кто и к бабам бежал – бабы хуже того
Налетали и косами, словно траву
Ранним утром косили, – рубили в куски.
Я тогда в первый дом, что не весь обгорел,
Заскочил, чтобы, скрывшись, задами уйти:
На задах-то за домом до леса – овёс.
Я – за двор, но и там Исаака войска:
Окружали, чтоб бабам восставшим помочь.
Увидали, и бросились трое ко мне.

Я – избу заскочил, да и дверь – на засов!
Слышу: рубят. Ну, думаю, вот она, – смерть.
Вижу: к окнам бегут. Ставен нет уж почти.
Я взмолился опять: «помоги и спаси!»
Вдруг выходит из кухни седой старичок.
Я-то думал, что дом обгорелый, пустой.
Удивился, что кто-то ещё тут живёт.
Говорю: «Как мне скрыться, отец, помоги!»
«Встань под образом! – тут мне старик приказал.
Да смотри, ни гу-гу! Стой, как будто и нет!
А потом ты отсюда к Ветлуге беги!»
Только он мне сказал, только в угол я встал
Под икону, да замер, едва и дышу,
Как в тот миг с треском дверь-то снесли уж совсем,
Да и в окна залезли два дюжих бойца.
Я стою перед ними открытый в углу:
Вот, берите живого! Уж сердце зашлось...
Но смотрю, они, словно не видят меня,
По избе-то шныряют туда да сюда,
Удивлённые: где, мол, я спрятаться мог?
«Видно, раньше в окно он, стервец, сиганул!»
Походили, потыкали всюду копьём
И ушли. Поискали вокруг, у избы,
Да совсем удалились, спеша к остальным.
Только тут я опомнился, деда ищу,
А его нет нигде. Я и вспомнил тогда,

Что его и при них-то уж я не видал,
И они-то его, как меня, не нашли.
Только тут и дошло до меня, что ко мне
Сам Никола угодник пришёл, чтоб спасти.
Огляделся, а дом-то уж как головня,
Даже крыша насквозь прогорела, и все
Стены – чёрные головни. Только один
Угол дома не тронут всеядным огнём:
Тот, в котором икона висела, где я,
Замеревший от страха, гибели ждал.
Подошёл я к иконе, взглянул на неё,
И озноб пробежал у меня по спине:
Из оклада иконы глядел на меня
Тот же старец, что только что жизнь мою спас.
Тут колени мои подкосились и я
Пред иконой упал и заплакал, молясь
О спасенье своём и о грешной душе.
Долго... долго молился. И вечер уже
Опускался над лесом, и крики кругом
Страшной бойни мне были уже не слышны.
К ночи выбрался я из горелой избы
И святую икону с собой прихватил.
Да в моей голове всё звучали слова:
«А потом ты отсюда к Ветлуге беги!»
Так попал я сюда и почти двадцать лет
Всё за души молюсь тех, кого загубил.

А икона так в келье моей и висит.

– Ты, Савватий, ещё расскажи и про то,
Как ты крест-то святой от грабителей спас, –
Подсказал инок Флавий, что рядом сидел.

– Нет, об этом уж, братья, не мне говорить. –
И монах замолчал, и глаза опустил.

– Ну, так я расскажу, – инок Флавий сказал,
Обратившись с улыбкой к сидевшим гостям. –

Вы сегодня-то видели сами того,
Из марийских вояк, что поймали в толпе,
У которого памятный крест на щеке...

Он рассказывал сам, как тот шрам получил.

– Да уж видели, – Прохор Щедровский сказал,
Что в Щедровке под Шанзой был знатным купцом.

– То Савватий к нему крест святой приложил!

Так руками его из огня и достал
Полыхающий жаром. И как только смог?

Покажи-ка, Савватий ладони свои.

– Что ладони... – угрюмо Савватий сказал

И гостям протянул, раскрыв, обе руки.

– Во, видали! – сказал инок Флавий. – Нигде
Ни ожога, ни шрама! А крест-то он нёс
До Ветлуги! Пока его в лодке не скрыл.

А марийцу на морде-то – шрам на всю жизнь!

Да и то чуть ни помер, как сам говорил.

Вот вам чудо так чудо!..

– Мне этот рассказ

На Торговом-то озере баба одна

Рассказала вчера. Думал, брешет она, –

Вставил видом дородный купец из гостей,

Что по прозвищу Ручкин. Прозвали его

Потому, что он руки любил потирать. –

На Торговом-то озере весь свой товар

Я почти уж продал! Уж остатки сюда

Перевёз, чтоб назад их с собой не везти. –

Начал хвастаться он, но толкнул его в бок,

Чтоб язык прикусил, третий гость из купцов,

Емельян Тараканыч, хитрющий мужик.

Он товары свои вёз теперь в Ярославль,

Где был друг у него, тоже хитрый купец.

– Что ты здесь о торговле!.. – и Ручкин умолк.

– А мари́йцу сегодня совсем не везёт:

Мужики-то изрядно помяли его.

Если б не Тихомир, Богу б душу отдал...

– Мы бесчинства зачинщиков выявим всех,

Да примерно накажем, чтоб не было впредь

Им повадно на праздниках драк затевать... –

Мальчик Вася сидел одадь пришлых гостей,

Он Степана Безрукого с ложки кормил,

Да на Вещего Деда весь вечер тайком

Всё посматривал. Станным казался ему,

Этот дед. Кто такой он? И здесь для чего?

У Арсения старца он тихо спросил,
Тот сидел рядом с ним, но с другой стороны:
– Что за дед это, отче? Ты знаешь его?
– Это дед Медвелом.
– Медвелом?
– Вещий Дед.
Первый раз появился он в наших лесах.
Долго он в деревнях никогда не живёт.
Погостит и уходит в чащобах бродить.
Только здесь я не видел его никогда.
Говорят, всю Ветлугу он вдоль исходил.
Но зверья он не бьёт, только ягоду ест
Да грибы, да траву, да орехи в лесу.
– А за что же его Медвеломом зовут?
– Говорят, он медведя в лесу завалил,
Да такого, что мог бы и лошадь сожрать.
Вон, игумен-то знает, он видел его.
– Как же он завалил, коль зверья он не бьёт?
– Так давно это было. Теперь он уж стар:
Не охотится, вроде, жалеет зверьё.
Может, глаз уж не тот. Может, мясо не ест.
Ты спроси у него. Не стесняйся, спроси. –
И Арсений парнишку слегка подтолкнул,
Чтобы тот был смелее. А Вася спросил:
– Почему же он Вещий?
– Он знает судьбу.

Так о нём говорят. Ты спроси у него. –
Мальчик встал. Он поближе к гостям подошёл
И у деда спросил:

– Дед, то правда, что ты
Медвелом? Мне так старец Арсений сказал.
– Иногда так меня называет народ.
– А то правда, что в диком лесу ты живёшь?
– Правда, милый. Но лес – он не дикий совсем.
Лес питает и лечит, он всё мне даёт.
– И волков не боишься?
– Волков-то? Боюсь.

Только знаю, что волки меня не съедят.
– А ты, правда, всё знаешь, что будет потом?..
– Знать – не знаю, но видеть могу иногда.
– Как же видишь ты, дедушка?
– Чаще – во сне.

Но и то, что увижу, рассудком своим
Не всегда так, как нужно, могу толковать.
А уж, сколько за жизнь перевидел я снов,
И сказать не могу. И не вспомнить всего.
А тебя вот не видел: что будет с тобой,
Не скажу. – За ручонку он мальчика взял,
Да на лавку широкую рядом с собой
Пригласил посидеть. – Я сюда ведь пришёл,
Чтоб проститься с друзьями, что жизнь мне спасли.
Да сказать им, какие о них видел сны.

Может, сбудутся... Завтра я снова уйду
И уже никогда на верховье реки
Не вернусь. Так я видел... – Тут Прохор спросил:
– А скажи ты нам, дед, далеко ли во снах
Видишь времени даль? Лет на пять, иль за сто?
– Видел, милый, и дальше. Чудны были сны.
– Что же видел-то? Нам расскажи хоть чуть-чуть.
– Видел новое время, иные века.
Мир изменится сильно. Ни с чем не сравнить.
Будут ездить в повозках, но без лошадей,
Будут мчатся быстрее, чем тройки летят... –
Тут спросил Емельян Тараканыч, вздохнув:
– Верно, люди там будут счастливей, добрей?
Вещий Дед Медвелом покачал головой:
– Ни добрей, ни счастливей. Такие, как мы.
– Ну а дальше? Какие потом времена
Видел ты в своих снах? – снова Прохор спросил.
– Люди будут на птицах железных летать.
Через реки, леса... Выше жаворонков,
И быстрее, чем сокола крылья несут...
– Ох, чудно это всё. Ты не врёшь ли, старик?
– Говорю то, что видел, а вру или нет,
Это время покажет. Мне как доказать? –
Тут опять Емельян Тараканыч вздохнул:
– Неужели по воздуху будут летать?!
Верно, там-то уж будет счастливее жизнь! –

Вещий Дед и на это качнул головой:

– Нет, счастливей не будет. Всё, как и у нас.

– Это скоро ль наступит? Быть может и мы Полетаем как птицы? – Вновь Прохор спросил:

– Нет, не мы и не дети, не внуки детей

Той поры не достанут. Пятьсот лет пройдёт...

– Неужели ты видишь и так далеко?

– То – для нас далеко. А для Бога – лишь день.

– Расскажи, дед, какие ещё чудеса

Видел ты в своих снах? Чудно слушать тебя. –

Дед подумал немного, вздохнул и сказал:

– Как в окно, будут в ящик волшебный смотреть,

Будут видеть в нём мир, страны все, города,

Что твориться вокруг на огромной земле...

Прямо из дому можно увидеть весь мир... –

Тут опять Емельян Тараканыч сказал:

– Верно, там-то уж каждый узнает судьбу?

Люди точно там будут счастливей, чем мы...

Жить в таких чудесах, да и счастья не знать!? –

Вещий Дед улыбнулся в седые усы,

Покачал головой и ответил опять:

– Не узнают и там ни судьбы, ни себя.

Да и счастья не больше. Всё так, как у нас.

Люди даже к луне потом будут летать,

А вот счастья рецепта не смогут найти... –

– Ну, уж это ты врешь! Что б к луне... это ложь!

Выше Бога! Кошунство!.. – Арсений сказал.
– Это только лишь сны, – отвечал Вещий Дед. –
Мы над снами своими не вольны никак.
– А скажи, Медвелом, – тут Окимий спросил: –
Вот же Русь наша, матушка, вечно стоит...
Только раньше на ней была вера не та:
Истуканам молились и верили в них.
Как у вас до сих пор – истуканы в богах.
Но уже лет пятьсот в православии Русь,
И крепка наша вера. Нет крепче её.
Так скажи нам: ещё через столько же лет,
Будет вера Христова стоять на Руси?
Видел это во снах ты своих, или нет? –
Вещий Дед, сдвинув брови, подумал чуть-чуть,
Будто сон вспоминая; потом уж сказал:
– Будет вечно стоять православная Русь.
Но и наших богов будет помнить народ. –
Тут игумен Пафнутий свой голос подал:
– Чуден мир. Чудеса объяснить нелегко.
Что там будет вдали, хорошо рассуждать.
Медвелома за то и зовут Вещий Дед,
Что слова его время смогло подтвердить.
Но о дальних столетиях можно пока
Только сказки писать. Нам же, братья, пора. –
Он поднялся, и ужин закончился тем.
Удалились из трапезной все на покой.

9. Едва ли сон, едва ли явь...

День прошёл, вечер тоже к концу подходил,
В тёмный лес солнце с неба скатилось уже,
Леса край запылал благодатным огнём:
Он горит, да не жжёт, он приносит покой,
Он и глазу приятен, и мил для души.
– Завтра – ведро, – сказал, поглядев на закат,
Стражник Ванька Безухий, и тихо вздохнул.
Не слышны уже песни вдали у реки,
Не видна и Ветлуга: покрылась она
Пеленою тумана, как будто на ночь
Покрывалом укрылась, чтоб слаще спалось.
Спит и Тихон монах в тесной келье своей.
Он устал, но закончить работу успел.
Спит, сложив свои руки крестом на столе,
А на них, как в перину, устав, уронил
Он тяжёлую голову с рыжей копной.
На столе перед ним на подставке стоял
На грунтованной липовой доске, внутри
Углублений иконных, и краской блестел
Образ старца седого меж двух облаков.
А огарок свечи уж почти догорал,
На икону бросая мерцающий свет.
И казалось, лик старца в иконе ожил;

Он на мастера смотрит и, будто, подняв
Руку правую, хочет крестом осенить...
Тихон спит за столом и такой видит сон:
Снова он у реки, и как будто один,
И сияние яркое в небе над ним,
Да такое, что глянешь, и больно глазам.
И оттуда к нему быстрый сокол слетел.
Обернулся он старцем у самой земли.
Его кудри седые доходят до плеч,
Словно снег седина в бороде и усах,
Только брови немного темней, из-под них
Ясный взгляд излучал неземную любовь.
– Не узнал ты меня, – грустно старец сказал. –
И собратья твои не узнали меня.
Я пустынником Кием к Ветлуге пришёл.
Николаем в монашестве звали меня.
Здесь я храм заложил, здесь крестил я народ.
Вам же я показался, чтоб знаменье дать.
Вот завет мой: довольно на месте сидеть,
Собирайтесь вы в путь, да берите с собой
Слово Бога живого и веру в него,
Да идите в народ Божье слово нести! –
Старцу Тихон отвесил поклон до земли.
Распрямился, а старца и след уж простыл,
Только сокол летит в облаках высоко
Над Ветлугой-рекой, устремляясь на юг...

Тут огарок свечи уж совсем догорел,
И с подсвечника жгучий оплавленный воск
Капнул прямо на палец монаха, и тот
Пробудился. Он долго сидел в темноте,
Размышляя о сне. А потом быстро встал,
Взял икону и вышел из кельи своей,
Аккуратно прикрыв крепко сбитую дверь.

10. Таинство ночной встречи

Чёрным бархатом небо укутала ночь,
По нему самоцветы кругом разбросав.
Яркий месяц на землю глядит свысока,
Бледный свет проливая на крыши домов,
На деревья, на крест колокольни, на храм.
В эту ночь не ложился ещё на постель
Настоятель игумен, тревожил его
Мыслей грузный поток о былых временах,
И о будущем, и о служенье своём:
«Чуден промысел Божий. Деянья его
Не постигнуть без веры... и с верой, увы,
Не всегда познаём мы дел истинный смысл.
Чуден мир. Чудеса объяснить нелегко.
Сколько лет я уже во служении здесь!
Сколько слышал чудес! Сколько видел чудес!
Но и ропот сомнений я слышал не раз

И от стойких весьма, и от искренних душ:
Почему, мол, Всевышний кому-то даёт,
А другого, достойного более в том,
Почему он обходит вниманием своим?
Даже старцы... Я помню, покойный Мирон
Перед смертью мне исповедь, полную слёз,
Говорил. Он в служении с юности был.
Верен делу Христа, верен слову его.
Для аскезы последние несколько лет
Даже спал он всегда в деревянном гробу
В тесной яме под кельей унылой своей,
Как земля отходила от стужи зимы.
Перед смертью спросил он меня: почему,
Хоть провёл он и праведно всю свою жизнь,
Бог предвиденья дар иноверцу вручил?
И ещё: почему же Савватий, что был
И убийцей, и вором, взял огненный крест
И руки не обжёг? И в вопросах его
Не увидел я зависти. Он лишь хотел
Разобраться во всём и понять: почему?
Отошёл он, ему не успел я тогда
Объяснить, что Савватий совсем не причём.
Что любой бы тогда, кто осмелился взять
Этот огненный крест для спасенья его,
Не обжёг бы руки. Но на подвиг такой
Лишь Савватий осмелился с верой своей.

Чуден мир. Чудеса объяснить нелегко.
Вот сегодня видение было троим...
Почему? Для чего? Как постигнуть его?
Вещий Дед мне сегодня сказал, что во сне
Видел этих троих в тесной яме, в лесу.
Как постигнуть видение это?... в лесу...
Разве что из обители выйдут они?
Но зачем?...»

– Для служения, – голос сказал.
Старец вздрогнул. Покои свои осмотрел:
Никого. Он к иконам скорее приник,
Осенья себя троекратным крестом,
Да молитву прочёл. Да прислушался вновь.

– Для служения, – голос опять повторил.
Оглянулся на голос игумен, глядит:
На резном сундуке белый старец сидит.
Риза будто из воздуха выткана вся
И при свете свечей серебрится, как снег.
И как снег седина в волосах, в бороде;
Только брови немного темней, из-под них
Ясный взгляд излучал неземную любовь.

– Для служения, – в третий раз старец сказал.
Тут игумен услышал негромкий стук в дверь.
Оглянулся на дверь: на пороге стоит
Инок Тихон. Он, чинно отвесив поклон,
Подошёл к настоятелю и протянул

Ту икону, что краскою пахла ещё.
На грунтованной липовой доске, внутри
Углублений иконных, блестел на свету
Образ старца святого меж двух облаков.
Его кудри седые доходят до плеч,
Словно снег седина в бороде и усах,
Только брови немного темней, из-под них
Ясный взгляд излучал неземную любовь.
Он с иконы смотрел прямо в сердце, подняв
Руку правую, чтобы крестом осенить...
Оглянулся игумен на старый сундук:
Никого. На икону опять посмотрел:
– Как живой... – удивлённо Пафнутий сказал.
– Вот его мы увидели нынче с утра
Над рекой в облаках... Он нам знаменье дал...
Это Кий... Николай... Он сегодня ко мне
Приходил и велел, чтоб Макарий и я,
И Варнава... оставили чтоб монастырь...
Я, окончив работу, слегка задремал...
И увидел его... – лёгким жестом руки
Речь Пафнутий прервал:
– Для служения вас
Он призвал... Знаю, знаю... Я видел его...
– Как?.. И вы?..
– И меня он сейчас навестил...
А икону твою мы в оправу внесём,

Да в киот золотой, да затем освятим...
Ты Варнаву с Макарием видел уже?
– Нет. Я тотчас сюда... чтобы сон рассказать... –
Не успел и сказать это Тихон, как вдруг
В дверь опять постучали негромко, и вот
На пороге покоев Макарий возник.
Удивился, увидев и Тихона тут;
Поклонившись игумену, начал он так:
– О, отец настоятель, видение мне
Приходило...
– Вот он? – и игумен ему
Дал икону, которую Тихон принёс.
На икону взглянув, рот Макарий раскрыл,
Изумлённо смотрел, не сказав ничего.
Улыбнувшись едва, так игумен сказал:
– То святой Николай, что по прозвищу Кий.
Звал в служение вас. Нам известно и то.
– И к тебе, Тихон, брат, приходил Николай? –
Удивлённый Макарий спросил, наконец.
Настоятель ответил за Тихона так:
– И к нему приходил, и меня навестил.
И, я думаю, брата Варнаву сейчас
Вы увидите здесь: вряд ли он миновал
Чести той, что сегодня нам выпала всем... –
И на дверь посмотрели все трое тогда,
Да прислушались: нет ли за дверью шагов.

И действительно, слышат: за дверью шаги,
Да всё ближе, всё ближе. И вот: тихий стук.
Дверь раскрылась, Варнава в покои вошёл;
Удивился, увидев и Тихона тут,
И Макария. Чинно отвесив поклон,
Он раскрыл, было, рот, чтоб про сон рассказать,
Но Макарий икону ему передал:
– Посмотри, брат Варнава, на образ святой.
– Как живой... – удивлённо Варнава сказал. –
Это он утром нам над рекою предстал
В облаках... И сейчас мне явился во сне...
– Он и к ним приходил, и меня навестил. –
Настоятель сказал. – Призывает вас Бог
Послужить вне обители слову его.
Николая святого посланником он
Выбрал, так как в местах этих был Николай
Веры чистой и праведной проводником.
Как поток: он сначала течёт ручейком,
А потом, если силы ему даст Господь,
Уж источник его не иссякнет, рекой
Полноводной течёт он. Был Кий ручейком,
А теперь уж поток, а теперь уж река...
Видеть старцев святых, видеть знаменье их
Честь большая! Не всех отмечает Господь.
Вы же избраны им. Он вам знаменье дал.
Но послушайте, всё же, и слово моё.

Притчу о виноградарях помните вы,
Ту, что в Новом Завете. Недаром она
Повторялась у Марка, Матфея, Луки.
Хоть она и проста, смысл глубокий в ней скрыт.
Виноградари все мы на этой земле.
И когда срок приходит плоды собирать,
Зависть, жадность и гнев посещают того,
У кого виноградник плодов не принёс.
Так радейте, чтоб ваш виноградник всегда
Грузен был от плодов, чтоб хозяин его
Был доволен, и вас отмечал похвалой.
А плоды виноградников нашей души:
Вера, кротость, любовь, милосердия дух!
И плоды эти голод любой утолят.
И плодами такими кормите людей.
Свет несите народам Ветлужской земли.
Разойдётесь когда по служеньям своим —
Ничего, это можно. Не вечно же вам
Друг за друга держаться. Но вечно дружить!
В остальном же, — на всё воля Божья дана...
А теперь вы ступайте, пора отдохнуть.
Но с утра уж готовьтесь в духовный поход.
Жалко с вами прощаться: работники вы
Хоть куда, и искусством прославили нас...
Что ж, идите. — Они поклонились ему,
А игумен крестом всех троих осенил.

Часть вторая

Ловцы человеков

«Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему
и тьмы тем предстояли пред Ним;
судьи сели, и раскрылись книги».
(Даниил 7:10)

1. Утренние проводы

Поутру стали думать: как тронуться в путь.
Поначалу хотели паломники плыть
По течению вниз по Ветлуге-реке,
Да на лодке хорошей, чтоб только несла.
Но как вспомнили: лодки-то все увели,
Да пока их найдут, да пока их вернут...
Время дорого, ждать уж теперь не с руки.
Если б сами они, да по воле своей
В путь решили идти, так уж можно тогда
Собираться и день, и неделю в свой путь.
Можно лодку успеть смастерить не спеша.
Но призвал их Господь, и посланника дал,
Тут уж медлить и день, и полдня было б грех.

Порешили: не ждать и начать в путь пешком,
А уж там Бог поможет, подскажет, как быть.
Так, нехитрые вещи собрали они,
Запаслись провиантом на несколько дней,
И прощаться уж с братией стали, как вдруг
Тихий старец Арсений сказал:
– Как же так?
Божье дело вершить лишь с крестом, без меча?
К иноверцам невинных овец посылать?
То – на верную смерть, не на Божьи дела!
Ведь в Писании ясно: крестом и мечом!
Кто же будет в дороге-то их защищать?
Им помощника надо, чтоб их от беды,
От разбойников разных чтоб мог уберечь.
Сами ж в руки оружие брать не должны.
– Так ведь с Богом идут! Бог-то их защитит! –
Вставил Фрол, пономарь, что недавно служил.
И монахи заспорили, как поступить:
Взять охранника инокам, или одним
В путь далёкий идти по Ветлужским лесам,
Где во множестве дикого зверя живёт,
Где нередко встречаются и лютых людей.
Кто за то выступал, чтоб одним им идти;
Кто за то, чтобы хоть одного или двух
Взять с собой мужиков, чтоб охрану несли.
– Тут на Бога надейся да сам не плошай! –

Заявил громким басом звонарь Парамон.
– Это верно. – Арсений опять подхватил.
Он на Фрола взглянул и сердито сказал:
– Сам-то ты отправляйся-ка в путь просто так,
Без охраны. Купцы вон, и те свой товар
Без охраны не возят. И сами – с мечом.
Здесь же – слово Господне – богатый товар!
Как его не хранить да без стражи нести?
Бог-то, он ведь не сторож тебе, не слуга!
Мы же – слуги его! А слуга о себе
Сам заботиться должен в служенье своём.
Если ты – господин, то какого слугу
Будешь больше любить, примечать и жалеть?
Не того ли, что ловок и верен в делах,
Что и сам о себе позаботится смог,
И тебе, господину, прибыльток принёс!
Разве будешь того ты наградой дарить,
Что и сам-то себя не сумел соблюсти?
Разве дело какое доверишь ему?
Нет! Тут надо серьёзней на вещи смотреть!
– Так кого же им дать? Кто же с ними пойдёт? –
Согласившись, спросил его Фрол пономарь.
Снова стали монахи решать да рядить,
Перебрали немало они мужиков.
Но, кого б ни назвали, не нравился им.
Даже страж монастырский Безухий Иван

Не годился для этого дела никак.

Был он смел, да неловко владел он мечом

И ленив был не в меру. На страже стоять

Он, конечно бы, мог. Но идти в дальний путь...

А другие, кто был трусоват, кто женат.

– Пусть идёт Тихомир! – заявил вдруг Федул,

Монастырский кузнец. – Он и смел, и силен.

И ещё не женат, и с оружием он

Обращаться умеет, хотя на войне

Он ещё не бывал, но отец научил,

Старый Фёдор-вояка, умелый кузнец.

Видно знал, что и сыну владенье мечом

Пригодится когда-нибудь. Чем он не страж?

– И тебе хорошо: все заказы – тебе.

– У него и отец держит молот в руках.

Да и брат подрастает. Я только сказал...

Не хотите – не надо. Ищите, кого...

– А чего? Тихомир может и без меча

Разогнать даже полк! Он одним кулаком

Словно палицей лупит! Вчера вот, когда

Мужики-то дрались, он в толпу как вошёл,

Так они, словно брызги, летели вокруг...

– Ну, довольно рядиться!.. Пафнутий, отец,

Дай нам благословенье идти к кузнецу. –

Тихий старец Арсений сказал. – Час пришёл,

Пусть послужит и он православной Руси.

2. Ночных трудов доспехи

В дом пошли к кузнецу сам Арсений монах,
Да Окимий, да те трое иноков, что
В дальний путь собрались. Растерялся кузнец,
Как увидел, что входят в калитку во двор
Пять монахов. Особенно старец седой
Много страху нагнал. Благоверный кузнец
И не ждал, не гадал, чтобы в доме встречать
Столь почётных гостей. Что и думать, не знал.
Но, услышав о том, что велят в дальний путь
Отпустить Тихомира, весьма осерчал:
– Как же так? Отпустить? На кого же тогда
Я кузнечное дело оставлю своё?.. –
Тихомир же, напротив, обрадован был,
Но молчал до поры против слова отца.
Фёдор, старый кузнец, между тем продолжал:
– Как могу отпустить я? А дом на кого?
Наш Ивашка – подросток ещё, молодой;
Мы с хозяйкой, год, два, – и уже старики.
Вся надежда у нас – старший сын Тихомир.
Он не воин, – кузнец! И без кузницы жить
Он не может, он даже куёт по ночам!..
Что ты сам-то молчишь?.. –
Но сказал Тихомир:

– Тятя, тятя, пусти. Я хочу испытать

И другую дорогу. Хочу я пойти...

– Кто же будет работать со мной кузнецом?

Кто помощником в кузнице будет моим?

Я уж стар, и хотел передать всё тебе,

Как поженим тебя на Иришке твоей.

– Тятя, тятя, пусти. Не на век я уйду.

Я лишь их провожу месяц, два, и вернусь.

И жениться ещё я не думал пока.

А Иришка меня месяц, два подождёт.

Я хочу посмотреть и другие места,

Я нигде не бывал, ничего не видал.

А тебе, вон, Ивашка пока подсобит,

Он и в кузне поможет. Большой он уже.

– Младший брат твой и молот ещё не держал!

Слабоват он ещё для кузнечных-то дел...

– Ничего, он научится, сила придёт...

– Ты ж не воин! Куда тебе в стражники лезть?

Чем ты будешь в дороге-то их защищать?

Кулаками своими? А если на вас

Кто с оружием острым, с мечом нападёт?

– Тятя, тятя, пусти. Я ночами ковал

Ратный подвиг себе, славу рода всего,

А не славу кажировского кузнеца.

Я ковал себе меч, я ковал себе щит;

Я доспехи и шлем изготовил тайком.

Хоть и знал, что нельзя мне доспехи ковать
Без веленья на то, без военной поры.
Дед наш воином был. Был и ты. И меня
Ты не зря ж научил обращаться с мечом...
– Замолчи! Как ты мог!? Я тебя научил,
Чтобы дом свой, семью защищал от врагов!..
Да про меч и про щит ты, наверное, врёшь!
– Нет, я, тятя, не вру. Я могу показать... –
И пошли они к кузнице. Там, во дворе,
Под попоною старой, под сена копной,
Достаёт Тихомир в преогромном узле
Все доспехи свои. Узел он развязал
И достал из него круглый кованый щит,
На котором по кругу Ветлуга-река
Протекает спокойной кудрявой волной.
Над Ветлугой-рекой ясный сокол летит,
Задевая крылом своим солнца лучи,
Солнца, что посредине большого щита
Яркой медью горит. А под солнцем, внизу
Деревенька у леса стоит над рекой –
Символ русской земли. Парень с девушкой там
В лёгкой лодке плывут по спокойным волнам.
Изумился щиту Фёдор, старый кузнец,
Но сердито молчал, ничего не сказал.
Следом меч свой достал из узла Тихомир.
А на ножнах меча бой кровавый кипит:

Бьются русичи с силой татарской Орды,
В середине летит на буланом коне
Впереди своих войск славный Дмитрий Донской.
Изумился опять Тихомира отец,
Но сердито молчал, ничего не сказал.
Только старец Арсений сказал, посмотрев:
– Эти ножны достойны великих князей.
Для тебя они – честь. Для врагов – клич к войне. –
Меч из ножен извлёк показать Тихомир.
Как по лезвию солнце сверкнуло лучом,
Так зажмурились все, и глядеть не могли.
Словно в зеркало, в лезвие можно смотреть.
Рукоять у меча как изба в кружевах.
Вновь дивился искусству отец кузнеца,
Но упорно молчал, ничего не сказал.
Стал доспехи свои доставать Тихомир.
Он кольчугу сначала достал и надел.
Словно сказочной рыбы какой чешуя,
Заблестела кольчуга кругами колец.
До локтей доходили её рукава.
Щит нагрудный затем он достал и надел
Сверх кольчуги, чтоб грудь защищал этот щит.
На щите этом малом по кругу узор,
А по центру крест-накрест стоят два меча.
Напоследок извлёк Тихомир и свой шлем.
Заблестел он на солнце, огнём засиял.

И четыре узорные бляхи тот шлем
Защищали ещё с четырёх же сторон;
Носовая накладка по форме меча;
А кольчужная брамица с тыла и с плеч
Защищала бойца. Шлем надел Тихомир
И предстал перед всеми уже не кузнец,
А боец-богатырь, витязь русской земли.
Тут не мог уж смолчать Тихомира отец.
Восхищённо на сына взглянул и сказал:
– Ты меня превзошёл, сын мой, в деле моём!
Ты – от Бога кузнец! Жаль тебя отпускать,
Но, я вижу, нельзя мне тебя удержать.
Ты не только кузнец, ты – готовый боец!
Что ж, судьбы миновать никому не дано.
Был и я в своё время на страшной войне
В рати Дмитрия князя, в дружине его.
Правда, молод я был, много младше тебя.
Набирал он войска, чтоб идти на татар.
И с Ветлуги он тоже народ призывал.
Мой отец, а твой дед, собирался в поход.
Мне же было тогда десять лет лишь всего.
Но хотелось мне очень в поход, на войну.
Как просил я отца, как его умолял...
Но меня он не брал, говорил, что я мал.
И тогда я в подводе укрылся тайком,
На телеге под сеном. Когда же меня

Обнаружили, – были уж мы далеко.
Одного отпускать, чтоб вернулся домой
Было поздно. Отец меня взял на войну...
– Знаю, тятя! Я слышал рассказы твои.
Я их помню. Они и в душе у меня,
И на сердце. Они мне желанье зажгли
Славой род наш покрыть. И доспехи они
Мне ковали ночами, тайком от тебя.
– Вижу, вижу... – ответил кузнец. – Я для них
Вспоминаю о славе великих князей... –
Он кивнул на монахов, неожиданных гостей. –
Впрочем, долгий рассказ... Ты в дороге и сам,
Если будет желание слушать твой сказ,
На досуге расскажешь про деда-бойца,
И про подвиг его. С детства знаешь о нём...
– Тятя, дай же мне в память и дедовский нож,
Тот, который ему князь Донской подарил,
Что хранишь, как реликвию. Мне он в пути
Будет как оберег, и поддержит меня,
Если трудно мне будет, чтоб славы отцов
И дедов был достоин я в честном пути. –
И кузнец Тихомиру принёс князев нож
Вместе с ножнами, где был расписан узор
Тонким золотом с крапинами серебра.
Посредине на ножнах серебряный крест
И четыре рубина горят на кресте.

В основании ножен на солнце блесят
Вензеля золотые двух букв: «Д» и «И».
Рукоятка ножа – клык седого моржа,
Отороченный с дивными ножнами в тон
Тонким золотом с крапинами серебра.
Посредине с рубинами крест серебром,
На оковке два вензеля букв: «Д» и «И».
– Этот нож князю Дмитрию выковал Тул,
Старый мастер мариец, кузнец и скорняк,
Делал он колчаны и оружие ковал.
Взял его князь с собою в поход кузнецом.
Возле Тулы потом и остался тот жить.
Много стрел и мечей, много острых ножей,
Что сработал тогда старый Тул, до сих пор
Между Доном-рекой и Непрядвой-рекой,
На большом Куликовом просторе лежат
И гниют, возвращая земле свой металл. –
Так монахам сказал старый Фёдор кузнец.
Дал затем Тихомиру крест-энколпион,
И сказал: – Этот крест раньше дед твой носил,
А потом уж и я. А теперь носи ты.
В нём щепотка земли да просвиры щепоть. –
Поклонился отцу до земли Тихомир,
Дар священный приняв, и на шею надел.

3. Единение сердец

У Ветлуги-реки, у плакучих берёз
Тихомир и Иришка тихонько сидят
И молчат. Не идут им на душу слова.
Всё уж сказано, – только сидеть да грустить,
Да минутки до часа разлуки считать.
У Иришки на сердце тоска и печаль:
Ей хотелось теперь не слова говорить,
А кричать журавлицей, что край свой родной
Покидает к зиме, улетаю на юг;
Одинокой волчицею выть на луну;
И вдовицей оплакать свой горький удел.
Ей казалась теперь: подколодной змеей
Золотая коса шею ей обвила.
И казался ей серым, и пасмурным день.
А на небе ни тучки, ни облачка нет,
Только майское солнце горит в вышине.
– Ничего, моя любушка, скоро вернусь, –
Говорил Тихомир, чтоб утешить её. –
С ними я лишь пробуду один месяцок,
Ну, другой... как они остановятся где,
Как осядут, я тут же назад и вернусь...
– Тяжело расставаться с тобой и на день, –
Отвечала Иришка. Глаза у неё
Были полные слёз. – Ты себя береги.
Не геройствуй напрасно. Хоть ты и силён,

Да не всё можно силою сделать одной.
Сердце чует беду. Тяжело... тяжело...
– Ничего, моя любушка, скоро вернусь.
Снова будем мы вместе, уже навсегда.
Должен я послужить православной Руси,
Сам игумен меня на служенье призвал.
Может, подвиг какой я в пути совершу,
Может, род наш прославлю и наше село,
Как прославил наш род славный дед... Ничего.
– Что мне слава твоя? Не за славу тебя
Я люблю всей душой, не за славу дедов.
Дорог сам ты мне пуще вей славы земли.
Вот, на память возьми алый бант мой с косы. –
Тут она алый бант у косы расплела,
Повязала его Тихомиру вокруг
Головы, чтобы кудри его он держал.
– Не забыл же и я о тебе. Вот, смотри. –
Из-за пазухи вынул кузнец Тихомир
Диадему из чудных цветов. – Их ковал,
О тебе лишь одной вспоминая. Теперь
Ты носи, обо мне вспоминая всегда. –
И на голову ей диадему надел.
Улыбнулась Иришка, но с грустью, и так
Отвечала ему:
– Буду поминать тебя
И с подарком, и без. Только ты поспеши,

Поскорей воротись. И себя береги. –
И опять они, молча, вздыхали вдвоём
У Ветлуги-реки, у плакучих берёз,
Пока время прощаться не вышло совсем.

4. Жизнь начинается со странствий

Фёдор, старый кузнец, вывел лодку свою,
Да на воду спустил, чтобы иноков в ней
Вместе с сыном немного ещё проводить.
Вёрст за пять проводил он их вниз по реке,
Да у левого берега встал на причал.
Тут простились они. Фёдор сына обнял,
И такие слова на прощанье сказал:
– Помни мать и отца. Помни дом свой родной.
Будь разумен и смел, и вернись поскорей. –
Поклонился отцу до земли Тихомир.
Так простились они у простора реки.
Фёдор лодку повёл по течению вверх,
А монахи и с ними кузнец Тихомир
По течению вниз путь направили свой.
Шли они по тропинке у самой реки,
Поневоле любясь красой берегов.
Сосны стройные были на том берегу,
Золотилась на солнце сквозь хвою кора.
Словно рыбки, плескались в волнах, веселясь

Блики солнца. И, с ними играя, то тут,
А то там, из воды плавники показав,
Рыбья молодь плескалась в весёлых волнах.
Птицы юркие чертят над самой водой,
Чтоб рыбёшку поймать.
– Божий мир! Божий мир!.. –
Говорил инок Тихон, любуясь на лес,
На Ветлугу, на дол. – Как кругом хорошо!
– Хорошо, – согласился Варнава. – А как
Хорошо было б в мире, когда б человек
И раздоров не знал, только б жил по любви.
– Это разве возможно? – спросил Тихомир.
– Почему же и нет? – вновь Варнава сказал. –
Посмотри, как спокойно кругом, хорошо,
Места много для всех. Вот в обители мы
Сколько лет проживали без распрей, без ссор.
Почему бы и всем так спокойно ни жить,
Ни трудиться, и Бога за то восхвалять?
– Это так. Только как же спокойно-то жить,
Если нас, то марийцы, то хана войска
Притесняют повсюду. Под игом-то жить...
– Я тебе о Ерёме, а ты – о Фоме! –
Улыбнулся Варнава. – Ведь я говорю
Не о нас, а о том, чтобы все как один
Жить спокойно могли и оставить вражду,
И друг друга любить; чтобы был весь народ

Как одна мировая душа. Вот о чём!..

– Захотят ли татары-то жить так, как мы? –

Тихомир не сдавался. – Бог разный у всех...

– Для того и идём, чтоб народы мирить

Православною верой, – Макарий сказал. –

Если в вере единой пребудет народ,

То и меньше вражды. Значит: больше любви.

– Это так, – согласился, вздохнув, Тихомир. –

Но пока враг сильнее – и вера его

Крепнет в силе. А стоит лишь силу сломить,

Так и вера ослабнет. Под игом-то жить...

– Сколь веков уж под игом татарским живём,

А сломить они веру Руси не смогли

Ни огнём, ни мечом, и ни силой своей! –

Отвечал ему Тихон. – Так что же сильней?

– Это так, – согласился опять Тихомир. –

Только всё-таки надо и силу сломить,

Сбросить с шеи хомут!

– Кто же спорит о том.

Будет время, и сбросим, – Варнава сказал.

– А ведь было, и мы побеждали татар.

– Это ты про Донского? А ну, расскажи,

Что за подвиг такой предок твой совершил.

Князь Донской-то за что ему нож подарил?

– Дай-ка нож посмотреть, – Тихон тут попросил. –

Я рисунок отделки запомнить хочу:

Может, где и сгодится. — Ему Тихомир
Дал свой нож посмотреть. Сам же начал рассказ:
— С детства слышал о деде я сказы отца.
Ну, о том, как отец мой попал на войну,
Вы уж знаете: сам он сегодня сказал.
Он мне с братом твердил: нам ли, русским, теперь
Подчиняться Орде! Мы же били не раз
Этих подлых татар. И когда-то Тугай,
Ихний хан, что Рязанское княжество жёг,
Получал по зубам возле Выйды-реки.
И Булата-Тимура, хотя и прозвал
Сам себя он Булатом, всё ж били его
Наши русские силы на Пьяной реке.
Вот и Дмитрий не стал подчиняться Орде,
А с Мамаем на бой стал войска собирать.
С ним Владимир, двоюродный брат, славный князь;
Также князь ярославский пошёл; и ещё
Князь ростовский и князь белозёрский пошли;
И Тверской, и Смоленский, и Суздальский князь...
Но не все захотели идти на Орду.
Нет единства у нас на Руси, вот беда.
Даже Дмитрия тесть не пошёл за него,
Тот, который потом Тохтамышу служил.
Князь тверской Михаил отказался идти.
Да и много других на Орду не пошли.
Вот тогда-то Донской стал людей собирать,

Не вояк, не служак, а людей из простых;
Всех, кто хочет увидеть свободною Русь.
До Ветлуги дошли от Донского гонцы.
Так собрался мой дед, да и многие с ним.
С ним отец мой обманом попал в эту рать.
Мне отец говорил: много плакала Русь,
Предрекая погибель от этой войны,
Разоренье, какое и прежде не раз
После стычек терпели от подлых татар.
И тогда Дмитрий с войском народным своим
Посетил преподобного Сергия скит,
Что при монастыре. Сергей Радонежский
Поддержал полководца, войну освятил,
Над Мамаем победу ему предсказал.
А чтоб слово и делом ещё подкрепить,
Он двух иноков с войском послал на войну:
Пересвета с Ослябей...

– То знаем и мы.

И что после, как слух уж об этом пошёл,
Войско русское втрое потом разрослось. –
Перебил инок Тихон рассказ кузнеца. –
Нам история ведома. В списках ещё
Я о битве с Мамаем сказанье читал,
До того, как марийцы сожгли монастырь,
Уничтожив часть списков. Во многих церквях
Поклонился князь Дмитрий святым образам,

Чтобы Русь защитили они на войне.

И, прощаясь с княгиней, ей Дмитрий сказал,

Проливающей горькие слёзы о нём:

«Что ты плачешь, жена? Кто же нас победит,
Если Бог – нам помощник?»... Ты лучше скажи,

Что за подвиг твой дед совершил, что ему

Был подарен такой изумительный нож? –

Он вернул кузнецу его нож. Тихомир,

Недовольный, что так перебили рассказ,

Отвечал хоть не зло, но с досадой на то.

– Вот и думаю я: что же вы-то втроём

Без оружия в путь свой опасный пошли?

Можно, видно, и вам в руки брать острый меч,

Раз монахов игумен послал на войну...

– Нет, нельзя. Разве только подвигнет сам Бог.

Ты – защита для нас. – Так ему отвечал

Сухопарый Варнава. – Но есть и у нас

Посильнее оружие, чем меч или нож.

Это Господа слово. Его мы несём.

И сейчас не с войной мы, а с миром идём. –

Тут Варнава с улыбкой на всех посмотрел. –

Ты же, Тихон, послушай, не перебивай.

Пусть мы многое знаем, да только – не всё.

А ещё раз послушать, так – лучше узнать.

– Я про подвиг скорее услышать хотел. –

Инок Тихон ответил. Сказал кузнецу: –

Ты меня извини, Тихомир.

– Ничего.

– Долог путь наш. К чему торопиться теперь. –

Вновь Варнава сказал. – Продолжай, Тихомир.

В разговоре и путь веселее пройдёт. –

Между тем тропка в лес от реки поднялась,

Так как берег опутал кустарник густой.

По тропинке поднялись и путники в лес.

Тихомир же продолжил рассказ свой о том,

Как с татарами дед его бился за Русь.

5. Юности воспоминанья

– Нам отец о войне той не раз говорил,

Мне и брату, так, словно я сам много раз

Был в сражениях тех, на побоище том.

Так отец говорил: подошёл уж сентябрь,

Как на поле князь Дмитрий построил войска.

С воеводами въехал затем он на холм,

Чтобы рать осмотреть. Что направо гляди,

Что налево – кругом, сколько мог видеть глаз –

Да и сколько не видел, и дальше ещё –

Всюду войско стоит и сражения ждёт.

На знамёнах сияют святых образа

В тёплых солнца лучах; и шумят на ветру,

Развиваются стяги, как гладь облаков;

И с хоругвей полков смотрят смело вперёд
Лики русских князей, и святых, и Христа.
Строй за строем, плечом возле друга плеча
Русь сынов своих вывела насмерть стоять.
Их доспехи сливаются все серебром,
Словно в поле река полноводная вдруг
Разлилась тут от края до края земли;
Их кольчуги блестят, словно рябь на волнах.
Золочёные шлемы на солнце горят,
Словно вспыхнуло пламя румяной зари
Над сесою рекой, отражаясь в воде.
Так стояли войска достославной Руси.
Рождества Богородицы праздник святой
Наступил уж. Дни тёплые были тогда.
Ночи тёплые, тихие, утром – туман.
Как пророк говорил: «Для неверных и ночь
Не светла, а для верных, – ясна, словно день».
А с утра был туман: ничего не видать,
Только звуками труб отзывались полки.
До полудня почти не сдавался туман,
Но потом, как рассеялся, видят: стоят
Бусурманов войска. Что направо гляди,
Что налево – кругом, сколько мог видеть глаз –
Да и сколько не видел, и дальше ещё –
Всюду войско стоит и сражения ждёт.
Не одни же татары с Мамаем пришли,

Чтобы Русь погубить: и литовский там был
Князь Ягайло с войсками, армены ещё,
Агаряне, черкесы, буртасы, ещё
Князь рязанский Олег за Мамаю пошёл,
Фрязы, половцы... многих привёл хан Мамай
Против Дмитрия биться и брата его.
Как увидели русские вражьи войска,
Так в сражение рвались, чтобы подвиг добыть,
Бусурманов побить, защитить Русь мечом.
Были стычки сначала отрядов лихих.
Никогда ещё поле не видело то
Вместе столько народа. Казалось, земля
Из-под ног уходила, дрожала, тряслась.
Так как дед мой был ростом не ниже меня,
А по силе и вовсе меня был сильнеей,
Как отец говорил, то за это его
Князь в Коломне зачислил в дружину свою,
А до этого был он в полку костромском.
Много с плеч снимал бусурманских голов
В тех боях дед Макар. Был тогда у татар
Богатырь Челубей. Многих русских побил.
И никто победить его силу не мог.
И двоих, и троих он один побеждал...
Перед тем, как сошлись основные полки
В беспощадном и страшном кровавом бою,
Закричал от татар богатырь Челубей:

«Слушай, дикий урус! Кто один на один
Выйдет против меня? Кто меня победит,
Тот добудет и честь, и победу себе!
И войскам своим честь. А погибшему – стыд!
Выходи и сразись в этом честном бою!»
Был он, что Голиаф, выше всех и сильней.
Шапку лисью на нём покрывал яркий шлем.
Латы крепкие грудь закрывали его.
Конь лихой был под ним, быстр и чёрен как смерть.
Щит держал он в руках и большое копье,
Остриё на котором горело огнём.
Тут замешкались ратники в наших войсках.
И тогда дед мой вызвался биться в бою.
А за ним сразу трое поднялись на бой:
Кацибей, что в разбойниках раньше ходил,
И отчаянным был, князь за удаль его
И за смелость в охрану поставил свою;
А вторым биться вызвался Мелик Семён;
Третьим – Дмитрий Борок из Волынской земли,
Воевода умелый и смелый в боях.
Только вышел вперёд Александр Пересвет
И сказал: «Нет, не вам, не сейчас, и не с ним
Биться в честном бою. Подвиг ваш впереди.
Победить Челубея не сможете вы.
Смерть его можно вырвать лишь смертью своей.
Вам же рано ещё на погибель идти.

Он подобного ищет себе. Это я.
Мне игумен предрёк, отправляя сюда,
Что сразить Голиафа назначено мне
И погибнуть в бою, этим славу добыв
Войску Дмитрия и православной Руси!
Жертва эта легка мне и к ней я готов.
Брат, Ослябя, ты Бога моли за меня!»
Так сказал он, вскочив на коня своего,
Белой масти. А сам только в схиму одет,
Без доспеха. Надел лишь на голову шлем
Да копьё со щитом взял и в бой полетел,
Прокричав: «Помоги мне молитвой своей,
Старец Сергей! Не зря же послал ты меня!»
Как две молнии, сшиблись на поле они,
Только копья сверкнули небесным огнём.
Хором ахнули рати и тех и других,
Словно грома раскат прогремел в небесах.
Поединок был короток, страшен, свиреп.
В миг один были души исторгнуты их.
Александр Пересвет прямо в горло копьё
Челубею вогнал над защитой брони.
Челубей же монаху в живот угодил.
И с коней повалились и тот, и другой.
Челубей отлетел и остался лежать.
Пересвет же поводья коня удержал,
И его, уже мёртвого, к ратям своим

Конь повлёк. Поспешили на помощь бойцы.
И тогда обе рати в сражение сошлись.
Но Мамай не сражался, с кургана глядел,
Как воюет его многолюдная рать.
Страшной сеча была. Так отец говорил:
Он стоял вдалеке, там, где был Тул, кузнец,
Но и там было страшно стоять и смотреть,
Как рубились на поле две рати больших.
Звон мечей, звон щитов, крик свирепый бойцов!
Кони били копытами трупы людей
В тесной давке сражения. Даже и Смерть
Растерялась от пира такого сперва,
И не знала, кто жив ещё, кто уж погиб,
Кого можно забрать, а кого подождать.
Потому что и мёртвые бились ещё,
Пока силы и пыл остывали в груди;
И не знали они, что убиты уже,
Но разили врага, смертью смерть победив.
Так Ефим Боровня, что из наших же мест,
Что пришёл вместе с дедом сражаться за Русь,
В этом страшном бою многим головы с плеч
Посрубал, но и сам был лишён головы.
Но какое-то время рубился ещё
В самой гуще, и трёх взял с собой на тот свет,
Пока сила его не остыла в груди,
И пока не упал он на трупы татар,

Весь изрублен в куски. Так рубились в тот день.
Бились долго. До вечера. Крови земля
Напилась так, что больше и пить не могла.
Только люди и кони в безумстве войны
Мясо, кости погибших вминали в траву.
Ржанье, крики и звон; копий сломанных треск;
Кони падали под седоками в бою
От усталости, а не от стрел и мечей.
И уже подсекали татары не раз
Стяги князя великого, но вновь и вновь
Поднимала их твёрдая чья-то рука.
Много русских князей полегло в том бою.
Ещё больше – простых и безвестных людей,
Русских богатырей, что сражались за Русь.
Вдруг увидел мой дед, что лихая стрела
Князю Дмитрию в ногу вонзилась осой
Над попоной коня, у седла. Но её
Не заметил князь Дмитрий в пылу, но потом
И вторая стрела угодила в него,
Под доспех в правый бок, там, где в жарком бою
Разрубили ему у кольчуги звено.
Повалился князь Дмитрий с лихого коня.
И вскричали победно татары тогда,
И на князя рвались. Но к нему подоспел
Дед Макар и ещё из охраны бойцы,
Обступили вокруг, и, щитами прикрыв,

Выводили из боя. Его дед Макар
Дважды грудью прикрыл, дважды ранен он был,
Но в лесок с поля боя он князя увёл,
И упал перед ним, обессилев от ран.
Вот за этот-то подвиг потом ему князь
Нож свой дивный вручил. Многих он награждал
После этих сражений... кто выжил тогда... —
Так рассказ свой закончить хотел Тихомир.
Но его тут Макарий спросил:

— Что ж потом?

Как же раненый князь-то остался? И как
Одолели татар? Твой отец-то тебе
Что рассказывал дальше? Уж всё говори.
— Что рассказывать? Сами вы знаете то. —
Отвечал Тихомир, но продолжил рассказ. —

Как покинул сражение князь, и его
Под берёзой в лесу положили на мох.
Тут татары все радостным криком своим
Предвещали нам гибель, победу себе.
И тогда князь решил, чтоб бойцов поддержать,
Да татар напугать: с Михаилом Бренком
Поменяться одеждой, конём да мечом.
То боярин московский и славный боец.
Чтобы он вместо князя в сражение шёл
И бойцов поддержал. Как увидели тут,
Что опять жив князь Дмитрий и снова в бою,

Растерялись татары. Тогда уж теснить
Стали наши татар. Но не долго Бренок
Так, под знаменем князя, в доспехах его
Поднимал нашу рать в этой сече на бой.
Стрелы роем летали туда и сюда,
И ему был назначен смертельный укус:
В правый глаз угодила лихая стрела,
Глубоко пробив мозг. Так боярин погиб.
Русский полк, что был с левого фланга, не смог
Мощь врага удержать, и к Непрядве-реке
Отступил, а татары погнались за ним.
И тогда, по сигналу Волынца, отряд,
Что в засаде стоял, на татар налетел.
Так их взяли в тиски. Так победа пришла.
А Мамай убежал с малой силой своей;
Не уставшие кони его унесли.
Хоть погнались за ним, только русским коням,
Что устали в сражении, было уже
Не догнать его. Всё же уж вёрст пятьдесят
Его гнали, и многих побили татар.
А когда после боя собрали войска,
Стал Владимир Андреевич брата искать,
Но великого князя нигде не нашли.
Князь Владимир Андреевич тут приказал
Поле всё обыскать, чтобы труп хоть найти.
Стали князя искать среди убитых бойцов.

Только дело то было нелёгким весьма.
Трупы в поле лежали один на другом,
Возвышаясь стогами. Где бой был сильней,
Там горой поднимались убитых тела.
Кони, люди; татары и русские, все
Вперемежку: пойди-ка, кого отыщи.
Там убитым нашли Михаила Бренка,
Что в одежде великого князя лежал,
А в глазу его так и торчала стрела,
Что прошила и череп. Лишь княжеский шлем
Жалу острому выйти наружу не дал.
И ещё Белозерского князя, нашли:
Князя Фёдора, тот своим станом, лицом
На великого князя был очень похож.
А потом два бойца костромского полка
С поля вправо в лесок отошли по нужде:
Конник Фёдор Сабур и Григорий, что был
По прозванью Холоп. Деда знали они,
Когда тот ещё был в их полку костромском.
Там они у берёзы-то их и нашли.
Князь и дед мой лежали почти уж без сил.
И тогда побежал скорей Фёдор Сабур,
Чтобы князя Владимира оповестить.
А Григорий остался обоим помочь...
Много всяких историй рассказывал нам,
Мне и брату, отец мой про эту войну.

Уж теперь сразу все и припомнить нельзя... —
Так рассказ свой закончил кузнец Тихомир.
Он шагал, не снимая свой дивный доспех,
Только шлем нёс в руке. И доспех кузнеца
При ходьбе издавал металлический звук.
— Да, история русской великой земли
Вечной славной гремит, — тут Варнава сказал. —
Много подвигов славных свершает народ.
Сколько подвигов он и ещё совершит,
Прежде, чем обретёт на земле благодать...
— Обретёт ли? — спросил у него Тихомир.
— Если нет, — не напрасно ли всё на земле?
Если нет, то за что же твой дед воевал?
Нет, не зря столько горьких страданий и войн
Претерпел наш народ... — Тут Макарий сказал:
— Я, друзья, полагаю, что прежде того
Надо веру одну утвердить на земле,
Христианскую веру. Как будет народ
Всюду в вере одной, будет жить он с Христом,
То не будет и войн. А до той уж поры
Надо веру нести всем народам земли...
— За московский престол теперь бьются князья, —
Вставил тут Тихомир. — Хоть и веры одной,
А друг друга нисколько они не щадят.
— Их татары смущают, — Макарий сказал. —
Подкупают, хотят посадить своего...

И князья забывают о вере в Христа,
Если деньги и власть затмевают умы...
– Власть сладка... трудно выдержать, – Тихон сказал.
Так они шли и шли, да беседы вели,
Чтобы путь был не скучен. А солнце уже
Стало путаться в кронах, садясь на ночлег.
Тени стали длиннее, темнее, страшней;
Пенье птиц всё редело в высоких ветвях;
Лес как будто сжимался, чернел и смолкал.

6. Отчаянный налёт

Вдруг из тёмных кустов, от высокой сосны,
Отделилась фигура. Один человек
Вышел тихо навстречу и встал на пути.
В светло-серой рубаше на выпуск, в портах;
За широкий кушак был засунут топор;
Сам почти в три аршина, с лохматой башкой,
С бородой, доходящей почти до пупа.
Был он в сумерках страшен. Глядит, словно зверь,
И монахам, что шли впереди, говорит:
– Мир вам, добрые люди! Несёте чего?
– Здравствуй, мил человек, – за монахов сказал
Тихомир. – Для тебя ничего не несём.
Ты ступал бы себе...
– Ты, я вижу, храбрец. –

Отвечал борода. – Только храбрость – не всё!
Да и я не один, чтоб на вас нападать.
Эй, ребятки! – сказал он, – пора уж и вам
Показать себя путникам добрым, чтоб им
Было ясно, что Ворон не любит шутить. –
Показались тут трое лихих молодцов
Из укрытий своих и к тропе подошли.
Топоры, да ножи, да дубины в руках.
– Нет у нас ничего, – Тихон мирно сказал. –
Лишь немного еды, да немного воды,
Да иконы с Писанием. Что с нас возьмёшь?
Мы – монахи. А он – нам подмога в пути...
– С вас-то, может быть, мы ничего не возьмём,
А за вас-то нам, может, чего и дадут.
Да ещё молодец, вон в доспехе каком.
Чай не дёшево стоит. Сам снимешь, аль как?
– Щас сниму! – отвечал, разозлившись, кузнец.
Он на голову шлем свой блестящий надел,
Потянулся рукой к рукоятке меча.
Но, заметив, разбойник ему отвечал:
– А ведь ты, брат, дурак! Нешто думаешь ты,
Что с тобой будем драться мы в честном бою?
Ведь не воины мы, а разбойный народ.
Правил нету для нас, и законов нам нет.
– Ничего, – отвечает ему Тихомир. –
У меча свой закон: кто сильнее, тот и прав... –

Но едва он сказал, как разбойник дал знак,
И откуда-то сверху со свистом лихим
Тихомира опутала крепкая сеть,
Два здоровых детины на шею ему
Вместе с сетью свалились, пригнули к земле.
К ним на помощь и те, что скрывались в лесу,
Подбежали, чтоб вместе свалить молодца.
Да один прям по шлему дубиной своей,
Что есть сил, угодил. Звякнул шлем кузнеца.
Завязалась тут куча-мала на тропе.
Что нарёк себя Вороном, крикнул своим:
– Эй, доспехи не мни! Не испорти товар. –
Сам же встал на пути, посредине тропы,
Чтоб монахи уже убежать не смогли,
И, топор из-за пояса вынув, сказал:
– Вы же, стойте спокойно. Иначе – беда!
– Перестаньте! – Варнава ответил. – Ведь вы
Христиане, небось! Грех же – грабить людей!
Или кары небес не боитесь уже?!
– Замолчи! А не то мы вас всех перебьём! –
Закричал на него, поднимая топор,
Бородатый разбойник. Кузнец же, меж тем
Изловчился под грудой ударов и тел,
Поднапрягся да встал. И давай черед сеть
Одного за другим в лес кидать молодцов,
Что повисли на нём, словно стая волков,

Лося старого в чаще зимой обложив.
Сеть мешала ему, и тогда Тихомир
Вынул нож свой красивый, подарок отца,
Да ударом одним сеть совсем распорол.
Тут достал он свой меч да как начал вокруг
Им орудовать ловко: ножи, топоры
Полетели из рук молодцов по кустам.
Тут с дубиной один налетел со спины.
– Сзади!!! – крикнуть Макарий успел. И кузнец
Вмиг прикрылся щитом. Громыкнул крепкий щит,
Словно гром прогремел в час вечерний в лесу.
И тогда со всей злости ударил кузнец
И дубину дубовую как стебелёк
На две части рассёк. Нападавший застыл,
Не поверив глазам; и от страха не мог
Шевельнуть ни ногой, ни рукой; так стоял
И погибели ждал, и бежать уж не мог.
А друзья его, видя такую беду,
Ждать не стали конца, скрылись в тёмном лесу.
Оглянулись монахи, – и Ворона нет,
Словно это был сон, приведенье в ночи.
Пребывая ещё в ярой злости, в пылу,
Раздражённый за то, что хотели раздеть,
Что напали так подло, кузнец Тихомир
Замахнулся мечом, и ударить хотел,
Но услышал вдруг:

– Стой, Тихомир! Не убий! –

Так Варнава вскричал, и успел в самый раз:

Возле шеи разбойничьей меч свой едва

Удержал Тихомир, не насытив его

Побеждённой заслуженной кровью врага.

Меч кузнец опустил, в ножны, молча, убрал.

Только тут шевельнулся разбойник, и вдруг,

Неожиданно видя спасенье своё,

На колени упал он и слёзы пустил.

Этот дюжий детина ревел, как дитя:

– Я всю жизнь буду Бога молить за тебя,

Что меня не убил ты теперь, пожалел!

И за вас за троих буду Бога молить...

– Ты крещёный? – сурово спросил Тихомир.

– Вот он, крест, – и разбойник достал показать

Из-за пазухи крест, что на шее висел.

– Поклянись на кресте, что отныне вовек

Не пойдёшь по дорогам ты грабить людей!

А не то я тебя... – пригрозил Тихомир.

И разбойник поклялся, что больше уже

Никогда он не встанет на гибельный путь.

– Ну, смотри же! Поклялся! – сказал Тихомир. –

А теперь поднимайся. Как звать-то тебя?

– Спиридон я, – ответил разбойник ему,

Поднимаясь с колен, утирая слезу.

Инок Тихон тогда Спиридона спросил:

– Как же ты, Спиридон, в лес пошёл, на грабёж?
Разве страха-то Божьего нет на душе?
Христианские души ведь мог загубить.
Смертный грех... Не боишься? Мы ж веры одной. –
Так разбойник ответил:

– Попутал меня

Бес нечистый. Простите! Ведь я не всегда
Был в разбойниках. Я ведь недавно совсем
Ярославскому князю в дружине служил,
Александру Брюхатому... Только теперь
Всё рассказывать, что приключилось со мной
Будет долго, а скоро уж спустится ночь...

– Тут ты прав, – Спиридону сказал Тихомир
И к монахам затем повернулся. – Он прав,
Скоро ночь. Нам пора бы вставать на ночлег.
Можно здесь, у тропинки костёр развести.
Только лучше бы нам хоть полянку найти,
Или дол... Что-то лесу не видно конца.

– Да, вы правы, – ответил Варнава. – Теперь
Нам не плохо бы сделать привал до утра.

– Только лучше давайте поляну найдём, –
Предложил тут Макарий. – Встать на ночлег
В этом месте не очень-то хочется мне...

Далеко ль убежали дружки-то твои?

– Да теперь уж не сунутся, слово даю.

Да и лес уж не долог, – сказал Спиридон. –

Полверсты, может, больше немного, а там,
У реки... там какие-то люди стоят...
Мирный, вроде, народ: бабы, дети у них...
Ни мари, ни татары... назвались они
Нам цыганами. Что за народец, Бог весть.
Лошадей шесть голов, да телеги у них
Балаганные, вот всё богатство... Мы днём
С ними встретились там, как на дело-то шли.
Я могу проводить. Там и ночь проведём.
– Ну, смотри, Спиридон! Если вдруг заведёшь,
Так тебе уж тогда не сносить головы!
Будешь рядом идти. Ни на шаг от меня! –
Так сказал Тихомир. Спиридон же в ответ:
– Раз уж слово я дал, так сдержу, не боись.
– А чего мне бояться? – сказал Тихомир. –
Меч при мне, щит при мне; божьи люди со мной;
Значит, с нами и сила, и правда идёт.
Ты же лучше, пока мы идём, расскажи,
Как из княжеских войск да в разбойный-то люд
Угодил. Под рассказ и идти веселей.

7. Мщение Спиридона

– Что ж, не долог рассказ мой, – сказал Спиридон. –
Как потомки Донского московский престол
Делят между собой, то известно и вам.

Внук Донского, Василий-то Тёмный, стоит
Против братьев двоюродных. Дядя его,
Их отец, Юрий князь, он уж помер теперь.
Ну а наш ярославский-то князь Александр
За Василия Тёмного встал, за Москву.
В прошлом годе сражались мы с Васькой Косым
Под Великим селом: одолели его;
Князь Василий Косой получил по зубам.
Убежал к вологодским. Но после укреп,
Взял опять Кострому и пошёл уж на нас,
К Ярославлю. Наш князь знак подал на Москву.
Сам же с войском в семь тысяч собрался встречать
Князя Тёмного с войском. Мы встали тогда
Возле Которосли, где впадает она
В Волгу-матушку. Лагерем встали и ждём
В помощь войска московского, чтоб уж верней
Нам врагов отразить, рати объединив.
А у князя была молодая жена.
Чёрт ведь дёрнул: её потащить на войну.
Миловались всё. Больно любя была.
Уж хотелось ей очень войну посмотреть.
Упросила его. Он, сердешный, и взял.
А известно: где баба, там плохи дела.
И любиться-то стыдно у всех на виду.
Ну, к ночлегу решил князь подале от всех
Обособиться с милой княгиней своей.

И от войска-то уединились они,
Взяли только в охрану немного людей.
Вот и я, так как раньше в охране я был,
Так и тут не пустили: иди, да и всё.
А просил я у князя меня отпустить.
Я ещё под Великим был ранен в бою:
Кто-то стрелку пустил, и попала она
Мне как раз... под брюшину... грешно и сказать...
Да теперь уж чего... в общем... стал я скопцом.
Я в пылу-то атаки не понял сперва:
Вроде как обожгло, а потом ничего.
А когда заломило, смотрю: всё в крови.
Испугался я больше... Ну, лекарь меня
За неделю поднял. Все смеялись потом.
Стал я вроде насмешки для наших ребят:
Вроде с виду здоровый и крепкий мужик,
А совсем не мужик. Ни вернуться домой,
Ни жениться нельзя, ни сказать: засмеют.
В Ярославле-то Люба была у меня.
Уж любила! Таким бы меня приняла.
Пожалела бы, верной была бы женой.
Да зачем же я жизнь-то испорчу ей всю?
Для неё же решил я оставить её.
Я надумал тогда отпроситься совсем,
И уйти восвояси... не знал и куда.
Я просился, да князь меня не отпустил.

Ты в охране хорош, говорит, да и всё.
Ты отличный боец, опыт есть у тебя.
А кто будет смеяться, мол, тех укротим.
Только кто же в глаза-то мне скажет о том.
Все в глаза-то молчат, но молчание их
Мне хуже насмешки!.. Решил я бежать.
Вот тогда-то я, ночью, бежать и решил,
Как со службы меня князь пускать не велел.
Говорит: «Уж теперь-то тебе всё равно,
Уж детей не растить, знай, воюй, Спиридон!»
Ну а сам, как в насмешку, с княгиней своей
В жарком ложе лежат. Ты же их карауль.
Только Бог-то ему за меня отомстил.
Той же ночью ушкуйники, сорок вятчан
Вдруг напали на нас. Зря он с кралей своей
От полков то подальше отъехал тогда.
Всю охрану легко перебили они.
Только трое остались: я, Фрол, да Захар.
Я и драться не стал, сразу сдаться решил.
Фрол, – как я, а Захар без оружия был:
Он тогда крепко спал, смену только что сдал.
Да и то, нас оставили только за тем,
Чтобы князю, как прежде, служили в плену,
Чтоб самим не служить. Князь есть князь, что уж там...
В общем, взяли нас вятичи ночью-то в плен,
Перед носом всей рати, да в Вятку затем

Повезли. Уж княгиня ревела тогда!..
Посмотрела войны, как хотелось ей!
Насмотрелась, как резали бравых ребят
Из охраны ушкуйнички... После уж князь,
Как узнал, что я сдался, сражаться не стал,
(Фрол ему проболтался), сказал мне тогда:
«На рассвете велю, чтоб казнили тебя».
Нас тогда за Ветлугу уже увели.
Тут я понял: до Вятки-то мне не дойти.
В ту же ночь и бежал. А чего мне ещё...
Поплутал в приветлужских лесах, поплутал,
Да и вышел на Ворона с бандой его.
Я ободран весь был и голодный как чёрт.
Ну, они накормили меня и к себе
Записали в дружки. Так я к ним и попал.
А куда мне теперь? Свой-то дом ни к чему:
Ведь не женишься, деточек не заведёшь...
Одному жизнь прожить, да на счастье других
Всё завидовать? Нет уж!.. Уж лучше в лесу... –

8. Искры костров

Между тем, они вышли из леса на луг,
Что лежал широко и спускался к реке.
Солнце село давно за далёкий лесок.
Вдалеке от дороги, у самой реки

В тёмных сумерках светят три ярких костра.
Отблеск их отражался в спокойных волнах.
– Вон народ тот, цыгане, – сказал Спиридон.
Было видно, как в свете огня у костров
Ходят люди, сидят. Слышен храп лошадей.
Вдруг донёсся до них тихой песни мотив,
Пели женщины, грустною песня была,
Но не русский мотив и не русская речь
Не давали понять смысла песни ночной.
Было всё в ней, о чём мог бы каждый грустить:
О любимой своей, об ушедших годах,
Обо всём, что не сбылось, о том, что ушло,
И о счастье, которого жаждет душа...
– Если бабы поют, значит, мирный народ, –
Заключил Тихомир. – Подойдём, поглядим. –
Лишь приблизились, песня умолкла совсем.
Кони фыркали мирно, щипали траву;
Любопытные дети глядели с телег
На пришедших; три девки платками в цветах
Быстро головы кутали; двое мужчин
Встали возле второго костра, подошли.
Тут от них отделилась фигура одна:
– Кто такие? – спросил кучерявый старик,
Весь в расшитой одежде, а в ухе серьга.
– Люди добрые, нам бы лишь ночь провести
Возле ваших костров. Мы наутро уйдём, –

Так Варнава сказал. И добавил ещё: –
Мы монахи Якшанского монастыря,
Я – Варнава. Вот – Тихон, Макарий монах.
Ну а это – охранник у нас, Тихомир.
А другой – наш попутчик...
– Мы знаем его, –
Нынче видели, – мирно ответил старик,
И спросил Спиридона: – А где же дружки,
Что с тобою здесь были? Вы ж вместе ушли.
– Заблудились в лесу, – отвечал Спиридон.
Не поверил старик, но не стал приставать.
Он косился с опаскою на кузнеца,
На доспехи его, да на меч расписной.
– Что ж, ночуйте, – сказал лишь, и снова к костру
Отошёл, чтобы сесть там, где раньше сидел.
Разместились и пришлые возле костра.
Тут один молодец, тоже в ухе с серьгой,
Что сидел возле деда, с усмешкой сказал:
– Я вчера был на ярмарке вашей, смотрел.
Вон, коня продавал, да никто не купил.
А со мной и купцы на подводах пришли.
Во-он, сидят у костра, что у самой реки.
С ними баба вреднющая! Всё ей не так...
С Соколова кажись. Едут нонча назад.
А хотела в Кажирове сына женить,
Да невеста, кажись, им отставку дала...

– Что же вы за народ? – тут спросил Тихомир. –
Спиридон говорит, мол, цыгане стоят...

Кто такие? Откуда? Не знаем таких.

На марийцев с татарами схожести нет...

– Мы – цыгане, то – правда, – старик подтвердил. –

Мы на север, сюда, издалёка пришли.

Наши предки когда-то, давным уж давно,

Жили в Индии, в тёплой, богатой стране.

Дед рассказывал мне, а ему – его дед.

Предки наши прошли много стран и дорог.

А потом у Армении те племена

Разделиться решили. Тогда и пошли:

Кто на юг, к Палестине, к Египту; а кто

И на запад решил, к Византии идти;

Кто – на север, вдоль Каспия. Дед мой потом

Волгой выше поднялся. До этого он

Долго табором жил возле южных степей.

Там в народе цыганами стали нас звать.

Мы ковали подковы, лечили коней;

Наши женщины славно могли колдовать;

Молодые же – танцем смешили народ.

Так и жили. Да табором дальше всё шли.

«Це ж откуда такие?» – хотели все знать.

Мы в ответ говорили, что с Ганга идём.

«Ба, це с Ганка», – твердили повсюду про нас,

В основном-то, про женщин. Да так и пошло.

Так «цыганками» женщин прозвали. И нас
Тоже стали цыганами звать на Руси.

– Говоришь, вы ковали коней? Значит, ты
Сам-то тоже кузнец? – вновь спросил Тихомир.

– Нет. Мой дед был кузнец. А отец уже нет.

Я ж, коней продавал, пока был молодой,
Да лечить их могу, знаю душу коня.

– Тихомир наш – кузнец! – тут Макарий сказал. –

Он и меч сделал сам, и доспехи, и щит.

– Ба-а! – сказал лишь старик, больше он даже слов
Не нашёл, чтобы выразить чувства свои.

Стали все тут рассматривать ножны и меч,

Дивный щит, яркий шлем. Всё пошло по рукам,

Все хвалили да цокали лишь языком.

Тут взяла в руки меч и старуха одна,

Что сидела и слушала возле огня;

Рукою лишь потрогала, сразу глаза

Устремила она к Тихомиру. На меч

И не глянула, не на красивый узор,

Не на ножны его. Тут же встала она,

Отошла от костра, и сказала: – Цагар! –

Оглянулся старик на неё, тоже встал,

Подошёл к ней. Они на своём языке

Меж собою о чём-то заспорили вдруг.

А вернувшись, старик Тихомиру сказал:

– Отойди. Рáджи хочет с тобой говорить. –

Тихомир подошёл тут к старухе, она,
Взяв ладонь у него, да взглянув на неё,
Отвела кузнеца к лошадям от костра
И сказала ему:
– Ох, и грозен твой меч!
Сколько крови людской увидела на нём...
– Что ты мелешь! Он крови ещё и не знал! –
Ей сказал Тихомир. Но старуха в ответ:
– Он напьётся ей досыта, кровью людской.
Но вот будет ли пить из твоих только рук?... –
Тихомир вновь хотел что-то ей возразить,
Но старуха махнула рукой: – погоди!
Две дороги, кузнец, впереди у тебя.
Вижу я по руке. Обе к славе ведут.
Но одна, та, что большую славу даёт,
Та – погибель готовит тебе на дубах.
Лучше ты возвращайся немедля домой.
Долог будет твой век... –
Ей сказал Тихомир:
– Не пугай, не боюсь. Есть и долг у меня.
А брехать может каждый. Коль знаешь чего,
Так скажи не загадками. Либо отстань. –
Тут хотел Тихомир повернуться, уйти,
И вернуться к костру, но услышал в ответ:
– Скоро, сокол, увидишь невесту свою,
Только будешь не рад...

– Отчего же не рад? –

Он застыл, ожидая ответа её,

Но старуха, вздохнув, отвечала ему:

– Ах, соколик, судьбы-то уж лучше не знать...

Но и мимо неё не пройти. Я ещё

И другое скажу: братец есть у тебя.

И его ты увидишь. Тебе принесёт

Он не добрую весть. Ах, соколик ты мой!

Вижу гибель твою на высоких дубах...

Возвращайся домой. И беды избежишь...

– Что за ересь несёшь ты!? Поди-ка ты прочь!..

Как ворона тут каркаешь!.. Мне ли теперь

Возвращаться домой, испугавшись беды? –

Тихомир отошёл и вернулся к костру.

Был он хмур и ни с кем не хотел говорить.

Между тем у костра шла беседа своя:

– А какой же вы веры? – Макарий спросил.

– Наша вера – дорога и воля! – сказал

Молодой паренёк. Но старик на него

Бросил взгляд, и парнишка язык прикусил.

А Цагар отвечал:

– Православные мы.

Как и вы. Год назад у Ветлуги, внизу,

Ниже Шанзы марийской, вот так как теперь

Мы поставили табор свой возле реки.

И пришёл к нам монах. Попросился, как вы,

С нами ночь провести. Уж откуда он шёл
И куда, нам не ведомо: сам он сказать,
Видно, не захотел; мы ж не стали пытаться.
Но, наверное, Бог его сам к нам привёл.
Он о Боге-то долго тогда говорил.
О Христе и о вере. У нас же тогда
Рады сын умирал: он свалился с коня,
Конь в испуге и стукнул копытом его.
Потому мы и встали тогда у реки,
Что идти не могли, всё лечили его.
– Это так, – подтвердила цыганка одна.
На руках её мальчик лежал лет пяти. –
Он теперь уж здоров, но боится коней.
Наша Рáджи монаху сказала тогда:
«Если бог твой силён, пусть поможет мальчика
С того света достать. Я своим колдовством
Ничего не смогла, хоть и много могу».
И к телеге его подвела, где Бахти
Умирал уж почти. Он уже не стонал.
– Да, всё так, – подтвердила и Рáджи рассказ. –
Он всю ночь тогда возле Бахти простоял,
Положив свои руки на лоб и на грудь,
Всё молитвы читал. Близко нас не пускал...
– А к утру мой Бахти уже мог говорить, –
Досказала тут Рада с Бахти на руках.
И Цагар продолжал:

– Ну, а утром всех нас
Окрестил он в Ветлуге. Вот крестик его... –
Тут старик из-за пазухи ловко достал
Медный крестик нательный, что был на шнурке. –
И с тех пор... тьфу, тьфу, тьфу... нет несчастий у нас.
– Как же звали монаха? – Варнава спросил.
– Так же, как и тебя. Только старше он был,
Уж седой весь, – ответил Цагар. – Он сказал,
Что из Устюга родом. В Якшане служил...
– Устюжанин Варнава! – Макарий сказал. –
Да, мы знаем о нём. Расскажи нам ещё... –
Тихомир, молча, слушал рассказы других.
На душе у него словно плавал туман
От старухиных слов. Первым спать он пошёл.
Никому не сказал о пророчестве том.
Перед сном захотел он к костру подойти,
Где сидели купцы. Думал, может у них
Он забудет про тяжкие думы свои.

9. Встреча с ненавистью

Две подводы стояли у самой воды;
Кони крепкие сонно жевали овёс.
Возле этих подвод был разложен костер.
У костра три мужчины хлебали уху,
Да старуха сидела в зелёном платке.

Тихомир подошёл и негромко сказал:

– Мир вам, добрые люди. Позвольте и мне

Посидеть у костра...

– Места много, садись.

Если хочешь поесть, на вот ложку, держи... –

И один из мужчин протянул кузнецу

Деревянную ложку. Другой же спросил:

– Стражник, что ли какой? Весь в доспехах, с мечом...

– Я – кузнец, Тихомир. Из Кажирова я.

Наш игумен Якшанского монастыря

Повелел мне монахов, вон, сопровождать.

Вон они, у костра... – Тихомир зачерпнул

Ложкой жирной ухи да ко рту потянул. –

Да-а, уха хороша!.. Говорят, вы – купцы...

– Мы купцы, с Соколова, то – вниз по реке. –

А другой мужичёк Тихомира спросил:

– Видно, ты, брат, здоров, что избрали тебя

На защиту монахам? И драться могёшь? –

Указал он на меч. Отвечал Тихомир:

– Я такой, как отец. Да и дед у меня

Ростом был – богатырь. Все владели мечом... –

– В Соколово у нас пахарь Фёдор живет.

Вот уж где богатырь: три аршина с локтём. –

Отвечала старуха. – Таких-то, как ты,

Он троих мог одною рукой завалить...

– Ты чего, мать? – спросил у старухи мужик

Помоложе, что, видно, был сыном её.
– А того! Или ты всё не понял ещё?
Это ж он... из Кажирова... бравый кузнец,
Что Иришке твоей стал теперь женихом!
Может, ты ещё скажешь спасибо ему,
Что вчера получил от ворот поворот... –
Тут мужик по-другому, не добро, взглянул
На нежданного гостя. Сквозь зубы спросил:
– Это ты, что ль, и есть ухаждёр у неё?! –
Только имя невесты слышал кузнец,
Ложку в сторону он отложил; молча, встал.
– У того-то костра не сиделось ему?.. –
Продолжала негромко старуха ворчать.
– Да, уж лучше уйди. Здесь не рады тебе... –
Проронил тот, что ложку давал кузнецу.
Тихомир отошёл от костра. Он присел
Возле ивы куста, снял доспехи свои.
Думал он: почему же Иришка ему
Не сказала, что сватался к ней тот купец?
А потом он прилёг, да на звёзды смотрел
И всё думал. Ответа не мог он найти.
Так потом и уснул, с тяжкой мыслью в душе.

10. Огненное чудо

Утром путники встали, едва рассвело.

Попрощались со всеми тепло, лишь один
Тихомир был не весел, но это тогда
Не заметил никто, кроме Рáджи одной.
Так отправились дальше они в мирный путь.
Шли и шли, да беседы вели меж собой.
Их в дороге нагнали подводы купцов.
Спиридон было крикнул, чтоб их подвезли,
Мол, опасности меньше и путь веселей.
Но в ответ вдруг слышали путники брань
Да недоброе слово ещё к кузнецу.
Удивились монахи, тогда Тихомир
Рассказал им недобрый ночной разговор.
– Что ж, бывает, – ответил Варнава монах.
– Перемелется, – тихо Макарий сказал.
Уже в полдень они к перекрёстку дорог
Подошли: шла дорога одна от реки
Вверх, к деревне какой-то; другая, как шла,
Так и шла. Стали думать они, как им быть.
Тихон тут говорит: – Что ж, я думаю, нам
Надо, братья, вот с этой деревни начать,
Посмотреть: какой веры там люди живут.
– Мне-то с вами идти? – вдруг спросил Спиридон. –
Я бы с вами хотел... а куда мне теперь?
В лес разбойничать больше уж я не пойду...
– С нами тоже нельзя тебе. Мы ведь не полк
Собираем, – Варнава ответил ему. –

Мы обитель покинули, чтобы служить.
Не для лёгких дорог. Вот и ты послужи,
Искупи те грехи, что лежат на душе.
А служенье такое дадим мы тебе:
На, возьми-ка с собою еды и питья,
Да не медли, иди ты в низовье реки.
Там, за Шанзой марийской, что ниже лежит,
За Булаксами, даже за Юром ещё,
Красногорье найдёшь. Ещё ниже оно.
Там монаха Варнаву найди. Ты о нём
Уже слышал, как ночью старик говорил.
Вот к нему и иди. Да про нас расскажи,
Что его навестим мы, как только дойдём.
Но дойдём мы не скоро. Ты так и скажи.
Да покайся ему, о своих всех грехах.
Если примет, так ты и служи у него.
А не примет, так скажет, что делать тебе... —
Так расстались они. И ушёл Спиридон.
А монахи в деревню пошли с кузнецом.
Было в этой деревне семнадцать дворов.
Называлась деревня Починками, в ней
Жил простой православный народ. Это всё
Записал на куске береста, чтоб потом
Вставить в рукопись и ничего не забыть,
Инок Тихон. В деревне решили они
Не задерживаться:

– Для дерзания здесь

Нет нам дел никаких: всё у них хорошо,
Слава Богу, – Варнава сказал. – Надо в путь.

– Может, мы Спиридона догоним ещё?

Всё идти веселей, – инок Тихон сказал.

Так решили они, и уж вышли совсем

Из деревни, как слышат вдруг крики: «Пожар!»

Оглянулись, а с дальнего края изба

Вся объята огнём. Все к пожару бегут.

– Надо людям помочь! – и кузнец Тихомир

Поспешил на пожар, а монахи – за ним.

Возле дома, что пламенем страшным объят,

Суется народ: носят воду и льют,

Разбирают дворы, чтоб пожар не пошёл

На соседей; кричат. А пожар всё сильней.

Перед домом в разодранном платё кричит,

Убивается женщина, рвётся в избу.

– Дочка там у меня! Отпустите, прошу...

Её держат едва трое дюжих мужчин:

– Да куда ж ты! Смотри! Всюду пламя! Сгоришь!.. –

Но она, как безумная, рвётся в огонь

И твердит лишь одно:

– Дочка там у меня... –

Подбежал тут кузнец, и монахи за ним.

Вдруг Макарий, услышав, что в доме дитё,

К дому ринулся. Только к крыльцу подбежал,

Как к нему из проёма дверного во двор
Сполох пламени вырвался, обнял крыльцо.
Люди в улице ахнули.

– Стой! Не ходи! –

Слышит крики Макарий. – Сгоришь ни за что! –
На мгновенье Макарий застыл и, едва
Уклонившись от сполоха, крестным себя
Осенил он знаменiem; снова хотел
В пламя броситься, чтобы ребёнка спасти.
Тут услышал он сбоку:

– Холстину накинь,

И тогда не сгоришь! – Обернулся монах:
Рядом женщина в белой одежде стоит
И холстину ему подаёт. Он скорей
С головою укрылся холстиной и – в дом!
Всё пылало вокруг. Веселился огонь,
Аж гудел от восторга да пир свой творил,
Всё, что было вокруг, в спешке он пожирал.
Наклонился пониже монах да пополз
По углам через жар, через дымный угар,
Да сквозь кашель и слёзы всё звал:

– Есть тут кто? –

Но ответа не слышал. И вдруг под скамьёй
В самом дальнем углу видит: свёрток лежит
В одеяле завёрнут, а с боку его
Поедает уж пламя. Макарий – к нему.

Пламя сбил, посмотрел: в одеяле лежит
Полумёртвый ребёнок, не дышит уже.
Взял Макарий ребёнка скорей, да – назад.
А как девочку вынес, все люди – к нему.
Мать в безумии бросилась к дочке своей,
Бабы ей помогли, откачали дитя.
– Ну, Макарий, ты видно в рубашке рождён! –
Говорили Варнава и Тихон ему. –
Ты же в самый огонь просто так залетел!
Да и вышел, волос даже не опалил...
– Братцы, кабы ни женщина в белом... она
Подала мне холстину, чтоб жар-то меня
Не достал. А не то бы я, точно, сгорел...
Ух, и жар же там был!.. Да и нечем дышать...
– Да какая холстина? Ты так залетел!..
– Что за женщина? Не было там никого.
– Как же не было? Кто же холстину мне дал?
– Ну и где же она?... Где холстина твоя?..
Да и женщин, смотри: в белом нет никого... –
И Макарий лишь тут огляделся: на нём
Та же ряса, какая и раньше была.
А притом, даже волосы целы его.
Он застыл, поражённый, и больше сказать
Ничего уж не мог. Догадались тогда
И друзья его: видели чудо они,
И ему сто свидетелей было вокруг.

Тут к Макарию ринулась девочки мать
Да и в ноги упала:
– Спаситель, отец!
Вечно буду молить!.. –
Ей Макарий в ответ:
– Полно... полно... вставай! Как же дочку-то звать?
– Маша... счастье моё... – отвечала ему,
Плача, мать. – Ох, и мне без неё бы не жить...
– Ну и ладно... и полно... встань, встань! То не я,
То ведь Дева Мария спасла твою дочь
И меня вместе с ней! И тебя, стало быть,
Раз без дочки своей ты и жить не могла...
Ну, вставай. Да её лишь и благодари... –
А пожар ещё долго потом бушевал,
Ещё долго боролись с ним люди, боясь,
Чтобы ветер огонь не унёс на дома,
Что стояли поблизости. Тут мужики,
Бабы, дети, монахи, кузнец Тихомир,
Все тушили пожар, каждый дело нашёл.
Только к вечеру пламя смогли загасить.
И теперь уж в Починках пришлось ночевать
У родни погорельцев монахам троим
С кузнецом. Ещё долго в деревне потом
Говорили о чуде, которое всем
На пожаре явилось. Решили тогда
Всей деревней: поставить на месте избы,

Что сгорела, – площадку и памятный крест,
В честь явления Девы Марии, и в честь
Того чуда, что всем показала она;
Погорельцам же – выстроить новенький дом.
И потом, по прошествии множества лет,
Долго помнили в этих забытых краях,
Это чудо, которое в жарком огне
Странник инок Макарий тогда совершил.
Ну а девочка Маша, спасённая им,
Ещё семьдесят лет в той деревне жила,
Божий дар был ей дан: по молитвам лечить.
И в Починки везли даже из Костромы,
Даже из Ярославля к Марусе везли,
А потом, как узнали, везли из Москвы.
Всем Маруся сначала велела к кресту
Поминальному, к Деве Марие идти
Да молитву творить, да прощенья просить,
Да в молитве Макария упоминать...

11. Решение судьбы

Там, где табор стоял, как-то к вечеру вдруг
Проскакал на коне, со вторым под уздцы,
Одинокий ездок, пролетел, как стрела.
Посмотрела на всадника Рáджи, потом
Головой покачала, сказала себе:

– Вот и вести дурные летят к кузнецу...

Что же, видно, судьбы не дано избежать... –

А Цагар посмотрел на неё и сказал:

– Нам пора уходить. Завтра тронемся в путь... –

Это было уж после пожара. Прошло

Три, четыре ли дня. Уж монахи тогда

Из Починок ушли. Путь их дальше лежал

Вдоль Ветлуги-реки, по течению вниз.

Дни за днями летели. В деревни они

Заходили, смотрели: какой там народ.

Если были марийцы, монахи тогда

Слово Божье несли им; крестили людей.

Также помощь иную могли оказать:

Дать совет, разъяснить, научить ли чему;

Где поправить избу, где и печку сложить;

Тихон ложки из липы точил, да ковши;

Делал также свистульки и дудки, потом

Продавал их, или же менял на еду.

Тем и жили они. Путь был дружен у них.

Но кузнец Тихомир всё без дела скучал.

Он со всем управлялся свободно, легко:

Что ни скажут ему, быстро всё исполнял.

Только ратного дела не мог он найти.

А иное всё дело – не дело ему,

Славных подвигов только хотел Тихомир.

Их однажды в дороге застала гроза,

И под дуб одинокий укрылись они.
Дуб огромный, и пышная крона на нём,
Но листва ещё в силу свою не вошла.
Вспомнил тут Тихомир, как цыганка ему
Говорила, что смерть он найдёт на дубах.
Призадумался: что бы то значить могло?
– Кто там скачет? – спросил вдруг Варнава, и вдаль
Указал, на дорогу. Действительно, там
Мчался всадник лихой под дождём проливным.
– Не жалеет коня. Что за спешка теперь, –
Говорил инок Тихон. – Грязища кругом...
Поскользнётся и шею сломает коню,
И себе заодно... мчится прямо сюда. –
Всадник ближе всё, ближе. И тут Тихомир
Вдруг узнал его:
– Это же брат мой! Иван!
Видно, что-то случилось... – А всадник лихой
Подскакал и кричит, не слезая с коня:
– Тихомир! Меня тятя послал за тобой!
Двух коней он мне дал; одного я загнал. –
Конь весь в мыле, храпит, еле дышит под ним.
– Что случилось?
– Беда! Налетели на нас
Новгородцы-ушкуйники. Многих они
Порубили, пограбили, в плен увели.
Увели и Иришку... Такая беда.

– Как Иришку!? – вскричал возмущённо кузнец.
– Если мы поторопимся, может, ещё
И нагоним их. Может быть, как-то отбить
И сумеем... Да только не мало их там...
– Ох, простите меня, – Тихомир тут сказал,
Обращаясь к монахам, – Но с вами идти
Дальше я не могу! Надо мне поспешать...
– С Богом! С Богом иди! – отвечали ему
Тут монахи. – Мы справимся и без тебя.
А за вас мы помолимся, чтобы смогли
Победить окаянный разбойный народ...
– Что ж, прощайте! – и тут же вскочил Тихомир
На коня, что едва отдышаться успел.
Да теперь уж двоих он обратно понёс.
А монахи решили молитву творить,
Здесь, под дубом большим, и просили они,
Чтобы ангелы Божии братьям двоим
Помогли одолеть люд разбойный и злой...
Тихомир же в пути у Ивашки спросил:
– А давно ли напали они на село?
– Да сегодня с утра, – отвечал ему брат. –
Видел я, что пошли они вниз по реке.
Верно, встретим их, если куда не свернут...
– Ух, найти бы скорей!.. – закричал Тихомир,
Он коня погонял, чтоб живее летел.
Долго ехали братья. Под вечер, глядят:

Чьи-то трупы Ветлуга несёт по волнам.
Братья слезли с коня, да к воде подошли.
Восемь трупов качалось в волнах на реке.
– Что такое? Не наши ли то мужики?
– Может, бой где-то рядом?
– Да нет, ведь на них
И одежда простая... а, впрочем,... смотри... –
Труп один развернуло волной, а в спине
У него две стрелы, словно иглы торчат.
– Нет, тут что-то не так... Надо нам поспешить.
Может, мы и успеем кого-то спасти... –
И опять конь усталый двух братьев понёс.

12. О речных тайнах

По течению выше, в излучине той,
Где в Ветлугу впадала речушка одна,
На волнах возле берега чёрный ушкой
Чуть покачивал крепкую мачту свою.
Предводитель ушкоййников, Сидор Кривой,
Здоровенный детина с седой бородой,
В новгородской кольчуге, с мечом на боку,
В это место пленённых привёл мужиков
Для секретной работы: укрыть сундуки
С золотишком, что раньше наgrabить успел.
Остальные ушки оставил Кривой

Чуть повыше, чтоб место узнали не все.
Взял лишь тех, кому сам он ещё доверял.
Так, велел он сначала одним мужикам
Нарубить прутья ив да плетень возвести
Круговой на реке. Место выбрал он сам.
Ель приметил большую с одной стороны,
Да ракитовый куст на другом берегу,
И по линии ровной меж елью с кустом
Отошёл он от берега на глубину
Лишь по пояс себе. Тут велел возводить
Он плетень круговой в маховую сажень.
Но про то, что он место избрал по кусту
И по ели, про то никому не сказал,
Чтобы меток у клада не ведал никто.
А другим мужикам повелел он песок
Набирать да в мешки насыпать поплотней,
А потом вокруг плетня те мешки навалить.
И когда над водою мешки поднялись,
Повелел он вычерпывать воду ведром
Из плетня, чтобы дно показалось. Затем
Вырыть яму велел он в аршин глубиной.
В эту яму велел погрузить сундуки,
Прежде их засмолив, да сукном обмотав.
А поверх сундуков навалили камней,
Чтоб не всплыли. Потом всё велел закопать.
А затем повелел он ограду сломать,

Да песок из мешков растрясти по волнам.
И укрыла Ветлуга надёжно тот клад.
Как собрали мешки, так велел он стрельцам
Тут же, прямо в реке расстрелять мужиков,
Чтоб они не могли никому рассказать,
Где скрывает Ветлуга тот клад золотой.
Эти трупы убитых Кривым мужиков
И увидели братья в волнах на реке.
Поспешили они и успели как раз,
Пока были на берегу Сидор Кривой
И его молодцы, пока в чёрный ушкуй
Не расселись ещё, не уплыли к своим.

13. Дерзкая битва с ушкуйниками

Лишь поднялись на горку на резвом коне,
Видят братья ушкуй и разбойных людей.
– Вот они! Их ушкуй, – тут Ивашка сказал. –
Только где остальные? Здесь только один...
– А сейчас мы посмотрим, – сказал Тихомир. –
Ты, брат, слезь-ка с коня. Он и так уж устал.
У тебя всё равно ни оружия нет,
Ни доспехов. Я сам здесь управлюсь, один.
– Брат, я тоже хочу...
– Ты поможешь потом,
Как найдём остальных, как добуду тебе

И доспех, и оружие в этом бою. —
Так сказал Тихомир и пришпорил коня.
Словно вихрь на ушкуйников он налетел.
Полетели в него копья, стрелы, а он,
Прикрываясь щитом, то сразит одного,
То другого ушкуйника жизни лишит.
Зазвенели мечи, застучали щиты.
Но недолго сражение длилось, как вдруг
Побежали ушкуйники к лодке своей,
Чтоб водою спастись. Но кузнец на коне
Не давал им уйти. Вот остался один,
Только Сидор Кривой ещё мог меч держать,
Хоть и ранен он был Тихомиром в бою.
Закричал он:
— Ты кто, богатырь?! И зачем
Нападаешь? Ведь я откупиться могу.
Много золота есть у меня, серебра...
— Мне не надо ни золота, ни серебра, —
Отвечал Тихомир. — Ты мне лучше скажи,
Где Иришка, невеста моя, что пленил
Ты в Кажирове? Если обманешь, — убью!
— Что обманывать мне? Я всю правду скажу.
Мы девиц, что пленили, продали уже.
Нам они ни к чему, лишь обуза в пути.
У татар ты невесту свою поищи.
Мы вчера с ними встретились, может ещё

И нагонишь, они далеко не могли
Свой отряд увести. Отправлялись они
К югу, в стан черемисов, на Нюрюг-реку... —
— Где же все остальные ушкуи твои?
— По течению выше.
— Зачем же одни
Вы приплыли сюда? Что за надобность тут?
— Для ночлега мы место искали, и вот... —
А Ивашка меж тем уж доспехи себе
Примерял, что с убитых ушкуйников снял.
— Хорошо! — отвечал Тихомир, — Ты пойдёшь
Вместе с нами. И если меня обманул!..
— Нет, я правду сказал. И с тобой я пойду.
— Так ступай за конём, — приказал Тихомир.
Повернувшись спиной, он хотел уезжать.
А Ивашка как раз выбрал лук для себя.
В этот миг Сидор поднял топорик с земли,
Что лежал возле трупа, и в спину хотел
Тихомиру метнуть, а потом уж убить
И второго. Но это заметить успел
Брат Ивашка. Он крикнул:
— Браток, берегись! —
И успел Тихомир обернуться, прикрыв
Свою спину щитом, как ударил топор
Прямо в центр по щиту. А Ивашка в тот миг
Натянул крепкий лук, да стрелу запустил.

Прямо Сидору в шею вонзилась стрела,
И с другой стороны вышел острый конец.
Так погибель свою нашёл Сидор Кривой,
Что в ушкуйниках был восемь лет, и из них
Он пять лет круговых предводителем был.
Был богат грабежом, много кладов зарыл;
Много золота в кладах его, серебра...
Но теперь уж о них не узнает никто.
Их надёжно укрыла Ветлуга-река.
– Брат, зачем ты спешил? Он нам нужен живой...
– За тебя испугался... – Ивашка сказал. –
Только, знаешь, что, брат, я признаюсь тебе,
Что стрелу-то свою наугад я пустил,
И боялся, что вовсе попасть не смогу.
А её словно ангел направил рукой... –
– Ничего. Только как нам теперь-то узнать:
Обманул он, иль нет? Время дорого нам. –
Брат Ивашка ответил тогда кузнецу:
– Он сказал, что ушкуи чуть выше стоят.
Мы посмотрим, и если там пленников нет,
Значит, он не солгал, значит, правду сказал.

14. Знакомец

Братья так и решили. Поднялись они
На коне вдоль реки по течению вверх.

Видят, лодки стоят на другом берегу.
У костров отдыхает разбойничий люд.
Льётся тихая песня: поют голоса
Про любовь, про разлуку, про удаль в бою...
Только девушек пленных не видно нигде.
– Что ж, видать, не солгал... – проронил Тихомир.
– Не дожидаться теперь предводителя им.
– Надо нам поспешать. Скоро солнце зайдёт.
Где-нибудь заночуем, как станет темно... –
Повернули коня братья прочь от реки,
И отправились дальше, на Нюрюг-реку,
Чтобы след отыскать вероломных татар.
Ночь застала в лесу их. Наутро, чуть свет,
Снова в путь поспешили, где тропкой лесной,
Где и так, без пути, через дебри лесов.
Птицы трели свои выводили в ветвях;
Лось, увидев пришельцев, стремглав полетел:
Затрещали кусты под копытом его,
От ветвистых рогов затрещали сучки
На деревьях лесных. Вот он был и исчез.
Зайцы юркали, тут же скрываясь в кустах;
Белки, видя пришельцев, спешили скорей
Выбрать ветвь, что повыше, оттуда они
С любопытством глядели, уже не боясь.
Братья долго плутали в чащобе лесной,
А потом вышли вдруг на дорогу они.

Видят: там, где суглинок, следы на земле
Человеческих ног, лошадей и колёс.
Подогнали коня, чтоб бежал поскорей.
Вскоре братья добрались до стана, глядят:
Ни татар нет, ни пленниц, марийцы одни
Мирной жизнью живут. Всё спокойно кругом.
Возле речки две бабы полощут бельё.
Ребятишки, увидев в доспехах людей,
За плетнями укрылись, со страхом глядят.
Вышли трое мужчин, из ближайших домов.
Тихомир к ним подъехал и спрыгнул с коня,
Звякнул крепкий доспех. Так спросил Тихомир:
– Подскажите нам, добрые люди: сюда
Приезжали татары, что пленниц веди?
– Ничего мы не знаем, – мариец сказал,
Что стоял впереди. Он был старшим среди них.
В лисьей шапке, и в куртку одет он; под ней
Расписная рубаха, и пояс расшит
По-марийски; из кожи штаны, сапоги.
Длинный посох в руке. Видно, староста тут.
Он добавил ещё: – Мы здесь мирно живём.
Воевать не хотим. Вы ступайте себе... –
Так ответил марийцу кузнец Тихомир:
– Вы скажите нам только, коль были они,
То какую дорогой пошли и куда.
Мы пришли к вам сюда по следам, а следы

Нам сказали, что много здесь конных прошло;
Были там и повозок следы, а ещё
Были пешие с ними. Я думаю, то
Наших женщин следы. Так что лучше скажи,
Вижу я, что ты знаешь, да только молчишь. —
А меж тем подходили ещё мужики
Из соседних домов; бабы тоже пришли
Посмотреть, кто приехал в их угол лесной.
Только старый мариец твердил всё своё:
— Ничего мы не знаем. Мы мирно живём.
Воевать не хотим. Вы идите себе... —
Понял тут Тихомир, что не скажут добром,
Не укажут дорогу, куда им идти.
Закипела в нём злость. Он схватился рукой
За меча рукоять. — Говори, а ни то...
— погоди, богатырь! — вдруг он слышит в толпе.
Тихомир посмотрел, кто там голос подал.
Видит, вышел мариец; на левой щеке
У него сильный шрам, красный, в виде креста.
— погоди, не свирепствуй, — мариец сказал. —
Я уж знаю, каков ты в кулачном бою;
Можешь толпы людские косить, как траву.
Здесь тебе равных нет. Только ты среди нас
И врагов не ищи. Я тебе помогу,
Потому что тогда ты меня отпустил... —
И по шраму марица узнал Тихомир:

– Вижу, старый знакомый! Ты что, здесь живешь?
И чего ты весь бледный? Никак, заболел?
– Всё тебе расскажу. А пока что коня
Вниз по Нюрюгу, ты, по теченью води.
Я же вас догоню, только в путь соберусь.
Не замедлю. – Потом он мариЙцам сказал:
– Это друг мой, я жизнью обязан ему. –
А кузнец Тихомир снова сел на коня,
Да к реке повернул. Так двух братьев опять
Конь усталый понёс по тропе над рекой.

15. Опасная погоня

Не проехали братья ещё и с версту,
Как нагнал их на резвом татарском коне
Бывший воин Бакмат. Конь под ним словно бес:
Чёрным глазом поводит да гривой трясёт;
Отбивает чечётку по твёрдой земле,
Так копытом и бьёт, так и хочет лететь,
Он не может стоять, не желает шагать,
Хочет только нестись, словно ветер в степи.
– Ай да конь у тебя! – Похвалил Тихомир.
– Конь и, правда, хорош. Много лет меня ждал.
Застоялся. Мы были во многих боях.
Но, теперь я не воин. Поклялся себе,
Что я больше не буду ни с кем воевать.

Не могу я забыть, как монах, что меня
Спас от смерти, твердил мне не раз и не два:
«Не убий и люби». Он мне много тогда
Говорил о Христе, о любви, и о том,
Что когда-нибудь сам я Христа восхваляю.
Но не стал он меня к вашей вере склонять,
Потому что, сказал: я ещё не готов.
И послал он меня посмотреть на тот храм,
Что когда-то я сжёг, по приказу князьков.
– Слышал, слышал тебя я у храма тогда. –
Отвечал Тихомир. – Ты мне лучше скажи,
Где татары теперь? Надо нам поспешить...
– Мы успеем. К татарам я вас и веду.
Только должен понять ты: тебе я помочь
В этой битве никак не смогу, хоть и был
Я когда-то отличным бойцом. Но теперь
Дал я клятву себе: больше в руки не брать
Ни меча и ни лука, с тех пор, как меня
Ты тогда пожалел и оставил в живых.
– Ничего, – отвечает ему Тихомир. –
Бог поможет, и сами управимся мы...
– Нет, послушай. Я должен тебе рассказать.
Отыскал я коня своего у друзей,
И невесту себе я в деревне нашёл,
И теперь мирной жизнью пожить я хочу.
Вот, смотри. – И Бакмат повернулся в седле,

Да, рубаху задрал, спину выставил вдруг.
А спина – в красной сетке кровавых рубцов,
Что подсохли едва, сплошь – кровавая сеть.
– Это кто ж так тебя?
– Те, к кому вас веду.
Сыновья Кельдибека Мекеш и Тугай.
Я узнал, что они, как остались одни,
Так решили князьями стать вместо отца.
Чтобы власти добыть, убежали в Орду,
Там служили. Теперь их обратно послал
Хан Кичи-Мухаммед, чтобы правили здесь.
С ними вместе пришёл ханский евнух Катрус,
Чтобы в ханский гарем русских девушек взять.
Когда пленниц в деревню они привели,
Тут Мекеш и Тугай опознали меня
И хотели, чтоб снова служил я у них,
Как служил Кельдибеку ещё, их отцу.
Я тогда им сказал, что служить не могу,
Что теперь не могу никого убивать.
И тогда приказали меня привязать
К старой липе, что возле колодца стоит,
И нагайкой стегать, пока в разум приду.
Так стегали, что сгрыз я у липы кору,
А потом и сознание совсем потерял.
Мне Сайлан говорила, невеста моя,
Что меня, и когда без сознания был,

Очень долго стегали, хотели засечь.
Я, наверно, уже и дышать перестал,
Потому что за мёртвого только сочтя,
Перестали хлестать и оставили так,
Не велели отвязывать. Только Сайлан
Упросила Тугая, чтоб он разрешил,
В память старого князя, которому я
Верой, правдой служил, отвязать, отпустить...
Только в память отца, Кельдибека, за то,
Что служил я ему, разрешил ей Тугай
Отвязать. Если жив, мол, так пусть уж живёт;
Ну а если не жив, так сама схорони.
И потом уж забыли они про меня.
Ханский евнух Катрус всё князьков торопил,
Чтобы пленниц к Ветлуге скорей отвести,
Да на лодках отправить до Волги, а там
Уже дальше, в Орду. И сегодня чуть свет
Ваших пленниц погнали всех вниз по реке.
А Сайлан кое-как отходила меня.
И за это я стал для неё женихом.
Так что я и в седле ещё еле держусь.
– Ничего, – вновь сказал Тихомир. – Ничего,
Нам бы только скорее добраться до них.
А скажи, среди пленниц не видел ли ты
Белокурую девушку с длинной косой? –
Но Бакмат так сказал, покачав головой:

– Белокурые были, и косы у них...
Только мне-то на них не пришлось посмотреть...
Помню старую липу, да горечь коры... –
Так скакали они на ретивых конях,
По-над Ньюрюгом, тихой рекою лесной,
Что впадает в Ветлугу. И тут Тихомир
Так Бакмату сказал:
– Вот что, друг мой, Бакмат.
Раз для битвы ты слаб, и зарок себе дал
Никогда уж оружие в руки не брать,
Так исполни хотя бы мне то, что скажу.
Ради пленниц оставил трёх иноков я;
Мне игумен велел их в пути защищать...
Перед Кокриным с ними расстался, когда
Брат за мной прискакал, с этой вестью лихой.
Отпустили они меня пленниц спасти,
Только сами они словно овцы в степи.
От разбойников ночью в лесу я их спас.
А теперь без охраны оставил, одних.
Если с ними ещё приключится беда,
Как домой я вернусь, что скажу я тогда?
Так что, только заметим мы подлых татар,
Тут уж ты нас оставь, дальше мы уж вдвоём...
Всё равно в битве ты не помощник теперь.
Лучше ты поспеши да монахов найди.
Если нужно помочь – помощь им окажи.

Слово дай, что исполнишь, всё то, что прошу. —

И ответил Бакмат:

— Для тебя, Тихомир,

Всё исполню, как скажешь. Ты жизнь мою спас. —

Долго ехали братья за резвым конём,

Что Бакмата пушинкою нёс на себе.

Вот уж ржанье коней услышали они

Возле устья реки, где в Ветлугу впадал

Тихий Нюрюг. Туда устремили коней.

И увидели вскоре татарский отряд,

И телеги с добром, и идущих в пыли

Пленных девушек, связанных крепко. И тут

Так сказал Тихомир:

— Ну, Бакмат, ты помог

Пленниц нам отыскать, а теперь сделай так,

Как тебя я просил: поспеши и найди

Трёх монахов: Варнаву, он смугл и высок;

С ним Макарий и Тихон. Один коренаст,

Белобрыс и плечист, а другой — мал и рыж.

Да скажи, что как пленниц я освобожу,

Так и к ним возвращусь. Ну, езжай, не тяни...

— Может быть, я хоть чем-нибудь вам помогу?

— Чем поможешь? Смотри, ты же еле сидишь.

Конь-то резв у тебя, да ездок — никуда!

Ты в седле еле держишься. Нет уж! Езжай! —

И Бакмат повернул вороного коня;

Конь понёс его вверх над Ветлугой рекой.
Скоро скрылся мариец за лесом густым.

16. Гнев и натиск

А два брата свернули с тропы и леском
Обошли на походе татарский отряд,
Незаметно подъехали к месту тому,
Где впадал тихий Нюрюг в Ветлугу-реку.
И сказал Тихомир:
– Вон, Ивашка, смотри,
Видишь, заводь в Ветлуге, где ивы, камыш...
Дальше вверх поднимается берег, на холм,
И обрыв над рекой, гнёзда ласточек там?
Вот туда и пойдём, там мы их подождём.
Дальше – слушай меня, сделай всё, как скажу!
Лишь татары подступят, я шум подниму,
Да сражение затею. А ты между тем,
Пленниц освободишь. Я прикрою тебя.
Сам же в битву не лезь! А води пленниц всех
К камышам, к тростнику, трубок им наруби,
Да в воде вместе с ними укройтесь, чтоб вас
Не нашли. Много их: всех мне не перебить,
А отвлечь я смогу и потом ускачу.
Ну а девушкам пеша не смочь убежать
От ретивых татарских коней. Пусть река

Вас надёжно укроет, они не найдут.
Как укроешь, так свистни погромче:
То знак будет мне, что пора самому отступать. —
Так решили два брата. И вскоре уже
Подошёл к устью Нюрюга вражий отряд.
Тут из ножен достал дивный меч Тихомир,
Шлем поправил и щит, да сказал:
— с нами Бог! —

И как молния вылетел он на коне
На татарский отряд; устремился туда,
Где был ханов посланник с охраной своей
Да с князьками марийскими, прямо в толпу.
По пути он налево, направо рубил,
Как капусту, татарские головы с плеч.
Суматоха и крики поднялись кругом,
Заметались татары, почуяв беду.
— Русы! Русы! — слышались крики кругом.
Поначалу подумали было они,
Что попали в засаду, что всюду в лесу
Окружили их русские, чтобы побить.
А меж тем и Ивашка под этот шумок,
Натянул тетиву да охранника снял,
Подобравшись поближе; другого затем,
Да и третьего тоже. А после ножом
Путы пленницам он перерезал и всем
Приказал за собою немедля бежать.

И повёл их Ивашка на заводь, за холм.
А татары тем временем видят, что нет
Больше руссов вокруг, только скачет один,
Да считает любого, кто встанет ему
На пути, чтоб попробовать силу свою.
Ободрился Катрус: уж с одним-то они
Всё же справятся быстро. Вдруг видит, что нет
Больше пленниц на месте. Охрана лежит,
Перебитая. Пленницы стайкой бегут
Чтобы скрыться за холм. Тут Катрус закричал:
– Изловите мне пленниц! Вернуть их назад! –
Устремились татары на резвых конях,
Чтобы выполнить быстро Катруса приказ.
Да не тут-то уж было. Кузнец Тихомир
Никого не пускал подобраться к холму.
То туда, то сюда он летал на коне
И косил, как траву, своим острым мечом
Всех, кто близко отважился вдруг подойти.
И увидел Катрус, что, хотя и один
Воин вышел на них, всё же этот один
Стоит сотни татар. И сказал тут Катрус:
– Эй, Мекеш! Если ты хочешь князем здесь быть,
Так свой меч обнажи и уйми молодца! –
И послушался сын Кельдибека Мекеш.
Обнажил он свой меч и пустился вперёд.
Вот столкнулись они у подножья холма.

Изловчился Мекеш и ударил мечом.
В это время удар от другого меча
Отражал Тихомир, прикрываясь щитом,
А Мекеша удар не успел отразить.
И попал его меч прямо в крепкую грудь,
Прямо в кожу ремня, на котором висел
Щит нагрудный, что был сверх кольчуги надет,
И чтоб грудь защищал. Оборвался ремень
И упал малый щит под копыта коню.
Тут же смелый Мекеш сердцем возликовал,
Думал: вот и конец храбрецу удалцу!
Только всё же кольчугу Мекеш не пробил,
Лишь рассёк он ремень, что смягчил весь удар.
А кузнец Тихомир гневом тут вспылал
И обрушил свой меч на Мекеша в ответ.
Тот прикрылся щитом, но не выдержал щит,
Пополам разрубил его меч кузнеца.
И одна половина осталась в руке
У Мекеша, другая – упала в песок
И воткнулась углом, словно месяц среди туч.
Потрясён был Мекеш от удара и сам
Чуть с коня не слетел, удержался едва.
Видя это, Тугай поспешил, чтоб помочь
Брату в этом бою одолеть кузнеца.
Половиной щита прикрываясь, Мекеш
Вновь ударить хотел. Но кузнец Тихомир

Упредил тот удар, тут уж не проглядел:
С силой он рубанул по мечу у князька
И как ветку сухую сломил его меч.
Рукоять лишь с осколком осталась в руке
У Мекеша, и кисть его правой руки
Онемела совсем под ударом таким.
Тут он понял, что смерть подступила к нему.
Прикрываясь обрезком щита своего,
Он хотел ускакать и пришпорил коня,
Но успел Тихомир напоследок махнуть
Своим острым мечом, и Мекешу отсёк
С шеей голову вместе с рукой. Меч вошёл
Возле правой ключицы и наискось вниз
Пробежал до подмышки. Обрубок князька
Конь пришпоренный резво к татарам понёс.
Видя брата кончину, Тугай закричал:
– Ты ответишь за это! Сражайся со мной! –
Тихомир же татар от холма отгонял
И они не могли с ним никак совладать.
На одном из татар вдруг увидел кузнец
Диадему свою, ту, что в кузне ковал
В виде дивных цветов, и Иришке дарил.
Поверх шапки лохматой её натянул
Узкоглазый татарин на сивом коне.
– Ах ты, вор! – Закричал на него Тихомир,
Да ударом одним шапку ссёк он с него.

Полбашки вместе с шапкой слетело в траву,
Следом вор покатился с коня своего.
А Ивашка меж тем, у Ветлуги реки
Пленниц в воду завёл, и уже по воде,
Чтобы след был не виден, их к ивам привёл
Возле заводи, трубочек им нарубил,
И укрыться велел в камышах, в тростнике
Под водой, чтобы в трубки дышали они;
Чтобы с берега их не увидел никто.
– А на головы тину кладите со дна,
Если вдруг захотите привстать из воды
И на берег взглянуть. И татары тогда
Не поймут: голова или кочка всплыла.
А стемнеет когда, – можно будет уйти... –
И себе тоже трубку он сделал, и сам
Показал им, как надо дышать под водой.
Тут Иришка, волнуясь, спросила его:
– Как же там Тихомир? Там же много татар...
– Он ускачет от них, – ей Ивашка сказал. –
Только вы бы спаслись. Он рискует для вас... –
Но Иришка сказала:
– Теперь и одни
Мы здесь спрячемся; ты уж ему помоги...
– Помогу, если он не ускачет от них, –
Обещал ей Ивашка. – Иди же скорей! –
И загнал всех под воду, в Ветлугу-реку,

В заводь тихую, спрятал в густом камыше.
Сам же в ивы кустах, что росли у воды
Притаился, чтоб сразу укрыться на дне.
Лук свой, меч, и колчан возле ивы укрыв,
А потом в рот два пальца вложил да набрал
Больше воздуха в лёгкие и, что есть сил,
Свистнул так, что и птицы замолкли на миг.
После – слушать он стал: как там битва идёт?
Приготовился: если увидит татар,
Трубку в рот и – на дно, в камыши, в тростники...
Лишь услышал кузнец залихватский тот свист,
Понял: можно теперь и себя побережь.
Но как раз в этот миг налетел на него
Брат Мекеша Тугай. Он с налёта мечом
Рубанул, но успел защититься кузнец.
Щит прекрасный его был уже весь в рубцах
От ударов изогнутых острых мечей,
Он любые удары надёжно держал.
И крутился кузнец на своём скакуне
Вправо, влево, – везде окружали его.
И куда понесёт его грозный скакун,
Там татары летели с коней своих прочь,
Словно спелые яблоки с яблонь в саду.
Только много их было. Прорвались они
Через холм прямо к заводи, смотрят: вокруг
Пленниц нет и следа, только заводь одна

Поросла тростником, да густым камышом.
У Ветлуги нашли они девичий след,
Вёл он в воду и странно терялся в реке.
Будто под воду пленницы скрылись от них.
Гладь воды была чистой вокруг у следов.
Как увидел Ивашка татар на холме,
Так тихонечко скрылся, под воду уйдя.
Проскакали татары всю заводь, глядят:
Нет их пленниц нигде, и следов нет вокруг.
Посмотрели они у кустов: в камышах
Только тина качалась на ряби воды.
На холме над обрывом по-прежнему бой
Бушевал; звон металла был слышен вокруг.
Долго бился кузнец, он собрался уже
Отступить, увести за собою татар.
Рубанул он Тугая мечом по щиту,
Треснул щит пополам. Испугался Тугай,
Что погибнет, как брат. Отступил, бросил щит,
А с земли подобрал себе целый, другой,
От убитого воина. Тут Тихомир
Развернул скакуна, чтобы прочь ускакать.
Конь его уж устал, брызгал пеной, храпел.
Но увидел Тугай: отступает кузнец,
И решил, что уж нет у него больше сил
Биться с ратью такой. Налетел на него
И ударил по брамице, выбрав момент,

Пока тот пробивал себе путь среди толп
Налетавших татар; те теснились вокруг,
Словно пчёлы, медведя у улья застав.
Но кольчужная брамица, что Тихомир
Сам ковал для себя, под ударом меча
Лишь прогнулась, хотя и жесток был удар.
Отбиваясь, ударил опять Тихомир
Своим острым мечом. Щит подставил Тугай.
И опять от удара щит трещину дал,
Хоть и спас ему жизнь, сам в негодность пришёл.
И рука у Тугая, удары приняв
Через оба щита, онемела почти.
Вновь Тугай отступил. Бросил щит, взял другой.
Видит: если теперь не сразить кузнеца,
То прорвёт он ряды и ускачет совсем.
Разозлился Тугай, налетел в третий раз,
Но уже не рискнул биться сам с кузнецом,
Изловчился, ударил мечом по коню.
Хоть убить не сумел, всё же ухо срубил.
Тут от боли заржал грозный конь кузнеца,
Резко встал на дыбы и слетел Тихомир.
Крик победный раздался в татарских рядах,
И хотели они все напасть на него.
Только конь кузнеца никого не пустил,
Стал копытами бить седоков и коней.
Сам уж еле стоял, только глазом одним

Он смотрел, а другой – кровью залит совсем.
Вмиг вскочил Тихомир и в толпе отыскал
Он Тугая, и ринулся прямо к нему,
Да плашмя как ударил тяжёлым мечом
В лоб коню, на котором князёк восседал.
Взвился конь на дыбы и свалился Тугай.
Тут хотел его сразу прикончить кузнец,
Но испуганный конь наступил невзначай
На упавшего, прямо на горло ему.
В миг один под копытом коня своего
Смерть Тугай отыскал: раздавил ему конь
Всю гортань, а на шее сломал позвонки.
Видя то, стушевались татары слегка.
Тихомир же к коню своему подошёл,
Взял его за узду. Успокоился конь,
Только трудно дышал он да еле стоял.
А в седло заскочил лишь кузнец Тихомир,
Конь тоскливо заржал, ноги дрогнули вдруг,
И упал он, не в силах уж больше стоять.
Встал над ним Тихомир и печально сказал:
– Ах ты, верный мой друг! Ты меня извини.
Ты прости, что в бою я измучил тебя.
Много ты перенёс и геройски погиб... –
Храп последний издал его конь и затих.

17. Оковы плена

Крик победный татары издали опять,
И толпой налетели на резвых конях,
Теша радость, что пешего быстро смирят.
Только встал Тихомир, прикрываясь щитом,
Да пошёл как налево, направо махать
Своим острым мечом: только, знай, подходи!
Полетели вокруг сёдоки с лошадей.
Сшиб щитом Тихомир одного сёдока,
Да вскочил на его вороного коня.
Бой скатился с холма за лихим кузнецом.
И увидел Катрус: дело плохо идёт,
Может всех перебить этот славный батыр.
И ветел тут Катрус окружить кузнеца,
Только в бой не вступать, а из луков стрелять
И коня поразить, чтобы спешить бойца.
– Да смотрите, батыру стрелять по ногам,
Чтоб ходить он не мог, но остался живой!
У него я спрошу, где он спрятать успел
Столько пленниц моих... – так Катрус приказал.
В тот же миг среди трупов остался один
Тихомир в поле боя, затих звон мечей,
Только стрелы свистели теперь, и в коня
Словно змеи впивались, смертельно разя.
Конь заржал, закрутился, не мог он понять
В чём же он виноват. Вот споткнулся, упал.

Тихомир подобрал у убитого щит
И щитами двумя он себя с двух сторон
Прикрывал, сколько мог. Но лишь встанет он в рост,
Тут же роем пернатым летят над землёй
Стаи стрел, чтобы ноги его отыскать.
Страшно жаждая крови, вонзались они
В землю, в трупы, в щиты, что скрывали их цель.
Вот над левым коленом вонзилась одна
И затихла, напившись, и боль принесла.
Вновь присел Тихомир, прикрываясь щитом.
А кольцо всё сужалось, всё ближе стрелки.
Но лишь только он встал – снова рой над землёй.
Вот вторая ужалила в икру его.
Но едва он прикрылся с одной стороны,
Как другая вонзилась в колено ему.
Тут упал Тихомир. Он отбросил щиты
И решил отбиваться мечом до конца.
Только близко никто подойти не хотел.
Две татарских стрелы укусили его
В обе руки. Тут выронил меч Тихомир...
В это время Ивашка поднялся слегка
Над водой, чтоб послушать: идёт ли всё бой.
Звон мечей за холмом был не слышан уже.
Поначалу Ивашка решил, что теперь
Ускакал Тихомир, и татары – за ним.
Но потом он слышал татар голоса

И решил посмотреть, что же там, за холмом.
Взял он лук свой и меч, да поднялся на холм;
Среди трупов укрылся, за ивы кустом,
Что над самым обрывом на круче холма;
Смотрит: брат Тихомир, крепко связан лежит
За запястья верёвкой, другие концы
У верёвки привязаны к сёдлам коней.
Ни меча нет, ни шлема на нём, ни ножа,
Даже сняли кольчугу, – в рубахе одной.
Даже алую ленту с его головы,
Что, прощаясь, Иришка ему отдала,
Супостаты сорвали, к хвосту привязав
Одного из коней, что верёвку тянул.
А доспехи его натянул на себя
Предводитель татар на кауrom коне.
Гневом вспыхнуло сердце Ивашки тогда,
В бой немедленно кинуться он захотел
И схватился за меч, чтобы брата спасти.
Но вечерний прохладный подул ветерок
И напомнил Ивашке, что весь он сырой.
Если схватят его, так узнают сейчас,
Что в воде он сидел; там и пленниц найдут.
Всех тогда переловят, и в плен уведут.
Вновь спустился Ивашка с холма, и скорей
Вывел пленниц из заводи, из-под воды.
А они как русалки: бледны, холодны;

Тины ключья свисают с их плеч и волос;
Все трясутся от холода на ветерке
В одеяниях мокрых. Ивашка сказал:
– Вы бегите вдоль берега кромкой воды,
Чтобы на берегу не оставить следов.
По течению вверх уходите, рекой,
Пока холм вас скрывает. Бегите скорей! –
И послушались девушки, стайкой они
Как русалки речные по кромке воды
Пообжали молчком, сарафаны свои
Подобрав, и кругом с них стекала вода.
Но Иришка осталась, спросила она:
– Ты скажи мне, Ивашка, где брат твой родной?
А без этого я никуда не пойду! –
И ответил Ивашка:
– Не бойся, беги!
Тихомир ускакал! Часть татар он увёл...
– Что же ты вместе с нами не хочешь уйти?
– Должен я вас прикрыть. За татарами здесь
Присмотреть. А потом сам, конечно, уйду.
– Нет уж, лучше пойдём! Не хочу я тебя
Оставлять одного. Ты ещё не велик.
Да и если татары увидят тебя,
Как от них убежишь? И коня даже нет...
– Ох, Иришка, беги! Не тужи обо мне.
Так я делаю всё, как сказал Тихомир...

Для тебя он здесь бился, и если тебе
Не спастись, так и нам не вернуться домой! –
И Иришка послушалась. Кромкой воды
Побежала она под прикрытием холма,
Как русалочка, вышедшая из воды.
Косу длинную, чтоб не мешала бежать,
Вокруг шеи три раза она обвила.
Но в душе у Иришки тревога была:
Почему же Ивашка не хочет бежать?..
Только скрылась Иришка из вида вдали,
Вновь Ивашка поднялся на холм, посмотреть,
Как удобнее брата из плена спасти.
И увидел Ивашка: внизу, на лугу
Два татарина плётками хлещут коней,
Тянут в разные стороны крепкий канат,
Что привязан к рукам Тихомира. А тот
Улыбается только, спокойно стоит,
А в ногах и в руках его стрелы торчат.
– Говори, где ты пленниц укрыв! Отвечай!
А не то мы конями тебя разорвём! –
Так Катрус говорил. Но молчал Тихомир.
Сколь татары не били коней, как они
Ни старались на части порвать кузнеца,
Всё он твёрдо стоял. И Ивашка в душе
Гордость чувствовал, глядя на брата в тот миг.
Приказал тут Катрус две берёзы нагнуть,

Что стояли вблизи от высоких дубов.
Подогнали к берёзам по паре коней,
Да верёвки закинули, чтоб обвязать,
И пригнули друг к дружке стволы у берёз.
Привязали к верёвкам затем кузнеца.

– Ну, не скажешь, разбойник, где пленниц укрыв? –
Но молчал Тихомир. У Ивашки душа
Загорелась огнём; уж не мог он терпеть,
И смотреть, как деревьями брата его
Разорвут на куски. Натянул тетиву
И стрелу по татарам пустил наугад.
Не напрасно пустил, отыскала стрела
По достоинству цель и вонзилась она
В ягодицу татарина, что отцеплял
Узел крепкой верёвки от луки седла.
Вмиг татарин вскричал и на землю упал,
Закрутился как уж, закричал на своём.
Всполошились татары: не вновь ли на них
Нападает какой-нибудь русский батыр.
А Ивашка уж новую стрелку пустил,
И опять прямо в цель. После третьей стрелы
Увидали татары стрелка самого.
С диким криком они понеслись на него,
Но пока стрелы все в цели он не послал,
Подойти не смогли. А потом он схватил,
Меч и щит, и успел двух татар зарубить,

К праотцам их отправив. Однако и сам
Он был ранен в плечо и в ключицу, и в грудь.

18. Безвременная смерть

Притащили татары к Катрусу его.
– Господин, он сырой весь. Наверно, сидел
Под водой в камышах. Может, пленницы там? –
И Катрус повелел камыши обыскать
И из луков стрелять, может, кто и всплывёт.
И татары отправились снова искать.
Тут Ивашке с укором сказал Тихомир:
– Ах, зачем же ты вышел? Ведь я не велел!
– Брат, не мог я смотреть, как терзают тебя.
И оставить не мог. Пленниц им не найти... –
Разозлился Катрус и Ивашку велел
Плёткой сеч, пока пленниц не выдаст; потом
К лошадям привязать и на части порвать.
Но Ивашка терпел, ничего не сказал,
Только ворот рубахи от боли изгрыз.
– Всё молчишь? Ну, так брата сейчас разорвём! –
И Катрус приказал два конца обрубить,
Что держали верёвки. И вмиг два ствола
У берёз распрямились, ветвями шумя,
И повис Тихомир между стройных берёз,
Над толпою татар, словно сокол взлетел.

Напрягали берёзы верёвки; из плеч
Руки вырвать хотели они кузнецу.
Но, всю силу собрав, претерпел Тихомир,
Лишь зубами скрипел. Крикнул брату тогда:
– Брат, терпи до конца! Нет другого пути!..
– Вы – рабы! – закричал тут Катрус на него. –
Вечно быть вам рабами великих татар!
Это наша земля! Мы – хозяева здесь!
Сколько сверху ты видишь – всё наше вокруг!
– Врёшь! – вскричал Тихомир. – Не хозяин ты здесь!
Мы вдвоём отобрали всё, что ты собрал
Вместе с войском своим... так и будет всегда! –
Разозлился Катрус и сказал кузнецу:
– Что ж, тогда посмотри со своей высоты
Как погибнет твой брат! – а потом он дал знак,
И стегнули татары буланных коней;
Разлетелись те в стороны ветра быстрее.
Натянулись верёвки, на миг напряглись
И порвали Ивашку. Так он и погиб.
– Ты мальчишку сгубил! – закричал Тихомир. –
Только вместо него встанет сотня других!
Сколько душ православных сюда притекло,
На Ветлужскую землю, к Ветлуге реке!
И поток этих душ всё бурливей, сильнее.
Разве может хоть кто-нибудь этот поток,
Эту реку священную остановить?

Никогда! Никогда! Слышишь ты?! Никогда!!! –
– Что ж, – ответил Катрус. – Вижу, мало тебе
Двух берёз. Есть и крепче деревья в лесу. –
И велел он спустить Тихомира с берёз,
Да два дуба согнуть и к дубам привязать.
Между тем воротились татары назад,
Никого не сыскав, и следов не найдя.
А Иришка в то время вернулась к холму.
Долго шла она берегом тихой реки,
Но одна уходить не хотела. Тогда
Стала ждать, что вот-вот и Ивашка придёт
С Тихомиром. И долго стояла, ждала.
Ни назад не решалась идти, ни вперёд.
А потом повернула обратно она,
Чтобы ей из укрытия лишь посмотреть:
Где Ивашка; ушли ли татары совсем,
И куда подевался её Тихомир.
Так вернулась она, и к холму подошла
В это самое время, когда приказал
Тихомира к дубам привязать злой Катрус.
Слышит: крики татар не умолкли ещё
За холмом. И решила подняться на холм,
Притаиться вверху над обрывом, в кустах,
Посмотреть: где Ивашка, и где Тихомир.
Поднялась, видит: трупы повсюду лежат,
А внизу под холмом, где татары толпой, –

Между согнутых двух преогромных дубов
На верёвках привязан её Тихомир.
Сердце тут у Иришки зашлось и она
Пошатнулась, едва не упала без чувств.
Крикнуть вдруг захотела ему, чтобы он
Мог увидел её перед смертью своей,
Только встала она во весь рост и едва
Рот раскрыла, чтоб крикнуть, как видит: дубы,
Что клонились друг к другу, встряхнули свои
Кроны, страшно, со крипом; взлетел Тихомир,
И его меж собой поделили дубы,
Всё качаясь, и кронами дружно тряся.
Застонала Иришка. Услышали стон
И татары. Да к ней на конях понеслись.
Лишь увидела их, развернулась она
Да к обрыву, к кустам побежала скорей,
Чтобы прыгнуть с обрыва в Ветлугу-реку,
Жизнь ей стала – ничто: только б в плен не попасть.
Но едва подбежала к обрыву она,
Обвалился у края песок под ногой;
Вниз она полетела; конец же косы
Зацепился за толстый сучёк у куста,
Что на самом обрыве над бездною рос.
А коса у Иришки два раза была
Вокруг шеи обвита. Она на косе
И повисла на этом крутом берегу,

Над обрывом реки. От удара коса
Шею ей надломила, и смерть к ней пришла.
Стайки ласточек, вспугнутых телом её,
Заметались, кружась над обрывом у гнёзд.
И татары не стали Иришку снимать:
– Пусть же так и висит, – повелел злой Катрус. –
Если смерть предпочла, а не ханский гарем! –
А ещё приказал он в Ветлугу стрелять,
Чтоб она не скрывала их пленниц в воде.
И вдоль берега выстроив лучников в ряд,
Повелел градом стрел он осыпать реку,
Чтоб её наказать; а кто спрятался в ней, –
Тех стрелой чтоб достать в глубине под водой.
Но никто на поверхность не всплыл из воды,
Только стрелы всплывали, текли по волнам...
А из ближнего леса за этим за всем
Наблюдал, притаившийся в чаще Бакмат.
Он вернулся, да только чуть-чуть опоздал.
Он сначала скакал, как велел Тихомир,
По течению вверх над Ветлугой-рекой.
Но в одном перелеске дорогу ему
Заяц вдруг пересёк. Аверху перед ним
Сокол молнией быстрой пронёсся в тот миг.
И подумал Бакмат: боги знак подают.
И решил, что не может вперёд он скакать,
Не узнав: спас ли пленниц кузнец Тихомир.

И назад повернул. По дороге же он
Встретил девушек, что разбежались, едва
Увидав, как летит он на резвом коне,
За татарина было сначала приняв.
Всё же двух он догнал, объяснил, что к чему,
И спросил, был ли жив их спаситель, когда
Убегали из страшного плена они.
Те сказали ему, что не ведомо им,
Был ли жив, или нет их спаситель тогда,
Но второй, что укрыл их в густом тростнике,
Был живой и велел им бежать вдоль реки.
А когда к устью Нюрюга снова Бакмат
Прискакал, то увидел он страшную вещь:
К двум дубам был привязан кузнец Тихомир.
А доспехи его натянул на себя
Ханский евнух Катрус, предводитель татар.
Да Ивашка разорван конями лежал.
А на холм от реки поднималась, спеша,
Белокурая девушка с длинной косой,
Вокруг шеи обвитой. И в тот самый миг
Тихомира не стало, не стало потом
И той девушки бедной... Затем, как сквозь сон,
Видел он, что татары из луков своих
Градом стрел осыпали Ветлугу-реку,
Чтоб никто в ней не скрылся. Потом уж они
Собирали убитых; костры разожгли,

Чтобы лагерем встать на вечерней заре.
Всё то видел Бакмат, скрывшись в ближнем лесу.
И от боли душевной, что он не сумел
Ни помочь, ни погибнуть за друга в бою,
Слёз Бакмат не сдержал, горько плакал тайком.
Вновь погнал он коня над Ветлугой-рекой
По течению вверх, чтоб исполнить свой долг,
Чтобы слово сдержать то, которое дал
Тихомиру. К тому же теперь только он
Рассказать мог монахам про смерть кузнеца.

Часть третья

Крестом и мечом

«Много раз был в путешествиях, в опасностях на реках,
в опасностях от разбойников, в опасностях от единопле-
менников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе,
в опасностях в пустыне, в опасностях на море,
в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении,
часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте,
на стуже и в наготе».

(Второе послание к Коринфянам 11:26-27)

1. Пленение иноков

Против воли Всевышнего трудно идти.
Разгадать эту волю труднее стократ.
В тот же день, как расстались под дубом в грозу
С кузнецом три монаха, ждала их судьба
У ближайшей марийской деревни, куда
И пошли они, только гроза унялась.
До деревни ещё полверсты не дошли,
Лишь увидели издали домиков ряд,
Как из леса густого внезапно на них
Молодцы налетели, как волки в лесу
Налетают на стадо пугливых косуль.
Ничего и понять не успели они,
Как связали их крепко верёвкой тугой,
Отобрали нехитрые вещи, потом
Привязали друг к другу да в лес увели.
– Вот и встретились! – слышат вдруг голос они.
Посмотрели: здоровый детина стоит
В светло-серой рубахе на выпуск, в портах;
Да засунут топор за широкий кушак.
Сам почти в три аршина, с лохматой башкой,
С бородой, доходящей почти до пупа.
Под уздцы он держал лошадь масти гнедой.
– Ворон! – тихо Варнава монахам сказал.
– Вижу, вы не успели меня позабыть.
Где ж охранник-то ваш? Уж не бросил ли вас?
Где же наш Спиридон? Может, с ним убежал?

– Ничего мы не знаем. И в наших вещах
Вряд ли что-то найдёте, полезное вам, –
Отвечал тут Макарий. – С нас нечего взять...
– Ну-ну-ну! Помолчи! Я уж вам говорил:
С вас-то мы, может быть, ничего не возьмём,
А за вас-то нам, может, чего и дадут.
Так что лучше послушно идите за мной,
А не то раньше времени к Богу пошлю... –
Засмеялся тут Ворон, с ним – все молодцы.
И верёвки конец привязали они
К задней луке седла. Ворон ехал верхом,
И ещё рядом с ним были два верховых,
Остальные шли пеша. Всего их теперь
Было около дюжины в шайке лесной.
До вечерней зари шли по чащам лесным,
Где невидимой тропкой, где вовсе без троп,
По одним лишь приметам, заметным едва.
Вот, в конце концов, вышли к поляне одной,
Где землянка была у лесного ручья.
В трёх шагах от землянки чернела в земле
Преглубокая яма, а сверху она,
Будто крышей, накрыта была шалашом,
Чтобы дождь не залил. В эту яму всех трёх
И столкнули. Свалились монахи в неё;
Помогли встать друг другу на дне земляном;
Огляделись, довольно просторно вокруг,

Можно тут разместить и десяток людей.
Слышат, Ворон им сверху с усмешкой сказал:
– Будьте, братья, как дома! Здесь стол вам и кров.
Кто письмо-то напишет из вас в монастырь,
Чтобы нам передать: чтобы выкуп за вас
Получить? А не то – здесь вам долго сидеть...
– Мы такого письма не напишем тебе! –
Отвечал ему смело Варнава монах. –
Лучше ты о душе позаботься своей:
Сколько взял на неё ты ужасных грехов...
– Сколько взял – все мои. Я отвечу за них.
А вот вас кто спасёт тут, в дремучем лесу?
Ведь не спустится Бог, чтобы вытащить вас,
Сколько вы не молитесь... – Потом он сказал,
Обращаясь к кому-то из шайки своей:
– Васька, ты будешь первым на страже стоять!
Да смотри, чтоб не вылезли! Бей по зубам!
– Будь спокоен, не вылезут, – Васька сказал.
У землянки разбойнички яркий костёр
Развели, чтоб поужинать им перед сном.
Ворон стал тут пожитки монахов терзать,
Разбирать да смотреть, что в них годного есть.
– Посмотри-ка, ребята, вот в этой суме...
Сколько тут бересты! Нам как раз для костра...
– То, записки, наверное, ...дай-ка сюда,
Посмотрю, что написано там! – говорил

Самый младший из шайки, Ушатый Фома
Двадцати пяти лет, из крестьян костромских.
– Ты читать, что ль, могёшь? – удивились ему.
– И читать, и писать... дьяк меня научил
До того, как из дому-то я убежал...
Ну-ка, дай посмотрю... – Взял он грамотки те,
Повертел их в руках. – Точно, тут словеса...
– Ну-ка, что они пишут? Прочти что-нибудь. –
И Ушатый Фома стал при свете костра
Вслух читать те заметки, что Тихон писал.
Прочитал о Кажирове, монастыре,
О начале их странствий, о том, что на них
Нападение было однажды в лесу...
– Ишь ты!.. То ведь про нас, – Ворон тут произнёс. –
Ну-ка, дай-ка сюда! Я хочу посмотреть... –
Тот ему протянул три куска бересты.
Посмотрел на них Ворон, как букочки в ряд
Нацарапаны были на тонких листах.
Ухмыльнулся: – А больше тут нет ничего?
– В этих нет. Вот другие, могу почитать...
– Почитай. Ну а эти... – и Ворон все три
Бросил в жаркий костёр. – Пусть уж лучше сгорят.
И другие, читай, да в костёр их кидай! –
Приказал он Фоме. И тогда прочитал
Им Фома о цыганах, о том, что потом
Спиридона послали к Варнаве служить;

Прочитал о пожаре, о чуде на нём.

И о том, сколько после марийцев к Христу

Привели проповедники словом своим...

Он читал, да в костёр все, одну за другой

Берестовые грамотки перекидал.

– А неужто и правда, что пишут они,

Про пожар-то, про чудо? – спросил тут один.

– Правда то, или нет, нам теперь всё равно! –

Отвечал ему Ворон. – Уж коли они

И в огне не горят, так в земле не сгниют!

Посидят пусть и в яме. А наших грехов

Нам бояться уж нечего: там, где один,

Там и десять. Безгрешно-то кто проживёт?.. –

Так разбойники возле большого костра

Всё беседы вели... В тёмной яме в тот час

И монахи беседу вели меж собой:

– Ничего, ничего... пострадать, претерпеть –

Это нам даже лучше, – Варнава сказал. –

Мы в страданиях веру свою укрепим.

Что Христос претерпел!.. наши беды – ничто.

– Жалко, братья, заметок... – тут Тихон сказал. –

Я, конечно, потом, что восполнить смогу,

То опять запишу, но боюсь, что не всё

Может память моя удержать в голове...

– Будем, братья, молиться, – Макарий сказал. –

Верю я, что молитва дойдёт до небес.

Кто-нибудь да спасёт нас... Варнава, начни... –
И монахи молились, глаза устремив
К небесам, хоть над ними скрывал небеса
Густолистый шалаш, что над ямой стоял.
А потом, помолившись, они улеглись
Прямо так, на земле, чтобы ночь провести.
Время тихо текло. Каждый думал своё.
В яме пахло землёй, пахло сыростью в ней.
Тут Варнава сказал:
– Братья, знаете, что?
Нужен мне ваш совет... я припомнил сейчас...
Есть в Писании место, которое я,
Как ни силился, всё же понять не сумел.
У Луки оно, там, где Христос говорит:
«Если кто и придёт ко Мне, сам же притом
Ненавидеть не будет отца своего,
Мать свою и семью, даже малых детей,
Да ещё ненавидеть и жизни своей,
Тот Моим уж не может быть учеником...»
– Что же тут непонятного? – Тихон спросил.
– Так ведь пятая заповедь учит чему?
Чтоб отца своего почитали и мать!
Почитанье и ненависть как совместить?
А особенно как же, своих-то детей?..
– Может, заповеди, что от Бога даны
На Синае горе, Моисею ещё,

Уж утратили силу, – Макарий спросил. –
По пришествии в мир Иисуса Христа?
Он Нагорную проповедь всем возвестил;
Дал Он людям тогда десять заповедей.
У апостола Павла о том есть слова,
Что Господь наш учением новым своим
Истребил то, что было, и что против нас,
Взял учение старое Он от среды
И к кресту пригвоздил! Так, я думаю, брат.
– Нет, Макарий, не верно. – Варнава сказал. –
Ты Нагорную проповедь вновь перечти.
Там Христос говорит: «Не нарушить пришёл
Я закон, но исполнить»! А также сказал,
Что «доколе и небо с землёй не прейдут,
Из закона ни йота, ни даже черта
Не прейдут, уж пока не исполниться всё»!
– Да, не ясное дело, – Макарий сказал. –
Тихон, как ты рассудишь? Что думаешь ты?
– Я, признаться, над этим и сам размышлял, –
Отвечает им Тихон. – Полгода уж как...
У Пафнутия старца хотел расспросить...
Но стеснительно было, что сам не могу
Разобраться в Писании... так, не спросил...
Да и всё недосуг. А потом мы ушли...
– Тут зазорного нет, – вновь Варнава сказал. –
Мудрость Божию кто же постигнуть сумел?

Даже старцы и те часто споры ведут,
Да трактуют Писание в меру свою...
А однажды я видел... уж год, как тому...
Это было на Пасху. Вот тоже, пример...
Наш Степан Кельдибеков в крючках-то своих
Нёс корзинки с хлебами. И старец Мирон
Рядом шёл. Упокой его душу Господь...
А навстречу им баба; да целый калач
Прям в корзинку Степану она и кладёт.
И Степан, не снимая корзинки с крючков,
Головой своей бабу ту перекрестил.
А Мирон стал ругать его: как же, мол, так?
Два перста, мол, для знаменья крёстного есть!
А Степан показал ему руку с крюком:
Нету, мол, у меня и перста одного...
Я подумал тогда: он её окрестил,
Или нет? Ведь крестил не перстами её...
– Как же мог он перстами? – Макарий сказал. –
Ведь Степан же безрукий. Наверно, ему
И крюками дозволено... и головой...
– Вот и думаю я, – вновь Варнава сказал. –
Что не важно ведь, сколько влагаешь перстов,
Если знаменье это идёт из души...
– Не везде то не важно. На службе, поди,
Есть и смысл, – инок Тихон ответил ему.
– Это правда, брат Тихон, – Варнава сказал. –

А давайте, друзья, о вопросе-то том...
О Писании... если к решению мы
Сами вдруг не придём... так тогда тот вопрос
Спросим старца Варнавы. Ведь мы всё равно
Вниз идём по реке и увидим его.
Он рассудит, надеюсь, и всё объяснит...
– Если только отсюда мы выход найдём, –
Проронил тут Макарий. Потом он сказал, –
Всё же, братья, мне дивно. Какой дикий край,
А ведь крест православный течёт и сюда!
На Ветлужскую землю, к Ветлуге реке!
Сколько душ православных теперь тут живёт!
И река этих душ всё бурливей, сильнее.
И теперь, хоть немного, но в этом уж есть
Также наша заслуга. А будет ещё...
Разве может хоть кто-нибудь этот поток,
Эту реку священную остановить?..
– Только жалко заметок... – вновь Тихон вздохнул.
– Эй, вы там, болтуны! – слышат иноки вдруг. –
Ну-ка, хватит болтать! – строго стражник сказал.
Он вздохнул, и уселся у ямы дремать.

2. Фёдор Шарьинец и Иван Вершина

Экономит природа ресурсы свои,
Не растратит напрасно ни время, ни сил.

Если осень пришла: всё готовится к ней;
Ну а если весна, — жди тепла от весны.
Южный ветер который уж день нёс тепло
На Ветлужскую землю. А вниз по реке,
Где, в Ветлугу впадая, струится Шарья,
Родниками питавшая воды свои,
На речном берегу, у песчаной косы,
Стройный парень сидел восемнадцати лет.
Три аршина с локтём заключал его рост;
Грудь свою он вздувал, как меха кузнеца;
Кудри русые падали мягкой волной
На широкие плечи, на брови его;
Голубые глаза заключали в себе
Небо русских широт, реки русской земли.
Это Фёдор Шарьинец, рыбалить пришёл
На Ветлугу-реку, где любил он бывать.
Если б в Муроме brave был бы богатырь
Не сидел тридцать лет и три года своих
Из-за немощи сиднем на теплой печи,
То уж верно бы был в восемнадцать годов
Как и Фёдор Шарьинец по силе своей,
Сын Ивана Вершины, которого все
Уважали за силу и смелость его.
Как-то раз тот Вершина Иван налетел
На татарский отряд у Шарьи берегов.
Словно ветром их смёл, всех в реке утопил.

Мирно землю пахал он на поле своём,
Как татары пришли; видят: конь у него
Вороной, будто ночь, со звездою во лбу,
А глаза у него, будто чёрный агат,
Грива бархатом чёрным течёт до земли,
Ноги крепче дубов, грудь как крепость сильна.
Захотели для хана коня отобрать.
Но Вершина Иван им сказал: «То не конь,
Это друг мой. А друга могу ли отдать?»
Предлагали и выкуп. Сердился Иван:
«Как вы, нехристи, можете так говорить?!
Кто ж друзей продаёт? Не видать вам коня!»
Тут хотели уж силой коня отобрать.
Вот тогда-то Вершина Иван не стерпел,
Налетел на татар и один всех побил.
Долго случай тот помнили в местных краях.
А однажды приехал боярин Сабур,
Тот, что родом от Чета, с земли Костромской.
Чет в Орде Золотой начал службу свою
Как татарский мурза, но оттуда бежал,
И, приняв православие, был он крещён
Как Захария. И в Костроме основал
Он Ипатьевский, дивной красоты монастырь.
От него род Сабура и род Годунов.
На Ветлужскую землю боярин Сабур
Князем Тёмным был послан, чтоб беглый народ

Собирать по лесам, да порядок смотреть.
А в тот день, как приехал боярин Сабур,
И от князя он грамоту всем огласил,
Перстень княжеский с камнем большим показал,
Что в подарок для местного князя привёз,
Чтобы тот не препятствовал люд собирать.
Этот перстень лежал на подносе резном
И на солнышке яхонтом ярким сиял.
Лишь на миг отвернулся боярин Сабур,
К воеводе дружины своей, как в тот миг
Подлетела ворона, спустившись с сосны,
Перстень княжеский с камнем, схватив, унесла.
Крик поднялся и шум. И сказал тут Сабур:
– Эй, стрельцы! Кто ворону собьёт, дам тому
Рубль серебряный! – Рой острых стрел в тот же миг
Взвился вслед за вороной. Да только никто
Из стрельцов не попал. Скинул шапку Сабур,
Да о землю ударил:
– Пропал перстенёк!.. –
Тут и вышел к Сабуру Вершина Иван,
На плече его сокол сидел молодой:
– А позволь-ка, боярин, и мне испытать
Рубль серебряный твой. Может, чем помогу. –
Согласился Сабур. Тут Иван и пустил
В небо сокола:
– Финист, достань-ка её!

Да сюда принеси, да под ноги нам брось. —
Взвился в небо стрелой ясный сокол тогда,
В миг один он ворону-воровку догнал.
Когти острые стали ей смертью тогда.
Хриплый крик издала она. Перстень звездой
Засверкал среди дня в ясном небе, да вниз
Покатился с небес и куда-то упал.
Сокол бедную птицу к Сабуру принёс,
Кинул под ноги, сам же опять на плечо
Взгромоздился к Ивану и крылья сложил.
Так и ахнули все. А Сабур говорит:
— Ну, Вершинин Иван, заслужил серебро! —
Тут боярин Ивана рублём одарил.
А потом погрузнел:
— Ах, дурак я, дурак!
Перстень как нам найти на широком лугу?
Лучше б выследить было ворону, а там,
Когда сядет в гнездо, там уж перстень достать...
А теперь, кто же перстень-то князев найдёт?.. —
И ответил Сабуру Вершина Иван:
— Чем одаришь того, кто найдёт перстенёк?
И сказал тут Вершине Ивану Сабур:
— Коли сможешь, сыщи! Дам я рубль золотой! —
— Золотой! Золотой! — зашептали в толпе. —
Ты, боярин позволь, может, мы и вперёд
Перстень князев найдём, — говорили вокруг.

– Что ж, идите и вы: больше шансов найти...
– Погодите! – сказал тут Вершина Иван. –
То не дело, боярин! А если они
Не найдут, да затопчут? Тогда уж и мне
Не найти с моим другом. А глаз у него
Поострей, чем у них. Сверху видит он всё.
– Золотой захотел! – закричали кругом. –
Что ж мы, глупые – перстень ногою топтать?
Мы ж под ноги глядим! Всё обшарим, весь луг!
– Погодите орать! – воевода сказал.
И к боярину слово своё обратил, –
Прав Иван! Пусть сначала поищет сапсан.
Что толпу посылать? Как поверишь толпе?
Если кто вдруг найдёт, да себе заберёт?
Что ж, потом нам их всех донага раздевать?
Или спрячет в траве, да отыщет потом.
Перстень чай дорогой стоит больше цены. –
И ответил Сабур:
– Воевода, ты прав.
Хорошо, пусть сначала поищет сапсан. –
Зашипел недовольно повсюду народ:
Всем хотелось найти золотой перстенёк,
Чтоб за это боярин дал рубль золотой.
– Цыц! – сказал на толпу воевода. – А ну,
Запускай свою птицу, – Ивану сказал.
Тот чего-то шепнул, и сапсан полетел.

Покружил там, где раньше ворону поймал,
Да вернулся назад, ничего не принёс.

Засмеялся народ:

– Вот те рубль золотой!

Дура-птица не может железки ловить!..

– Что ж ты, братец? – сказал, огорчившись, Сабур.

– Погодите немного, – ответил Иван.

Он опять пошептал что-то соколу в клюв.

– Глянь, целуются! – крикнул какой-то дурак.

Смех в народе поднялся. Иван же опять

В небо сокола выпустил:

– Финист, ищи! –

В вышине покружил в том же месте сапсан

Да, спустившись немного, ещё покружил

Возле речки Шарьи, возле самой воды,

И вернулся назад, тихий клёкот издав.

Оживился народ:

– Дело ясное тут!..

На ворон пусть охотится птичка твоя!

Ну, теперь уж законна и наша пора... –

И боярин, вздохнув, разрешил всем искать.

Целый час луг обшаривал честный народ,

Каждый кустик, травинку... да без толку всё.

А Иван всё, задумавшись, молча, стоял.

Вот вернулись искатели, грустно глядят.

Воевода с боярином сникли совсем.

– Что ж, обшаривать что ли, народ-то теперь? –
Воевода спросил. А боярин, вздохнув,
Лишь рукою махнул да плечами пожал.
– Ах, ты горе хозяин! – Иван тут вскричал,
По лбу стукнув себя, – Это ж я виноват!
То не птица дурная. То сам я – дурак!
Он же слов-то не знает, не может сказать
Человеческим словом. А если уж я,
Сам хозяин, так значит и должен его
Понимать я без слов. Он же мне показал,
Где тот перстень лежит, аж два раза подряд!
Ах, ты горюшко, горе! Ведь он же его
Видел сверху-то! Только не может достать.
Знать, в реке он лежит. Знать в Шарью он упал.
Ну-ка, братцы, за мной! – Тут Иван в третий раз
В небо сокола выпустил. Сам же – скорей
Побежал к тому месту, где сокол кружил
Да куда он спускался у самой воды.
В это место, раздевшись по пояс, Иван
Осторожно зашёл да под воду нырнул.
А в Шарье-то вода – словно чистый алмаз,
Солнца луч освещает Шарью аж до дна.
А на дне, отражаясь на солнце, блестит
Золотой перстенёк с камнем дивной красы.
Так Иван для боярина перстень достал,
И за то был одарен рублём золотым.

Много кануло лет с той весёлой поры.

3. Встреча старца Ванравы и Фёдора

А над тихой Ветлугой, над дивной рекой
Даже годы текут, замедляя свой ход.
Человек здесь рождается, взрослеет, живёт,
И семьёй обзаводится, нянчит детей,
Их растит, сам стареет, и видит, дивясь:
Вот и старость к нему незаметно пришла.
Но спокойно уходит он в мир праотцов,
Потому что он видит, что семя его
Проросло, возмужало. И в каждом дите
Есть частица его, род его не умрёт...
Вот и Фёдор Вершинин похож на отца,
По прозванью Шарьинец. Любил он бывать
На Шарьи берегах, на Ветлуге-реке.
Вот Шарьинцем его и прозвали за то,
Что бывал чаще всех у Шарьи ключевой.
Как отец, он силён был, и так же был смел,
И в плечах был широк, да и ростом высок.
Богатырь да и только. Таких на Руси
Можно много найти, если время придёт.
Тот же сокол сидел на плече у него.
Он достался ему после смерти отца.
Стал теперь он ему сокол помощник и друг.

С детства знал он его, и сдружились они.
В тот день Фёдор Шарьинец рыбалить пришёл
На Ветлугу-реку, где любил он бывать,
Где волною впадает в Ветлугу Шарья.
Вдруг он видит, две лодки идут по реке
По течению вверх на тугих парусах.
Впереди лодка меньшая, следом за ней –
Лодка большая, парус раздув на ветру.
Вот всё ближе, всё ближе, равняются с ним,
Правят к берегу. В лодках монахи сидят:
Двое – в лодке большой, да и в малой – один.
Вот спустили они паруса, а затем
Возле берега встали. Из лодки большой
Вышел древний старик с бородою седой;
Крест-энколпий висел у него на груди;
Ряса старая видела много чудес;
Столь же старый клобук прикрывал седину;
Длинный посох сосновый держал он в руке.
Старца под руку вёл, помогая ему,
Здоровенный детина, чуть следом идя.
Опираясь на посох, подходит монах
Прямо к Фёдору, так он ему говорит:
– Мир тебе, сын Иванов! И Финист с тобой? –
Удивился тут Фёдор Шарьинец; поклон
Он отвесил земной, и ответил тогда:
– Мир и вам! Вижу, я вам известен уже...

Но откуда известен вам Финист, мой друг?
Кто вы? Как называть вас, почтенный отец? –
И ответил ему седовласый старик:
– Я Варнава, по чину же я иерей.
Ну а это послушник мой, брат Спиридон.
Много кануло лет, как из Устюга я
На Ветлужскую землю неволей пришёл.
А потом полюбилась мне эта земля,
Здесь остался служить, всю Ветлугу прошёл.
Поселился потом я на Красной Горе,
Там с тех пор и живу, там и Богу служу.
Иногда, как теперь, отлучусь по делам,
Да назад возвращаюсь. Там место моё.
А Вершину Ивана, отца твоего,
Я знавал: мы встречались, хотя и давно.
И тебя самого я когда-то крестил.
Вот и сокола видел, узнал я его
По отметине, что на его голове...
– Вижу, знаете много, Варнава отец.
Только я вам зачем, что оставили вновь
Вы обитель свою и приплыли сюда?
Может, помощь нужна? Я готов вам помочь...
– Да, нужна. Но не мне, – отвечает старик. –
Три монаха идут по Ветлужской земле,
Продолжают они то, что я начинал:
Просвещают и крестят марийский народ.

Нашу веру несут. Только сами они
Малоопытны в слове и деле своём.
И в защите нуждаются. Труден их путь.
Спиридона вот с вестью послали ко мне,
Что у них всё в порядке. Но позавчера
Получил я видение, было оно
Преисполнено ужаса: будто их страж
Сам смертельной опасности не избежит;
Что оставит он их, и что сами они
Из-за этого скоро в беду попадут.
Растревожилось сердце моё, и тогда
Вспомнил я о тебе. Восемнадцать уж лет
Пролетело с тех пор, как крестил я тебя.
И подумал я: верно, теперь он и сам,
Как отец его, бравый Вершина Иван, –
Богатырь да и только. И вот – мы уж здесь.
Я смотрю на тебя, ожидания мои
Оправдались вполне: ты и, правда, – в отца!
Так готовься, мой сын, ждут тебя чудеса.
Много подвигов нужно тебе совершить.
Послужи нашей вере и русской земле!
Может, в странствиях этих найдёшь и судьбу...
– Как же я отыщу проповедников тех?
– Ты о том не печалься. Тебя поведёт
Провидение. Всё уж вверху решено.
Твой сапсан будет другом и братом тебе.

Сверху многое может он видеть... а ну,
Посади-ка на посох мне птичку свою. —
И Варнава немного свой посох склонил,
А Шарьинец на посох с плеча своего
Птицу-сокола, Финиста, пересадил.
Тут на голову сокола руку свою
Наложил мудрый старец. И сокол слегка
Встреппенулся, но, тут же, покорно застыл.
А Варнава глаза свои тихо закрыл,
Чуть их к небу подняв, и задумался так.
— Добрый сокол! — сказал. — Пусть он служит тебе,
Как отцу твоему, да и лучше ещё.
Он теперь будет чувствовать волю небес.
Мудрый сокол! Возьми! Вам вдвоём — лёгок путь.
Если сон мой обманчив и если у них
Всё в порядке, то можешь вернуться домой.
А зовут тех монахов: Макарий один,
Тихон инок второй, ну а третьего звать
Так же, как и меня. Отыщи их, мой сын.
— Отче! Мне в Соколово, в деревне своей
После смерти отца жить тоскливо совсем.
Ну а матушка раньше его умерла.
Я — один был у них. Что теперь мне терять?
Финист — милый мой друг, он мне как старший брат;
Он один мне остался. Родней — никого.
С лёгким сердцем оставлю деревню и дом,

И пойду послужить православной Руси.
Только нет у меня ни коня, ни меча...
– Ты о том не заботься. Вон лодка моя,
«Самарянка». Возьми. Ветер нужный теперь.
Он поднимет твой парус и скоро домчит
По течению вверх. Дальше – Бог поведёт.
Сокол в помощь тебе, да отвага твоя.
Ну а меч... Я когда-то в деревне одной,
В Кораблихе, что выше, за Шанзой лежит,
Повстречался со старым мариинцем одним.
Дед Ексей его звали. А дочку его
(Жил он с дочкой вдвоём), – звали Устей её.
Был я болен тогда. Он меня приютил.
Две недели тогда у него я гостил.
К нашей вере склонил их. Он мне рассказал,
Про отважного предка, который служил
Ещё князю Олегу, что Вещим зовут.
И от этого предка хранится в роду
Меч Олегов. Возможно, ты встретишься с ним.
Если благословение будет на то,
Меч тебе он отдаст. А не будет – тогда
Ты уж сам позаботься... Ну, с Богом! Прощай! –
В пояс Фёдору тут поклонился монах,
И крестом троекратно его осенил.
Поклонился и Фёдор до самой земли.
И монахи тогда к малой лодке пошли,

Где товарищ их ждал. А затем по волнам,
По течению вниз, не подняв парус свой,
Покатали они по Ветлуге-реке,
Этой дивной дороге, что катит сама.

4. Нападение на Бакмата

Тихо волны шептались Ветлуги-реки.
А Бакмат между тем всё коня торопил.
Уже сумерки вечер кругом разостлал.
По дороге Бакмат снова пленниц нагнал.
Лишь заметив его, разбежались они,
За татарина вновь поначалу приняв.
Он же им закричал: – Не пугайтесь меня!
Я ваш друг! Я Бакмат! – А когда их собрал,
Рассказал по пути, как погиб Тихомир,
Как погиб его брат и из пленниц одна,
Что вернулась назад. А потом он сказал:
– Тут, совсем недалёко, версты через три,
Деревенька марийская есть. В ней живёт
Мой знакомец, Урса. Вы идите к нему.
От меня передайте привет и поклон.
У него заночуете. Я же – спешу. –
И оставил он девушек возле реки,
Сам вперёд поспешил, чтоб скорей отыскать
Трёх монахов. Всю ночь он в дороге провёл.

Рано утром, измученный в долгом пути,
Конь его еле плёлся тропинкой лесной,
Что лежала от берега недалеко.

А Бакмат в полудрёме сидел на коне;
То совсем забывался и сладко дремал,
То глаза открывал, на дорогу смотрел,
То опять забывался на время во сне.

Справа между деревьев ещё темнота
Лес таила от глаз, мраком тайны укрыв;
Слева между деревьев светлела уже
Голубая река, что спокойно текла,
Рваным пухом тумана прикрывшись едва.

Вот уж птицы, проснувшись, свои голоса
Стали пробовать, скрывшись в высоких ветвях.
Тут сквозь щебет пернатых и шорох листвы
Вдруг слышал Бакмат скрип колёс впереди.

В перелеске, куда он как раз выезжал,
Две подводы он встречных увидел, на них
Три мужчины: один на передней сидел,
И старуха с ним рядом, в зелёном платке;
Два – на задней подводе. Сравнялись они.

Тут с передней подводы мужик соскочил
Да коня у Бакмата схватил под уздцы:
– Пр-р-ру! Стоять! Заходи-ка, ребята, с боков! –
Приказал он другим. Те зашли со сторон.

– Думал, мы не узнаем по рылу тебя? –

Вдруг старуха сказала. – Вяжите его! –
Думал, было, Бакмат взять свой памятный нож
Да пырнуть одного, так, чтоб страху нагнать,
Да копытом коня сбить другого, да – в лес!
И никто уж тогда не догнал бы его.
Только клятву свою, что давал сам себе,
Тут припомнил: оружие в руки не брать,
Если против людей обернётся оно.
И решил только словом помочь сам себе.
– Люди добрые! Я выполняю наказ
Кузнеца Тихомира... мне надо найти
Трёх монахов... – Его уж тянули с коня.
– Тихомира дружок! – кто-то зло прокричал.
– Конь-то, вона какой у него, подлеца!
– Забирайте коня, отпустите меня... –
Но ему уже руки связали ремнём.
А коня привязали к одной из телег.
– Нож, гляди-ка, какой! На-ко, мать, посмотри...
– Нож оставьте! Отцовский... Я дал вам коня... –
Но в ответ был сильнейший удар по зубам.
Тут свалился Бакмат и ногами его
Стали бить мужики.
– Бей сильнее! Не бойсь!
Он живой нам не нужен, паршивец такой! –
Говорила старуха. – Амбары пожёг... –
Как свалился Бакмат, конь его, словно бес,

Вдруг заржал, залягался, зубами скрипит...
– Тьфу ты! Бешеный чёрт! Успокойся! А ну!.. –
И старуха по морде стегнула коня.
Мужики ж на Бакмате плясали трепак;
Били долго, с азартом, пока уж совсем
Не устали и сами. Глядят, а Бакмат
Не шевелится больше. Детина один
Пнул ещё – ничего, как мешок с ячменём.
– Ладно, хватит с него... Сдохнет сам, если жив!
– Лучше ножичком горло ему перережь,
Пусть его дивный нож-то его и убьёт,
Чтобы точно нам знать. Не поднял бы своих,
Если выживет... – баба сказала тогда,
Протянув сыну нож. Только нож он не взял:
– Что ты, мать?! Я – купец! Не убийца какой.
Ну, побить, попинать... а убить – это ж грех!
Лучше сам пусть умрёт. Всё нам меньше греха...
– Эй, Никитка! А ну, на-ка нож, да пырни... –
Приказала старуха работнику тут.
– Что ты, что ты... одумайся... можно ли так?..
– Ну, сказала! Живей!..
– Упаси меня Бог! –
Замолился Никитка, здоровый мужик,
Закрестился, упал на колени, молясь.
– Тьфу! Проклятые! Бабы вы, не мужики!
Ну, так бейте ещё! Чтобы дух вышел вон!

– Он уж дохлый. Гляди, – сын старухе сказал,
Да ещё пнул ногой. Конь Бакмата опять
Стал брыкаться, заржал, да копытом своим
Как ударит в живот мужика, что к нему
Был всех ближе. Мужик отлетел и упал.
Конь поднялся опять на дыбы и сорвал
Привязь с рамы телеги. Победно заржал.
– Ой, держите! Уйдёт! – баба крикнула тут.
Но к коню подойти не нашлось смельчаков.
Он стрелой улетел, скрывшись в ближнем лесу.
Мужика, что зашиб он, подняли с земли.
Тот едва уж дышал, а живот весь распух.
– Надо ехать. А то он в дороге помрёт...
– А того так оставим?
– Верёвку сними,
Чай не лишняя. А самого оттащи,
Вон, к реке, да и брось где-нибудь под кустом. –
Приказала старуха. – Пусть звери сожрут! –
Так и сделали. На берегу у реки
Возле вербы куста положили его
И уехали. Только лишь скрылись они,
Как из леса к Бакмату пришёл его конь.
Он понюхал хозяина, да языком
Полизал ему щёки, и нос, и глаза,
Словно плакал о нём. Не хотел уходить.
А потом очень жалобно тихо заржал.

5. Дом у реки. Рассказ деда Ексея

Облака с высоты на Ветлугу глядят,
Словно в зеркале в ней отражаясь, они
Над полями, над лесом, над всею землёй
Пролетают, им ведома вся красота,
Что видна с высоты. Вот проплыли они
Над деревней, что тихо стоит у реки.
Кораблихой назвали деревню давно,
Потому что когда-то сюда в кораблях
Приплывали, чтоб стройные сосны рубить,
Чтобы новые строить из них корабли.
Стало мало с тех пор сосен в этих краях,
Стало больше дубов да берёз, да рябин...
И давно уж не строили здесь кораблей.
На отшибе деревни, над самой рекой
Ветхий домик стоял. Жили в домике том
Старый дед, мать и дочь. И хотя дочь была
Не родной, мать любила её всей душой.
Дед марийца Ексея построил тот дом.
А отец его, Ур, разукрасил весь дом
Расписною резьбой. Весь в резных кружевах
Дом стоял у реки. И прохожий любой
Хоть на миг да стопы остановит, дивясь
На узор кружевной. И соседям резьбой

Украшал Ур дома. Уважали его
За искусство резьбы. Сам Ексей не имел
Тяги к этому, был он охотник, рыбак,
Да умел на костях вырезать письмена
И узоры марийские; делал крючки,
Серьги, кольца, браслеты, и всё из костей.
Но начальником рода считался Учай.
И далёкого предка, Учая, в роду
И в деревне все помнили. Этот Учай
В достославные годы ходил на войну
С русским князем Олегом, что Вещим зовут,
В Византию далёкую. Там воевал.
Дед Ексей уже стар был настолько, что мог
Только есть да лежать на лежанке своей.
Сходит было «до ветру», чтоб кости размять,
И опять – на лежанку, под старый кафтан.
Дочь его, тётка Устя, теперь уж сама
Заправляла хозяйством. Приемная дочь
Ей во всём помогала. Девчонке тогда
Шёл пятнадцатый год. Звали Машей её.
Так и жили. Однажды зашёл к ним во двор
Стройный парень. Лишь Устя с отцом на крыльцо
Вместе вышли, глядят: удалец хоть куда,
Три аршина с локтём заключал его рост;
Грудь свою он вздувал, как меха кузнеца;
Кудри русые падали мягкой волной

На широкие плечи, на брови его;
Голубые глаза заключали в себе
Небо русских широт, реки русской земли.
В домотканой рубахе, в широких штанах,
Что заправлены были в его сапоги
Крепкой кожи кабаньей в малиновый цвет;
А на поясе красный расшитый кушак.
На широком плече его сокол сидел.
Поклонился хозяевам парень, сказал:
– Мир вам, добрые люди! Не здесь ли живёт
Дед Ексей, что хранит с незапамятных пор
Князя русского меч? Я от старца иду,
От Варнавы. Про меч это он мне сказал.
– Да, Варнаву я помню, – ответил старик. –
До него лет пятнадцать молчал я про меч,
Да и после него лет пятнадцать молчал.
А ему вот сказал, так как верой своей
Изумил он меня, кротким духом своим.
И тебе, если он посылает тебя,
Расскажу я про меч. Сына нет у меня.
Ну а бабам моим этот меч ни к чему.
В нашем роде не вышел такой богатырь...
Не судьба. Значит, должен я меч передать.
Проходи, добрый молодец. Как тебя звать?
– Звать-то? Фёдор Шарынец. Отец мой – Иван
По прозванью Вершина. Вершинин и я.

– Про Ивана Вершину-то слышали мы, –
Отвечала ему тётка Устя. – Про то,
Как в Шарье утопил он татарский отряд...
– Было дело. Но это ещё до меня... –
Фёдор соколу что-то тихонько шепнул,
Сокол крылья расправил, стрелою взлетел,
Сделал круг и унёсся. – То Финист, мой друг.
Разомнётся пускай. Да добычу найдёт. –
Но лишь в горенку Федор Шарынец зашёл,
Лишь увидел он Машу, – дар речи забыл.
Пряла Машенька пряжу; лишь бросила взгляд
На вошедшего; тут же, глаза опустив,
Вновь работой своей занялась; на щеках
Только яркий румянец зажёгся, да грудь
В сарафане вздымалась чуть чаще теперь.
– Это Машенька, внучка, – сказал дед Ексей.
И у девицы вспыхнул румянец опять.
Поклонился ей Фёдор. И Маша – в ответ.
Тётка Устя уж было на стол накрывать,
Только Фёдор сказал:
– Не могу сесть за стол.
Дело срочное есть. А иначе меня
Не призвал бы Варнава. Мне надо найти
Трёх монахов. Видение было ему,
Что в беде они. Надо монахов спасти.
Ты, отец, дай мне меч. А в обратном пути

Обещаю зайти к вам, у вас погостить. —
Не заметил Шарьинец, когда говорил,
Что у Маши румянец опять на щеках
Запылал, а сама погрузнела она.
Только Устя, заметив, сказала отцу:
— Ты уж слаб, чтоб идти. Пусть-ка, Маша пойдёт
Да покажет, где спрятан Олегов-то меч.
Но, достанет ли он?.. — Ей ответил старик:
— То — не наша забота. Коль меч столько лет
Для него пролежал, так достанет. А коль
Не хозяин мечу он, — не сможет достать!
Ты бы лучше пока на дорогу ему
Собрала что поесть... — повернулся затем
Дед к Шарьинцу: — А ты не спеши. А сперва
Вот послушай легенду о том, как тот меч
От Олега-то, князя, в наш род перешёл.
Это было давно... погоди-ка, когда?..
Уж не помню, в каком это было году...
И мой дед ещё мал был... А долго он жил...
Он от прадеда слышал, а я — от него,
А потом — от отца и от матери; все
Знали эту легенду далёких времён,
Как на греков ходил князь Олег воевать.
Много войску он взял. И славян, и древлян,
И варягов, и чудь, мерю и полян...
(Наш Учай был мерю, до того, как осел

На марийской земле)... А Олег вместе с тем
Взял и радимичей, да ещё северян,
Взял и кривичей тоже, и вятичей взял,
И хорватов с дулебами взял он в поход,
И тиверцев, которых в народе ещё
Толмачами все звали. Их тоже он взял.
Я запомнил названия этих пленён,
Так как дед мой мне часто о них говорил.
Много знал он историй об этой войне...
Достославные эти народы Руси
Греки Скифью Великою звали тогда.
С этим войском на греков пошёл князь Олег.
Он две тысячи крепких собрал кораблей,
Ну а воинов было уже и не счесть.
Конных много, а пешим уж нету числа.
В корабли всех коней погрузили они,
И провизию взяли на дальний поход;
Сели воины все. Так и тронулись в путь.
Долго шли корабли по спокойной воде.
Так к Царьграду пришли. Видя скифов вокруг,
Греки заперлись в городе крепком своём.
Стали думать: что делать теперь, как им быть.
А Олег вышел на берег с ратью своей,
Перед городом встал у тяжёлых ворот.
Но Царьград скифам крепких ворот не раскрыл.
Взять же силой Царьград – много сил потерять.

Стал в Царьградских окрестностях князь воевать,
Чтобы греков войною своей устрашить.
Много было тогда разорений, убийств.
Много сжёг он церквей и домов, и палат.
Силой скифов, как пыль от копыт скакуна,
Греков головы падали сотнями с плеч.
Кто сдавался им в плен, тем не лучше судьба:
Всех безжалостно рушил жестокий булат.
Бедных женщин, детей, если брали вдруг в плен,
То насилие, муки их ждали, и смерть.
Никого не щадила Великая Скифь.
Тут пленённых мечами секли на куски,
Похваляясь товарищам силою рук.
Так мясник рубит туши коров и свиней.
Там стреляли из луков упругих по ним,
Ставя вместо мишени. Стараясь ещё
Сердца чтоб не задеть, чтобы дольше карать
Грека пыткой, чтоб адскую муку узнал.
Дети так развлекаются, мучая птиц.
Для других же пленённых – другая судьба,
Да не лучшая. Сильно израненных, их
В море с кручи толкали; изранив же так,
Чтобы выплыть они уж потом не могли.
А кого и конями топтали в пыли,
Так, что с грязью мешались их кости, тела.
Много, много злодейства творили тогда

Грекам русичи. Что же, так, впрочем, всегда
Все враги поступают, друг другу во зло.
Только сколько бы зла не творил им Олег,
Греков он не заставил ворота открыть
У Царьграда. Закрыты стояли они,
Молчаливо взирая на беды вокруг.
Уважение крепость внушала ворот.
И презрение – их молчаливый ответ.
А с высокой и крепкой стены городской
Молча греки смотрели, как гибнут вокруг
Соплеменники. Ужас их всех охватил;
Ещё больше боялись ворота открыть
Диким варварам скифским. Решили они:
Пусть всё гибнет вокруг, но не сможет Олег
Стену преодолеть, город силою взять.
Надоело и скифам окрестность вокруг
Разорять. Князь Олег повелел собирать
Воевод и князей на военный совет.
Стали думать они, как Царьград победить.
Тут Олег говорит: «Кто придумает, как
Греков нам победить и ворота открыть,
Я тому за совет подарю этот меч,
Что в сражениях был мне как брат мой родной!»
Тут из ножен достал он булатный свой меч
И повыше поднял, чтобы всем показать.
Вот тогда-то Учай, предок наш, предложил:

Мол, неплохо бы было, когда б корабли
Подогнать бы к Царьграду... Поднялся тут смех.
Как же ты, мол, по суше-то их подведёшь?
Это, чай, не телеги! Олег же сказал:
«Погодите! Быть может, он знает и как
Корабли по земле до Царьграда тащить?»
«Их не надо тащить. Сами, как по волнам,
По земле корабли поплывут, – отвечал
Князю мудрый Учай. – Надо только под них
Нам покрепче колёса поставить, и всё.
А потом стоит только поднять паруса
И они понесут на Царьград корабли,
Лишь бы ветер попутный способствовал в том».
Восхитился Олег, он велел поскорей
Войску делать колёса; на оси же их
Ставить, как на телеги, затем корабли.
Да в порядке расставили их боевом.
А когда это диво создали, тогда
Стали ветра все ждать. Вот попутный подул
Сильный ветер. Подняли затем паруса.
И понёс корабли ветер, как по воде,
По земле на Царьград, паруса им раздув.
Словно стая огромная белых гусей
Диким клином несётся, врага заклевать.
Видят греки: о, чудо! Не морем, – землёй,
Паруса, будто крылья большие, подняв,

К ним неслись корабли на закрытый Царьград.
«Что за диво такое? Ведь этак они
Стену перелетят, если могут вот так,
По земле, как по морю, плыть на кораблях!»
Испугались совсем; плачь и стоны кругом:
«Лучше сдаться на милость, чем смерть нам принять».
Так и сделали греки. Ворота раскрыв,
Стали милости русского князя просить.
Лишь старейшины греков, увидев обман,
Отомстить захотели, и князю несут
Яства всякие с чашею, полной вина.
А вино-то отравлено. Князь же Олег
Пить из чаши не стал. Он коварный их план
Угадал. Испугались старейшины тут,
Говорят: «То не князь, это Дмитрий святой,
С неба посланный Богом, чтоб нас покарать».
И с тех пор князя Вещим в народе зовут,
Что сумел план коварный у греков раскрыть.
На ворота Царьграда повесил тогда
Князь свой шит в знак того, что он город тот взял.
Ну а дивный свой меч он Учаю отдал.
Много дани тогда Византия на Русь
Отправлять обязалась. И долго она
Дань платила Руси. Превеликую дань.
А потом, много позже, погиб князь Олег
От укуса змеи, как и было ему

То предсказано ранее. Вот весь мой сказ. —
Долго дед говорил. Долго слушал его
Богатырь соколовский. Дослушав рассказ,
Взял от Усти котомку с нехитрой едой,
Поклонился хозяину он до земли,
Да и вышел за Машей из дома во двор,
Чтобы к месту идти, где схоронен был меч.
— Ты оттуда води его прямо к реке, —
Маше Устя сказала, — Что б времени он
Не терял. Прямо к Соснам Ходячим води.
Я же, лодку туда приведу и дождусь,
Что б обратно домой нам вернуться вдвоём. —
Так за девушкой к лесу пошёл богатырь.
Свистнул Фёдор тихонько, и сокол с небес
Опустился кругами ему на плечо
Да и быстрые сильные крылья сложил.

6. Меч князя Олега

Уж не ведомо, времени сколько прошло:
Долго шли они лесом. То здесь, а то там
Дуб поваленный видели в чаще лесной;
Было срублено, спилено много дубов;
И у всех корень выкорчеван. Наконец,
Вышли к светлой поляне, где в центре стоял
Преогромнейший дуб, высотой до небес.

Маша Фёдора к дубу тогда подвела

И сказала:

– Пришли. Здесь, под дубом лежит
Меч Олегов. Достанешь его – будет твой. –

И опять покраснела, когда на неё
Посмотрел богатырь. Фёдор тут говорит:
– Это кто же сумел меч под дуб положить? –

Маша так говорила Шарьинцу в ответ:

– Прадед прадеда деда запрятал здесь меч,
Потому что охотников много забрать...

Смазал жиром барсучьим, потом замотал
Чёрным шёлком, в колоду укрыл, да зарыл
В этом месте. А сверху он дуб посадил.

И с тех пор сотни лет этот дуб тут растёт.

А в предании сказано: Лишь богатырь,
Что придёт вместе с соколом, сможет взять меч.

Три их предка погибли, ту тайну храня.

А четвёртый под пыткой сказал, что лежит
Меч под дубом, а вот под каким, не сказал.

И с тех пор порубили здесь много дубов,
В наших диких лесах. Но сюда не дошли.

– Что ж, выходит, твой дед и не видел меча?

– Нет. Ни дед и ни прадед... Лишь знают, где дуб;
Да легенду друг другу, уж сколько веков,

Пересказывают. А теперь и сынов

Не осталось уже в их почтенном роду.

Ну а я... не марийка, а русская я.
Я – приёмная дочь. Было мне года три,
Или пять, как татары деревню сожгли,
Всех убили мужчин, ну а женщин, детей
Взяли в плен. Мать моя попыталась бежать,
Но догнали татары. Меня же она
Схоронила в Ветлуге, в густых камышах.
Я с тех пор уж не видела больше её.
Так осталась одна. А потом уж, в лесу
Меня Устя нашла и к себе привела.
Так у них и живу я. Она мне как мать... –
И ответил ей Фёдор на этот рассказ:
– Свет мой, Маша! Едва я увидел тебя,
На мгновение я обо всём позабыл;
Еле сердце в груди я своей отыскал,
Так забилося оно. Так стучит и теперь,
Лишь в глаза голубые твои посмотрю...
Только долг не даёт мне остаться с тобой.
Но тебе обещаю: к тебе я вернусь...
– Помолчи! Помолчи! Обещаний ты мне
Не давай, не тревожь. Буду жать я и так.
Лучше меч постарайся скорее достать,
Да спешి в свой поход. Да скорее вернись.
– Эх! – Тут Фёдор Шарынец обнял крепкий дуб,
Столь широкий, что ствол он не смог обхватить.
Сокол Финист взлетел, да над кроной кружил.

– Э-эх!! – напрягся Шарьинец всей силой своей.

Сокол Финист всё шире и шире круги

Над зелёною кроною дуба повёл.

Ветер всюду поднялся, завыл, засвистел.

А на небе над дубом из туч небольших

Вдруг огромная чёрная туча свилась,

А из тучи, змеёю спускается смерч

Прямо к дубу, и крону его он объял.

Маша, видя такое, стоит, не жива,

Не мертва, оробела, не в силах шагнуть.

– Э-э-эх!!! – тут Фёдор вскричал, зарычал, словно зверь.

Вздрогнул дуб, покачнулся, ветвями встряхнул,

От земли оторвался и рухнул, треща,

Будто скошенный в страшном бою богатырь.

Тотчас смерч отступил и по лесу ушёл,

По пути всё ломая, со свистом лихим.

А колоду, в которой схоронен был меч,

Вырвал дуб из земли, обвивая её,

Спрутом крепких корней. Фёдор корни сломал

И колоду разбил, и достал из неё

Свёрток чёрного шёлка. Его развернув,

Он достал ножны дивные редкой красы.

Сокол изображён был на ножнах резных.

Рукоять у меча тоже дивной красы

В виде сокола вся, что когтями держал

Крестовину меча, смирно крылья сложив.

Драгоценные камни сияли на ней.
– Дивный меч! – восхитился Шарьинец. – Его
Впору князю любому во славу держать! –
Он обтёр меч от смазки, на пояс одел. –
Эх, теперь бы коня!.. а пешком-то с мечом...
– Ничего. По дороге найдёшь и коня.
Только б ты не забыл путь обратный, ко мне.
– Уж теперь я его не смогу позабыть.
Что ж, води меня к Соснам Ходячим скорей,
Что б скорее я мог возвратиться к тебе. –
Так за девушкой снова пошёл богатырь.
Уж не ведомо то, полчасика или час
Шли они разнолиственным лесом густым,
Вдруг вдаль увидали и светлый сосняк,
И Ходячие Сосны у самой реки,
Холм едва миновали они насыпной.

7. Яма

Окрик грубый услышав, прервали свой сон
Три монаха. Смешали они день и ночь.
Ночью жутко и холодно в яме сырой.
Голод, жажда, усталость измучили их.
В тёмной яме три инок третий уж день
Как сидят. Им еды не дают уж два дня.
Только воду теперь получают они.

Но без дела монахи не могут сидеть.
В яме Тихон из глины фигурки лепил,
На стене барельефы выделявал он
По мотивам Писаний. Другие же два
Письмена выводили в стене земляной
О себе и о Боге, о том, как они
В путь далёкий пустились, и как их сюда
Посадили разбойники, как здесь живут...
И хотя покидали их силы уже,
Дух у них был не сломлен. Усталость едва
Сладкий сон подарила им, сон этот был
Грубым окриком прерван. Проснулись они.
– Ну, ещё не решили письмо написать? –
Слышат сверху. Над ямою Ворон стоял. –
На воде и на хлебе здесь будете жить...
– Так хоть хлеба нам дай, – попросили они.
– День, другой и без хлеба не сдохнете тут.
Может, в разум придёте. Пишите письмо!
Да просите, чтоб выкуп мне дали за вас.
А не будете: здесь и окончите дни.
Здесь мы вас и зароем. Считайте, что вы
Уж в могиле своей. Нам и дел: лишь зарыть.
Дали вам бересты, дали нож, чтоб писать,
Есть вода, а еды не просите пока.
Может, голод немного очистит мозги.
Так что думайте. Время играет на нас.

Трое вас, пусть один, и другой тут помрёт,
Третий всё же напишет. Куда нам спешить.
– Есть же крест на тебе. Ты же веришь в Христа, –
Говорил ему Тихон. – Ведь время придёт
И тебе умирать. Как же душу свою
Ты губить не боишься? Ей вечно страдать...
– Ты меня не пугай! Я уж пуган сто раз.
Здесь, в ветлужских лесах, дьявол Бога сильнее!
Где ему там, с небес, через лес-то густой
Рассмотреть, что творится на грешной земле?
Дело тёмное – лес! Много в чащах своих
Он скрывает от мира и зла, и грехов.
На свету все мы – люди, и все без греха.
А как в тёмный-то лес забредёшь, да кругом
Видишь только убийство, да страх перед ним,
Так душа-то и чувствует: страх-то сильнее
И добра, и любви, и всего, что ни есть.
Всяких видел я здесь. Сила силушку гнёт...
– Ты вот главный у них, а душой-то ты – раб,
Потому что тобой страх владеет, не ум, –
Отвечает из ямы Варнава ему. –
Можешь ты нас и голодом тут заморить,
А письма в монастырь не напишем тебе.
– Ничего, подождём. Голод вас вразумит. –
И сказав это, Ворон от ямы ушёл.
Приуныли монахи. Что делать теперь?

На воде они долго не смогут прожить.
В яме сумрачно, холодно, сыро сидеть.
Солнца днём закрывает над ямой шалаш.
– Братцы, есть-то охота, живот весь свело.
Я бы съел хоть сапог, – грустно Тихон сказал.
– Да, сейчас бы попасть нам опять в монастырь,
Очутиться бы в трапезной! Вот уж где рай
Для голодных желудков, – Макарий сказал.
– Брат Макарий, не надо! Ты этим ещё
Аппетит лишь сильнее растрaviшь себе.
Да и нам заодно, – так Варнава сказал.
Замолчали монахи в подземной тюрьме,
Лишь урчанье утроб было слышно в тиши,
Да над их головами в лесной вышине,
Где-то там, – щебетание птиц, ветра шум.
– Что же делать нам, братцы? – Макарий спросил.
– Что тут сделаешь? Знаю я только одно,
Что письма мы писать не должны ни за что! –
Вновь Варнава ответил. А Тихон сказал:
– Здесь, в лесу, Тихомир нас не сможет найти...
– Ничего, есть у нас пастырь лучше него.
И ему мы должны доверяться во всём, –
Так Варнава ответил. А Тихон сказал:
– Что ж, помолимся, братья. Теперь нам одно
Остаётся: на Бога во всём уповать.
Мы и раньше не думали, будто наш путь

Будет лёгок и весел. Чего же теперь
Унывать нам? Мы вместе, мы живы, и есть
Хоть немного воды. Воздадим же хвалу
Богу мы и за это. Откуда нам знать,
Что Он нам приготовил на этом пути...
– Мудро слово твоё, – брат Макарий сказал. –
Что бояться разбойников, если за нас
Тот, кто выше всего. Он их нам и послал,
Чтоб проверить на крепость, на веру, на дух.
Что бояться нам смерти, когда для неё
Мы всю жизнь и живём, и готовимся к ней?
Кто родился героем, вождём, мудрецом?
Лишь детьми мы рождаемся слабыми все.
А потом крепость духа и веры, и Бог
Нас выводят в герои, в вожди, в мудрецы.
Только даже герой, даже вождь и мудрец,
Если к смерти своей не готовят себя,
Могут в час свой последний, в последний свой миг
Зачеркнуть все деяния жизни своей,
Если слабость проявят, хотя бы лишь раз.
Смерть венчает людей, весь их путь, всю их жизнь.
Как-то книгу читал я о древнем царе.
Был велик и могуч он. Держава его
Процветала, он многими повелевал
Городами и странами. Только потом
На него вдруг войною пошёл царь другой,

Молодой, сильный, смелый, и он смог в бою
Победить столь могучего прежде царя,
Разгромил его армию и самого
Захватил его в плен. А потом никого
Не хотел оставлять он в живых и казнил
Всех, посмевающих войною пойти на него.
Всех солдат, воевод. А потом и царя.
И тогда старый царь на колени упал,
Стал пощады просить, согласился он быть
Хоть рабом, только б жить. И оставил его
Победитель в живых, чтобы падал он в прах
У его колесницы: чтоб царь молодой
По нему заходил в колесницу свою.
И ведь падал же в прах старый царь, чтобы жить!
Так окончил он жизнь свою грязным рабом,
Потому что о смерти не думал своей,
Не готовился к ней, и не смог одолеть
Страха жизнь потерять ради чести своей.
И хоть жил он царём, всё же умер как раб.
Полководцы его, и солдаты его
Честь свою берегли, ради веры своей
Жизнь отдали свою. Он же предал всех их.
Вот об этом теперь мы подумать должны.
И рождение, и жизнь человеку даны,
Чтобы к смерти своей он достойно пришёл,
И достойно бы принял последний удел.

– Мудр и ты, брат Макарий, – Варнава сказал. –
А теперь воздадим мы молитву Творцу,
И пусть будет всё так, как положено быть.
Нам же – стойко сносить да Творца восхвалять. –
Встали в яме они на колени тогда
И творили молитвы, и силы свои
Укрепляли молитвой и духом своим.
И окончив молиться, они улеглись,
Чтобы сил не расходовать и отдохнуть.
Долго, молча, лежали. Никто говорить
Не хотел. Только слушали пение птиц.
Вдруг какие-то мелкие камешки к ним
Полетели на дно. Тихон поднял один,
Посмотрел, удивился:
– Глядите, друзья,
Кто-то кинул орехов. Не сторож ли наш
Жалость к нам проявил? Вот, берите... –
Они разделили орешки и съели скорей,
Да наверх посмотрели, хотели сказать
Благодарность тому, кто решил укрепить
Их в насильном poste. Вдруг над ямой, вверх,
Видят белку. И та снова бросила им
Три орешка лесных. И пропала опять.
– Вот так чудо! – Варнава сказал. – Ну и ну! –
Я-то думал, что стражник до нас снизошёл.
Оказалось, что белка нам носит еду!

– Я не верю глазам. Как же то может быть? –
Проронил тут Макарий. – Не чудо ли тут!
– А орешки-то сладкие, – Тихон сказал. –
Друг наш, белочка, милая, скинь нам ещё.
Где ты спряталась? Выгляни. Где же ты там? –
Вдруг опять показался пушистый комок
Возле ямы, и снова слетели на дно
Три орешка лесных, а затем три грибка
Прошлогодных, сухих. И комочек исчез,
Только хвостик пушистый мелькнул наверху.

8. Борьба за жизнь Бакмата

Время тихо текло над Ветлугой рекой,
Волны тихо неспешно катились на юг.
Им была безразлична минутная жизнь;
Было им всё равно, что творится вокруг.
А у тихого берега возле куста
Старой вербы лежал полумёртвый Бакмат.
И хотя без сознания был он, ему
Важен был каждый миг, продлевающий жизнь.
Верный конь его рядом на страже стоял,
Опустив скорбно голову; гривой своей
Щекотал он хозяину нежно лицо,
Но не двигался тот, и почти не дышал.
Вышла к берегу Овда, колдунья лесов,

Трёх волчиц и волчонка она привела,
Чтобы тело Бакмата забрали они,
Чтоб душою его ей самой овладеть.
Конь учуял волков. Захрапел он, заржал;
Стал он землю копытами сильными бить.
Окружили волчицы Бакмата, хотят
Подобраться поближе, схватить, разорвать
И насытиться кровью и мясом его,
И насытить волчонка, который стоял
Чуть поодаль, пугаясь жестоких копыт.
Только конь от хозяина не отступал
Ни на шаг, на волчиц он кидался, хрипя,
Бил копытом. Одной он попал по хребту;
Отлетела она, заскулила, и встать
Не могла уже, болью сковало её.
Попыталась тогда и колдунья сама
Успокоить коня; подошла и клюкой
Замахала у морды его вороной:
– Чу! Проклятый, остынь! А не то превращу
В мухомор придорожный, в трухлявый пенёк! –
Конь ведёт черным глазом, встаёт на дыбы,
Словно хочет взлететь, унести в небеса
И хозяина с грешной земли унести.
– Чу! Проклятый! – Тут крикнула Овда. – А ну!!! –
И хотела клюкою ударить коня.
Тот попятился, снова вскочил на дыбы,

Да копытом и выбил у Овды клюку.
А потом он на ноги передние встал,
И копытами задними резко брыкнул
Да волчицу другую подальше отшиб,
Что хотела уж было Бакмата схватить
За сапог и увлечь. Овда ахнула тут:
– Ах ты мерзость! – и руку она подняла,
Чтоб заклятием страшным коня умертвить.
Только видит: рука у неё расцвела
Луговыми цветами, и вьётся над ней
Стоя бабочек мелких. Она в тот же миг
Поняла, в чём причина. Назад отошла,
Да клюку подняла. Лишь схватила клюку,
Вмиг исчезли и бабочек рой, и цветы.
Обернулась колдунья: стоит у реки
Вещий Дед, а на посохе сокол сидит.
– Что мешаешь, старик?! Ты же знаешь и сам,
Что марийскую душу могу я забрать,
Чтобы сила её мне защитой была,
И чтоб наши леса охраняла она... –
Вещий Дед отвечал ведьме Овде тогда:
– Много гибнет марийцев на нашей земле,
Поищи себе душу другую. – На то
Отвечала колдунья, трясая головой:
– Я за этой душой наблюдала давно.
Сильный дух у него, и душа – стоит трёх.

Не мешай мне, старик! Знаешь ты: я – сильней! –
Вещий Дед отвечал ведьме Овде тогда:
– Ты сильней, я не спору. Да только душа
То не наша уже: от марийских богов
Отвернулась она. Ты не можешь забрать,
Если сам Кугу Юмо, верховный наш бог,
Отпустил эту душу. В одном своём сне
Видел я, что Бакмат не сегодня умрёт.
Он теперь под охраной не наших богов,
Хоть и сам он об этом не знает ещё.
Так что диких волчиц от него отгони
И ступай себе в лес. Пусть хранит он тебя.
– То-то я удивилась, что конь, словно бес,
Защищает его, не боясь ни волчиц,
Ни меня. Вот в чём дело. Когда б подошла
Я поближе, сама бы учуяла дух,
Отступивший от наших марийских богов... –
Тут в волчицу она превратилась, и в лес
Удалилась, за ней поспешили скорей
Три волчицы с волчонком, из них две едва
Волокли свои ноги. Все скрылись в лесу.
Сокол с посоха деда крылами взмахнул
И взлетел. Сделав круг, полетел вдоль реки.
А старик подошёл и погладил коня.
Конь брыкаться не стал, только гривой потряс.
– Ты присядь, мой дружок. Так высоко поднять

Не смогу я Бакмата на спину твою.
Ты же видишь: я стар, сил не хватит моих... —
Конь кивнул головой и послушно прилёг.
Вещий Дед взял за плечи Бакмата, поднял,
Кое-как положил поперёк на седло.
Взял коня под уздцы и к дороге повёл,
Говоря ему тихо такие слова:
— О хозяине ты, мой дружок, не грусти.
Хоть не скоро теперь ты увидишься с ним.
Я его подлечу. Будет бегать, как лис.
А тебе предназначен хозяин другой.
Ты, как прежнего, должен его полюбить.
Станешь преданным другом ему и слугой.
Видел я и тебя в своих сказочных снах.
Ты не все ещё битвы людские прошёл.
Что поделаешь? Дивная наша судьба... —
Говорил Вещий Дед. По дороге лесной
Он всё дальше и дальше коня уводил.

9. Кереметовы сосны

Роща светлых берёз за холмом насыпным
Где-то сбоку осталась. Вверху, на холме
Дуб раскидистый рос. Возле дуба кругом
Истуканы стояли. Тут Фёдор спросил:
— Что за капище там, на вершине холма? —

Маша так отвечала ему на вопрос:
– То – марийское место. Святое оно.
Светлый тот березняк, что лежит за холмом, –
Кереметова роща. Святилище там.
Там живут два жреца и помощники их.
Помню, в детстве ещё, я малою была,
Как меня подобрали, так дня через три,
Дед Ексей в эту рощу, в святилище то,
И меня отводил, чтоб жрецу показать.
Помню я, жрец с рогами оленьими был,
Сам седой, словно лунь, а рубаха кругом
Говорящим узором расшита, по ней
Можно многое знать, если смысл понимать.
А на шее жреца крупный камень висел
Драгоценный, который на солнце сиял
Как костёр на груди, ярко-красной зарёй.
Страшным мне показался тогда этот жрец...
Холм тот тоже святой. Как и дуб на холме.
Там молитвы и жертвы приносят жрецы.
Сосны те, что стоят над Ветлугой, куда
Мы с тобою идём, тоже с давних времён
Кереметовой рощей прозвали у нас.
Там – Ходячие Сосны у самой воды. –
Фёдор тут не сдержался, у Маши спросил,
Что давно уж хотел он спросить у неё:
– Почему же ходячими сосны зовут?

– Сам увидишь. А наше преданье о них
Говорит, что давно, с незапамятных пор
Великанами были те сосны, они
Керемету служили. Тогда ещё жил
Славный Нар, великан. Он ходил по земле,
Да из обуви землю, когда вытрясал,
То под ним появлялись большие холмы,
Даже горы. В то время в марийских лесах
Человек появился, и стал он рубить
Вековые леса, выкорчёвывать пни,
Чтобы пашни расширить. И тут налетел
Ураган, пни он в воздух поднял и понёс.
Пень один угодил Нару в глаз. Тот давай
Глаз тереть, слёзы лить. Слёзы лились его
Прямо в Волгу. Солёною стала река.
Бог воды Йомшоэнер сказал ему, чтоб
Не ревел, а шёл к матери. Мать же ему
Этот пень извлекла, а потом говорит:
«Видно, скоро конец великанам придёт,
Видно, люди в марийских лесах завелись,
Если спиленный пень в глаз к тебе прилетел».
Раскрутила тот пень и забросила в лес.
И опять к человеку тот пень прилетел.
Тот его, как и все, на дрова расколол
Да зимою дровами топил свою печь.
А весной глупый Нар, стал ходить по полям,

Видит, в поле букашку, шесть ног у неё.
Та по полю ползёт, след от взрытой земли
За собой оставляя. Нагнулся тут Нар,
Видит, – то человек на лошадке своей
Пашет поле. Нар с лошадьё вместе, с сохой
Человека поднял, да и к матери снёс.
Мать сказала: «Верни человека назад.
Суждено после нас им на землю прийти».
Нар обратно отнёс человека, а сам
Не хотел, чтобы род великанов исчез,
Чтоб букашки одни по земле расползлись.
И решил он невесту себе отыскать,
Чтоб продолжить свой род. Долго всюду искал,
Но невесту себе он нигде не нашёл.
Разозлился тогда на людей великан,
Что они всё плодятся, а он всё один.
И решил сам он сделать невесту себе.
Вырвал сосны повыше, да ловко так сплёл,
В виде бабы большой. И понёс он её
К Кугу Юмо, просить, чтобы тот оживил.
Кугу Юмо ему отказал, он сказал,
Что ушло великаново время, и что
Человек скоро будет владыкой земли.
Опечаленный Нар к Керемету пошёл.
Керемет согласился невесту его
Оживить, но сказал, чтобы дети его

Все служили ему. Дал согласие Нар.
И с тех пор жил он счастливо. Мать же его
Тоже рада была видеть внуков своих,
И счастливой она в мир иной отошла.
Нар с женою состарились, много они
Наплодили детей. Правда, дети у них
Были ниже их ростом, всего лишь с сосну.
А потом, как скончались и Нар, и жена,
Керемет их детей всех на службу призвал,
Да велел свои капища им охранять.
Керемешами их он назвал и велел
Всех ногами давить, кто без спросу придёт.
Много было детей-керемешей, Они
Разбрелись по реке, чтоб повсюду в лесу
Охранять кереметовы капища им.
Стали тут керемеша ногами давить
Всех людей, кто случайно в их лес забредёт.
Осерчали тут люди. Сказали жрецу.
Жрец спросил Кугу Юмо: «Что делать теперь?»
Кугу Юмо ответил: «Энеру, реке,
Я велю останавливать их навсегда.
Так что если за вами они побегут,
Вы спешите к Энеру, спасайтесь в реке.
С этих пор реку им перейти не дано.
Потому что, — лишь вступят на берег реки, —
Снова в сосны они превратятся в тот миг.

Только ночью и смогут они оживать,
Но уж с места они никогда не сойдут».
И с тех пор керемеша стоят у реки... —
Фёдор слушал почтительно дивный рассказ,
По дороге к реке, но в конце оборвал:
— Ты сказала: «Энер»? Что за слово «Энер»? —
И ответила Маша, сказала она:
— Так Ветлугу все звали когда-то давно,
С незапамятных пор. Дед Ексей говорил,
Будто прадед его много знал про Энер
Всяких разных историй. Вернёшься когда,
Он расскажет тебе, если вспомнит чего... —
Так они с разговором к реке подошли.
И увидел тут Фёдор, как берег крутой
Сосен ряд обступает, спускаясь к реке.
Но не могут те сосны достигнуть воды,
Корни их из песка выступают, ветвясь,
Будто ноги, стволы над землёю подняв,
И навеки застыв. Словно кто-то их бег
Над рекою прервал. А не то бы они
На корнях, как на щупальцах в реку вошли
И на берег другой, что положе лежит,
Перешли бы. Как диво чудесной земли
Эти Сосны Ходячие были теперь.
— Всё, пришли. Вот и сосны. Ты видишь и сам,
Почему их ходячими люди зовут?

– Да, чудно здесь, – ответил тут Фёдор. – Чудно.
Сосны будто и, правда, готовы пойти...
– Вот Ходячими Соснами их и зовут.
Эти сосны священны у наших людей.
Кереметово место... У нас говорят,
Что они ещё служат ему по ночам,
Когда могут опять великанами быть,
Хоть и с места теперь не сойдут никогда... –
Осмотрелся тут Фёдор вокруг и спросил:
– Где же лодка моя? Что мы, раньше пришли?
– Нет, – ответила Маша. – У сосен нельзя
Из воды выходить. Только – в воду входить.
Это место священо. А лодка твоя
Там, должно быть, за соснами. Вон же, смотри! –
И она указала за сосны ему,
Где у ельника виден был парус едва.
Там их Устя ждала. Там простились они.
Устя вышла из лодки на берег. Потом
Фёдор в лодку вошёл и направил её
По течению вверх. Сокол рядом парил
В вышине по-над лодкой, как будто хотел
Направление верное ей показать.
Ельник скоро исчез с поворотом реки.

10. Хитрость Ворона

Не хотел Ворон ждать, когда иноки вдруг
Станут письма писать. Видел он: твёрдый дух
У монахов сломить не удастся ему.
Уступить же монахам – лицо потерять
Перед шайкой лихой, что с трудом он собрал.
Да и выкуп хотелось ему получить.
Ворон крепко задумался. Долго сидел
У лесного ручья, у землянки своей.
Всё смотрел на ручей, на течение воды,
Да всё думал, как быть. Уже стали роптать
Душегубы его, что без дела сидят.
– Васька! – тут он позвал одного, что сидел,
Возле ямы, и только что сменщику сдал
Караул свой. И Васька к нему подошёл.
Ворон только кивком на пенёк показал,
Васька рядом уселся. Тут Ворон спросил:
– Как там эти? Не сдохли ещё на воде?
– Живы черти... не знаю уж, чем и живут...
Видно, духом святым. Только молятся всё...
Может, правда, какие святые, а мы...
– Но-но-но! Ты мне брось! Нету святости в них!
Будешь так говорить, и тебя брошу к ним!
Тоже будешь святой на воде, как они.
– Я чего... ничего... так уж все говорят...
– Сопляки! Испугались монахов! Они,
Может, жрут там червей, вот и живы ещё.

На воде всё же долго не смогут прожить. –
Ворон чуть помолчал, а потом говорит: –
Ладно, я тут придумал, как нам и без них
Обойтись. Позови-ка Ушатого мне. –
Васька Леший Ушатого Фомку привёл.
Ворон тут говорит: – Слушай, Фомка, ведь ты
Говорил, что умеешь писать...
– Ну, могу.
– Что ж, тогда ты напишешь письмо в монастырь.
Я тебе продиктую. Неси-ка сюда
Бересты для письма. Ну а ты собери
Все вещички монахов, – он Ваське сказал. –
Если там их узнают, по ним-то они
И поверят, что подлинно наше письмо.
Да скажи, чтоб седлали всех трех лошадей.
Ты поедешь со мной. И Медведю скажи,
Собирается пусть. Скоро мы уж пойдём. –
Самый младший из шайки, Ушатый Фома
Двадцати пяти лет, из крестьян костромских,
Притащил береста и отточенный нож.
– Ну, пиши, – приказал ему Ворон, – пиши:
Братья добрые, мы у марийцев в плену.
Мучат голодом нас, истязают и бьют.
Нету мочи терпеть. Богу душу отдать
Было б лучше для нас. Помогите же нам... –
Он письмо диктовал, а Ушатый писал,

Вырезая значки на куске береста.
Вскоре было и дело закончено тем.
Ворон тут ободрился, похаживать стал
Довольнёшенек, долго на месте сидеть
Не любил он: в дороге-то всё веселей.
К яме он подошёл, под шалаш заглянул.
Видит: шмыгнула белка от ямы в лесок.
Ворон только косматой башкой покачал:
– Любопытная тварь! – В яму он заглянул. –
Что? Сидите, голубчики? Голод-то вас
Не сморил ещё? Будете в свой монастырь
Письмецо-то писать? Сколько ждать вас ещё? –
И Варнава из ямы ответил ему:
– Жди, не жди, не дождёшься. Хоть нас закопай.
Всё равно не напишем письма в монастырь.
Да и нет там богатства, чтоб вам заплатить.
Что ты хочешь там взять? Пару, тройку икон?
Или, может, кресты? Монастырь наш уже
Был разграблен однажды. В нём нет ничего.
– Ладно, ладно! Помалкивай! Знаю без вас,
Что разжиться успел монастырь с той поры.
Не поверю, чтоб нечем им было платить.
Может, вы там у них не на лучшем счету?
Может быть, вы боитесь, что скажут они:
Ну и пусть, мол, умрут, мы не будем платить...
– Да, ты прав. Мы у них не на лучшем счету.

Потому и ушли, – вновь Варнава сказал. –
И за нас не получишь ты выкуп, не жди.
– Ладно, ладно! Не ври! Ну а если писать
Не хотите письмо, обойдёмся без вас.
Вот, послушайте, что я сейчас сочинил. –
Он достал бересту, но читать не умел,
А по памяти им рассказал всё письмо. –
Тут и подписи: Тихон, Варнава монах
И Макарий. Ну что? Обошлись и без вас!
Там покажем мы ваши вещички, тогда
Нам поверят, небось. Ну, так как? Вы ещё
Не решили письмо от себя написать?
– Ворон, думаешь, ты всех хитрей и умней? –
Вдруг из ямы услышал он голос другой. –
Только Бога ты вряд ли умом превзойдёшь!
Он уж взвесил тебя, и уж знает, когда
День твой чёрный придёт. Отодвинуть его
Сможешь, только раскаявшись в жизни своей...
– Это кто там проквашал? А ну, назовись! –
Рассердился тут Ворон.
– Макарий монах.
– Ты, Макарий, дурак, если так говоришь!
Я уж знаю судьбу. Крест на шее ношу.
И что в рай мне дорога закрыта давно,
Знаю я и без вас. А вот чья в том вина,
Это Богу известно. Пусть он и решит. –

Оттого, что не смог он монахов сломить,
Ворон злой отошёл. Приказал подавать
Своего жеребца. Остальным приказал:
– Без меня тут, смотрите, не баловать чтоб!
А монахов немного кормите, пускай
Поживут до меня. Как приедем, – решу,
Что мне с ними поделать: казнить или нет.
Ну, прощайте!
– Прощай! Возвращайся скорей! –
Так уехали трое на резвых конях,
А монахи всё в яме сидели сырой.

11. Первый подвиг Фёдора

Ивы плакали, ветви свои опустив
В голубую волну достославной реки.
Левый берег Ветлуги размыт был дождём,
Что недавно прошёл, был похож он теперь
На кисельный, что в сказке с молочной рекой.
Фёдор плыл ещё в лодке пока далеко,
Всё вокруг любовался он краем своим.
– Как прекрасна земля! Как красива река!
Что за дивные виды! Ах, Финист, мой брат,
Как хотелось бы мне, чтобы вместе с тобой
Воспарить над землёй, чтобы всю красоту
Мог увидеть я сверху. Ты счастлив, мой друг,

Что имеешь два сильных широких крыла... –
Но едва к ивам лодка его подошла,
Плач услышал Шарьинец. Глядит: никого!
Только ивы печальные ветви свои
В тихих волнах полощут у края воды.
– То не ивы ли плачут над тихой рекой
Человеческим голосом? Чудо ли тут,
Или горе какое? – Шарьинец сказал.
Тут он к берегу лодку направить решил,
Разузнать: кто же плачет так горько у ив.
Сокол Финист покинул Шарьинца плечо,
И взлетел, высоко над округой кружа.
Вскоре Фёдор услышал его громкий крик.
– Видно, что-то неладно здесь, – Фёдор сказал.
Он причалил к размытому берегу: – Эй!
Кто тут плачет? А ну, отзовись поскорей!
Если помощь нужна, я готов и помочь... –
Вдруг из ивы одной, из висячих ветвей,
Что свисали густою волной до земли,
Вышел мальчик заплаканный, лет десяти.
Перепачканный весь, ноги, руки, лицо,
Всё измазано грязью; рубашка, штаны.
Без обуви стоял он на голой земле.
До коленочек ноги в грязи, как в чулках.
– Что случилось?
– Татар на деревню напал. –

Дом палит, бьёт людей. Папа, мама убил... –
Был парнишка марийцем. По-русски же он
Объяснялся неплохо. – Детей, нас, сюда,
Кто могли, убежал, чтоб укрыться в реке.
Кто и в лес убежал. – Он заплакал опять.
– Ну-ка, хватит реветь. Сколько скрылось вас тут? –
Подошёл Фёдор к ивам, раздвинул листву
И увидел под ивами возле воды
Группу малых детей, кто постарше, а кто
И совсем на руках у сестрёнок своих
Да у братцев. Испуганы лица у всех.
Перепачкались все, как бежали сюда.
– Да-а, – вздохнул богатырь. – Ну-ка, парень, пойдём;
Ты мне лишь покажи, где деревня твоя. –
А кругом грязь такая, ну словно кисель,
Сапоги так и вязнут, как будто земля
Не пускает идти, не даёт сделать шаг.
– Эх, коня бы, – невольно вздохнул богатырь.
Тут парнишка его потянул за рукав
И на лес указал. Обернулся герой,
Видит, едет старик на лихом скакуне.
Конь под ним словно бес: чёрным глазом своим
Конь поводит вокруг, чёрной гривой трясёт;
Отбивает чечётку на мягкой земле,
Так копытом и бьёт, так и хочет лететь.
Он не может стоять, не желает шагать,

Хочет только нестись, словно сокол лихой.
Прямо к ним выезжает из леса старик;
Слез неспешно с коня, а потом говорит:
– Ты ли Фёдор Вершина? Скажи, богатырь.
Я во снах тебя видел. С отцом же твоим
Я встречался и так. Много слышал о нём.
– Я и есть, – отвечал ему Фёдор. – А ты
Кто же будешь, отец? И зачем я тебе?..
Извини, не досуг мне с тобой говорить.
Мне людей бы спасти... Ты бы дал мне коня... –
Усмехнулся старик. Бородою потряс:
– Молод ты и горяч. Задаёшь мне вопрос,
А ответа услышать уж времени нет.
Что ж, бери скакуна. Вёл его я к тебе.
Твой теперь он, возьми. Конь бывалый в боях.
– Ты, отец, извини за горячность меня.
Горе там у людей. За коня же тебе
Вот мой низкий поклон. Как же имя твоё?
– Я и сам уж не помню. Зовут все меня
Вещим Дедом. Скачи ж по дороге вперёд
И деревню увидишь. Мальчишка уж пусть
Твою лодку пока стережёт без тебя...
– Как же звать скакуна? – Фёдор тут уж вскочил
На лихого коня. Дед ответил ему:
– Конь не мой. А хозяину имя – Бакмат.
После встретишься с ним. И коня ты ему

Непременно верни! А пока же его
Сам, как хочешь, зови. Лишь бы слушался он.
– Ну, спасибо, отец! – и, прищпорив коня,
Полетел по дороге Шарьинец вперёд.
Вот уж скоро деревню увидел, а там
Бой жестокий кипел у мари и татар.
Бились насмерть мари́йцы, деревню сдавать
Не хотели, чтоб в плен дочерей их и жён
Злой татарин забрал. Вилы взяв, мужики
Защищали дома. Только стрелы татар
Доставали сердца их не в ближнем бою.
Но тогда от погибшего мужа жена
Вилы те поднимала и шла на татар.
Словно воины, женщины дрались в бою,
Смерть им краше была, чем неволя и плен.
И другие мужчины, увидев, как в бой
Рвутся жёны погибших мужей, не могли
Биться хуже, чем каждый за семь человек.
Всё же силы неравные были у них.
И теснили татары сильней и сильней.
Но деревня погибнуть готова была.
Приготовили девушки косы, ножи,
Чтоб в последнюю битву вступить и принять
Как спасение смерть от татар ли в бою,
От себя ли самой, лишь бы в плен не попасть.
Фёдор тут же прищпорил коня и влетел

Прямо в гущу татар, меч Олегов достал
И как мельница начал мечом он махать
Влево, вправо, везде, где ему на глаза
Попадался татарин на резвом коне.
А марийцы, увидев такой оборот,
Подбирали мечи, луки, стрелы татар,
И пускали всё в ход. Вот татарин один
Натянул тетиву, чтоб в Шарьинца стрелу
Запустить, чтобы ей крови русской испить.
Но ему на глаза с неба брызнуло вдруг
Чем-то едким, вонючим; стрела у него
Сорвалась и со свистом вонзилась в бревно
У венца, что под крышей горящей избы.
Только сокола крик прозвучал вышине.
В тот же миг и татарин нашёл свою смерть
От марийской руки, от татарской стрелы.
– Не давайте уйти им! – Шарьинец кричал.
Он летал, как орёл, и татарам нёс смерть.
Мужики окружили деревню свою,
Не пускали татар никуда отступить.
Всюду стрелы и вилы, как чёрта рога,
Их встречали, и негде уж было спастись.
Вот последние встали вокруг вожака,
Чтоб его защитить. Говорили они:
– Прошлый тот богатырь предвещал, что придёт
За него отомстить и другой богатырь.

И сбылось предсказание: смерть к нам пришла. –
И тогда закричал предводитель у них:
– погоди, богатырь! Вижу, как ты силен!
Но с тобой говорит ханский евнух Катрус!
Набираю я девушек в ханский гарем.
Если нас ты убьёшь, нам на смену придёт
Преогромная сила из ханской Орды;
Все деревни пожжёт, города разорит.
Будет то для мариюцев и русских беда
Не сравнимая с этой. Подумай о том!
Если будешь за нас, князем сделаю здесь.
И убитых батыров тебе я прощу...
– Мертвецам не служу! Ну а ты уж – мертвец! –
Так ответил Шарынец и, меч свой подняв,
Полетел на Катруса. Охрану он смёл,
Словно сор со стола. И Катрусу мечом
Тут же голову ссёк. Полетел тот с коня;
Загремел на Катрусе доспех кузнеца,
Что велик был ему, и не в пору сидел.
Ликовала деревня. Спасителю все
Воздавали хвалу. Но и горечь была
О погибших в бою за деревню свою.
А спасителю все угощенье несли
И подарки, и много добра, кто что мог.
– Как тебя называть нам, спаситель ты наш? –
Вопрошали мариюцы. А Фёдор сказал:

– Фёдор я, сын Ивана Вершины, что жил
В Соколово. Шарьинцем меня все зовут,
Потому что река там, Шарья, и на ней
Днями я пропадал. Берега у Шарьи
Будто рай на земле... Ну а это мой друг! –
Фёдор свистнул слегка и ему на плечо
Сокол с неба слетел. Все дивились тому.
– Это Финист, мы с ним неразлучны всегда. –
Из всего, что Шарьинцу теперь нанесли,
Фёдор разных припасов в дорогу набрал,
От подарков же он отказался совсем:
– Вы мне дайте-ка лук бусурмана того,
Что последним сразил. Лук хорош у него.
Да колчан полный стрел. Пригодится, авось.
Да доспехи его. Вижу я, что они
Не его: велики по размеру ему.
Сам он, видно, с кого-то, паршивец, их снял.
И рисунок на них не татарский совсем.
Ну-ка, дайте мне щит. – Щит подали ему,
На котором по кругу струится река,
Над рекой ясный сокол летит в облаках,
Задевая крылом своим солнца лучи,
Солнца, что посредине большого щита
Яркой медью горит. А под солнцем, внизу
Деревенька у леса стоит над рекой –
Символ русской земли. Парень с девушкой там

В лёгкой лодке плывут по спокойным волнам.
Изумившись, Шарынец на это сказал:
– Глянь-ка, Финист, тебя мастер выковал тут...
Нет, доспехи-то русские! Где ж он их взял?
Ну-ка, дайте мне меч. Он тяжёл для него.
Русский меч, сразу видно. – Подали и меч,
А на ножнах меча бой кровавый кипит:
Бьются русичи с силой татарской Орды,
В середине летит на буланом коне
Впереди своих войск предводитель лихой.
Изумился опять богатырь и сказал:
– Эти ножны достойны великих князей.
Рукоять у меча как изба в кружевах.
Я доспехи возьму. А подарки свои
Уберите, принять их у вас не могу.
Еду я не домой, чтоб добра набирать,
Еду я, чтобы помощь свою оказать
Трёх монахам, которых ищу по реке.
Их зовут: брат Макарий, брат Тихон, ещё
Брат Варнава. Да с ними охранник один
Был сначала. А есть ли? Не ведомо мне.
Должен я их проведать. Хочу вас спросить:
Может, кто-то из вас что-то слышал о них? –
И в народе шушуканье, споры пошли,
На марийском, на ломанном русском потом.
Тут ответил Шарынцу мариец один,

Мужичок разбивной, что сражался как чёрт:
– Приезжали купцы к нам. И, будто, они
Как и ты, с Соколова. Старуха у них
Вроде главного. Верой себя назвала.
Про монахов они говорили и нам.
Говорили, что есть и охранник у них,
Тихомиром зовут. Только будто они
Не монахи, а жулики, верить, мол, им
И не стоит, обманут, убьют ни за что...
– Бабка Вера? Я знаю купечество их, –
Засмеялся тут Фёдор. – Вреднее её
Нет у нас в Соколове ни баб, ни старух.
Ей людей оболгать, что попить молочка.
Это Шишкины! Знатные наши купцы.
Колька Шиш, её батя, прескверный старик,
На своих сундуках так и помер; теперь
И она вот в купцы, как и он, подалась
Вместе с сыном своим. Да себя-то они
Величают как Шишкины... Что говорить...
– Верно, Шишкины! Так называли себя, –
Подтвердил мужичок. Тут к нему подошёл
Седовласый старик. Сразу люди вокруг
Расступились, умолкли. То, видимо, был
Их старейшина. Фёдору так он сказал:
– Вот тебе мой подарок. Купил я его
У купцов тех, у Шишкиных. Цену им дал

Столь великую, сколько не стоит он сам.
Для меня ж он бесценен, – и нож протянул.
Фёдор взял в ножнах нож, да из ножен достал.
Острый длинный клинок заблестел на свету.
На клинке по ребру, где был выкован дол,
Шёл премудрый марийский орнамент чудной,
Волки скачут на нём по обоим бокам,
Гонят зайцев они по чащобам глухим;
А на пятке клинка как цветы – письмена;
Рукоять из лосиного рога с концов
Серебром вся покрыта, узорным, резным;
Три заклёпки серебряных в виде сердец;
В виде глаза отверстие для темляка.
– Дивный нож! Но принять я его не могу,
Если он тебе дорог, – Шарынец сказал.
– Был когда-то охотник в марийских лесах, –
Продолжал тут старик, – Был он лучшим из нас.
Мог один на медведя и лося ходить.
Бил из лука он влёт и всегда попадал.
Вурспатыр его звали. Мы были дружны
И не раз на охоту ходили вдвоём.
И не раз жизнь друг другу спасали в лесу.
Уважали его, сыном князя он был,
Что ушёл в вашу веру. Его это нож,
Князя Ош-Пандаша. А когда умер князь,
К Вурспатыру тогда этот нож перешёл.

А потом лес забрал Вурспатыра себе.
И не видел уже этот нож я с тех пор.
А когда у купцов я увидел его,
То спросил, где, мол, взяли они этот нож.
И они мне сказали, что были они
Под Якшаном на ярмарке, там у купца
Этот нож и купили. Назвали притом
Цену ту, за которую куплен был нож.
Я просил их продать. Не хотели они.
Я поднял цену втрое. Старуха тогда
Согласилась на сделку и нож отдала.
Дорог мне это нож: память друга хранит.
Я для сына купил, чтоб в марийском роду
Навсегда нож остался. А сын мой теперь
Вон, у дома лежит со стрелою в груди.
Я же – стар. Ну а ты сына смерть отомстил,
Сам мне стал словно сын. Так что нож мой прими.
– Благодарствуй, отец! – Фёдор тут отвечал. –
Как же имя твоё? Должен знать я того,
Кто меня своим сыном прилюдно нарёк.
– Озанай моё имя, – ответил старик.
– Озанай – наш старейшина, – тут пояснил
Мужичок разбивной, что сражался как чёрт.
– Не забуду тебя я, отец Озанай!
А теперь все послушайте, что я скажу. –
Обратился к народу он. – Трупы земле

Вы предайте, коней заберите себе,
Все доспехи, оружие скройте в тайник
И о том, что был бой здесь у вас и татар
Вы забудьте совсем, чтобы весть до Орды
Не дошла, умерла чтобы в наших лесах.
– Погоди, богатырь! – Вот, смотри, что ещё
У татарина сбоку висит на ремне... –
И мариец, который доспехи снимал,
Нож Шарынцу подал. Фёдор принял тот нож.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.